

Мифы Нового Света. Тракта́т о символизме и мифологии Красной Расы Америки

Дэниел Г. Бринтон

The Myths of the New World

Daniel G. Brinton

Электронная книга проекта "Проект Гутенберг" "Мифы Нового Света".

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Мифы Нового Света

Автор: Дэниел Г. Бринтон

Дата выхода: 22 сентября 2006 [eBook #19347]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Робертом Чикконетти, Джулией Миллер и командой онлайн-корректуры.

Распределенная группа корректуры на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл подготовлен с использованием изображений, щедро предоставленных издательством.

файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных

Канадским институтом исторических микрорепродукций

(www.canadiana.org))

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE MYTHS OF THE NEW WORLD ***

Примечание транскриптора

Исправления, упомянутые в "[Errata](#)", были сделаны. Исправленный текст отмечен, а оригинальный текст показан во всплывающем окне.

В текущей версии книги сохранен ряд опечаток. Они отмечены, а исправленный текст показан во всплывающем окне. [Список](#) этих ошибок приведен в конце книги.

В этой книге встречаются следующие менее распространенные символы: ã (а с бревом), ä (а с макроном), ë (е с макроном), ù (у с макроном). Если они не отображаются должным образом, попробуйте изменить шрифт.

Мифы Нового Света

ТРАКТАТ О СИМВОЛИЗМЕ И МИФОЛОГИИ КРАСНОЙ РАСЫ АМЕРИКИ

Дэниел Г. Бринтон, A. M., M. D.

Memb. Hist. Soc. of Penn.; of Numismat. and

Antiq. Soc. of Philada.; Corresp. Memb.

Amer. Ethnol. Soc.; автор

*"Заметки о Флоридском
полуострове Флорида" и др.*

НЬЮ-ЙОРК
ЛЕЙПОЛЬДТ И ХОЛТ
ЛОНДОН: ТРЮБНЕР И КО.
1868

В соответствии с Актом Конгресса в 1868 году
ДЭНИЕЛОМ Г. БРИНТОНОМ,

в канцелярии окружного суда Соединенных Штатов Америки по
Восточному округу штата Пенсильвания.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я написал эту работу скорее для вдумчивого широкого читателя, чем для антиквара. Это исследование неясной части интеллектуальной истории нашего вида, показанной на примере одной из его разновидностей.

Каковы самые ранние представления человека о душе и Боге, а также о собственном происхождении и судьбе? Почему мы находим определенные мифы, такие как сотворение мира, потоп, загробный мир; определенные символы, такие как птица, змея, крест; определенные числа, такие как три, четыре, семь, - тесно связанные с этими идеями у каждой расы? Каковы законы развития естественных религий? Как они приобретают такое влияние, и является ли это влияние добром или злом? Таковы некоторые из универсально интересных вопросов, которые я пытаюсь решить путем анализа простых верований дикой расы.

Если при этом мне удастся придать более широкий интерес плодотворной теме американской этнологии, моя цель будет достигнута.

Филадельфия,
Апрель, 1868.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ О КРАСНОЙ РАСЕ.

PAGE

Естественные религии - это неосознанные попытки человека познать Бога, модифицированные особенностями расы и нации. Особенности красной расы: 1. Ее языки, недружелюбные к абстрактным идеям. Родные способы письма с помощью картинок, символов, предметов и фонетических знаков. Эти различные методы сравниваются по своему влиянию на интеллектуальные способности. 2. Изоляция, уникальная в мировой истории. 3. Охотничья раса, превосходящая все другие. Основные языковые подразделения: 1. Эскимосы. 2. Атапаски. 3. Алгонкины и ирокезы. 4. Апалачские племена. 5. Дакоты. 6. Ацтеки. 7. Майя. 8. Муиски. 9. Кичуа. 10. Карибы и тупи. 11. Арауканы.- Общий ход миграций.- Возраст человека в Америке.- Единство типа в красной расе 1

ГЛАВА II.

ИДЕЯ БОГА.

Интуиция, общая для всего вида.- Слова, выражающие ее в американских языках, происходят либо от идеи пространства, либо от идеи жизни, проявляющейся в дыхании.- Примеры.- Никакого сознательного монотеизма, и лишь незначительное представление о нематериальности.- Тем более никакого морального дуализма божеств, Великий Добрый Дух и Великий Злой Дух являются терминами и понятиями иностранного импорта 43

ГЛАВА III.

СВЯЩЕННОЕ ЧИСЛО, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ.

Число четыре священно во всех американских религиях и является ключом к их символизму.- Происходит от кардинальных точек.- Постоянно появляется в правительстве, искусстве, обрядах и мифах.- Кардинальные точки отождествляются с четырьмя ветрами, которые в мифах являются четырьмя предками человеческой расы и четырьмя небесными реками, орошающими земной рай.- Ассоциации группируются вокруг каждой кардинальной точки.- Из числа четыре было выведено символическое значение числа *сорок* и *крестного знамения* 66

ГЛАВА IV.

СИМВОЛЫ ПТИЦЫ И ЗМЕИ.

Отношения человека с низшими животными.- Две из них, птица и змея, выбраны в качестве символов, превосходящих все остальные.- Птица в Америке - символ облаков и ветров.- Значение некоторых видов.- Символическое значение змеи вытекает из ее способа передвижения, ядовитого укуса и силы очарования. Обычно это символ молнии и воды.- Гремучая змея - символический вид в Америке.- Военный талисман.- Крест Паленке.- Бог богатства.- Оба символа лишены морального значения 99

ГЛАВА V.

МИФЫ О ВОДЕ, ОГНЕ И ГРОЗЕ.

Вода - древнейший элемент.- Ее использование для очищения.- Святая вода.- Обряд крещения.- Вода жизни.- Ее символы.- Ваза.- Луна.- Последняя - богиня любви и земледелия, а также болезни, ночи и боли.- Часто изображалась в виде собаки.- Поклонение огню в форме поклонения Солнцу.- Вечный огонь.-Новый огонь.-Сжигание мертвых.-Поклонение страстям, но никакого сексуального дуализма в мифах, как и фаллического поклонения в Америке.-Синтез поклонения огню, воде и ветру в грозе, персонифицированных как Хаока, Тупа, Катекиль, Контичи, Эно, Тлалок, Микскоатль и другие божества, многие из которых триедины [122](#).

ГЛАВА VI.

ВЕРХОВНЫЕ БОГИ КРАСНОЙ РАСЫ.

Анализ мифов американской культуры: Манибожо или Михабо у алгонкинов - олицетворение Света, герой Рассвета и их высшее божество.-Мифы Иоскеха у ирокезов, Виракоча у перуанцев и Кецалькоатля у тольтеков по сути совпадают с мифом Михабо. Другие примеры. Анте-колумбийские пророчества о приходе белой расы с востока в качестве завоевателей. Возникновение мифов более поздних культур в схожих формах [159](#).

ГЛАВА VII.

МИФЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА, ПОТОПЕ, ЭПОХАХ ПРИРОДЫ И ПОСЛЕДНЕМ ДНЕ.

Космогонии обычно изображают действие Духа над водами - у москвитов, атапасков, киче, миштеков, ирокезов, алгонкинов и других.- Миф о потопе - бессознательная попытка примирить сотворение во времени с вечностью материи.- Доказательство тому - американская мифология.- Характерные черты американских мифов о потопе.- Спасенный человек обычно первый человек.-Число семь. Их арараты. Роль птиц. Путаница языков. Ацтеки, киче, алгонкины, тупи и самые ранние санскритские мифы о потопе. Вера в эпохи природы - дальнейший результат этой попытки примирения. Ее формы у перуанцев, майя и ацтеков. Ожидание конца света - следствие этой веры. Взгляды различных народов [193](#)

ГЛАВА VIII.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

Обычно человек рождается на Земле, как в языке, так и в мифах.- Иллюстрации из легенд карибов, апалачей, ирокезов, кичуа, ацтеков и других.- Подземный мир.- Человек - продукт одной из первичных творческих сил, Духа или Воды, в мифах атапасков, эскимосов, моксосов и других.- Никогда буквально не происходит от низшего вида.[222](#)

ГЛАВА IX.

ДУША И ЕЕ СУДЬБА.

Универсальность веры в душу и будущее состояние подтверждается языками аборигенов, выраженными мнениями и погребальными обрядами. Будущий мир никогда не был местом

наград и наказаний... Дом Сына - рай красного человека... Земной рай и подземный мир... Чупай... Ксибальба... Миктлан... Метемпсихоз... Вера в воскрешение мертвых почти всеобщая 233

ГЛАВА X.

ТУЗЕМНОЕ ЖРЕЧЕСТВО.

Их титулы.- Практикующие искусство исцеления сверхъестественными средствами.- Их сила, происходящая от естественной магии и использования ясновидящих и месмерических способностей.- Примеры.- Эпидемическая истерия.- Их социальное положение.- Их обязанности как религиозных функционеров.- Условия приема в священство.- Внутренняя организация у различных народов.- Их эзотерический язык и тайные общества 263

ГЛАВА XI.

ВЛИЯНИЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ РЕЛИГИЙ НА МОРАЛЬНУЮ И СОЦИАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ РАСЫ.

Естественные религии до сих пор считались скорее злом, чем добром.- Различия, которые необходимо провести.- Нравственность не вытекает из религии.- Положительная сторона естественных религий в воплощениях божества.- Примеры.- Молитвы как показатели религиозного прогресса.- Религия и социальный прогресс.- Заключение 287

МИФЫ НОВОГО МИРА.

ГЛАВА I.

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ О КРАСНОЙ РАСЕ.

Естественные религии - это неосознанные попытки человека познать Бога, измененные особенностями расы и нации. Особенности красной расы: 1. Ее языки недружелюбны к абстрактным идеям. Родные способы письма с помощью картинок, символов, предметов и фонетических знаков. Эти различные методы сравниваются по своему влиянию на интеллектуальные способности. 2. Изоляция, уникальная в мировой истории. 3. Охотничья раса, превосходящая все другие. Основные языковые подразделения: 1. Эскимосы. 2. Атапаски. 3. Алгонкины и ирокезы. 4. Апалачские племена. 5. Дакоты. 6. Ацтеки. 7. Майя. 8. Муиски. 9. Кичуа. 10. Карибы и тупи. 11. Арауканы.- Общий ход миграций.- Возраст человека в Америке.- Единство типа в красной расе.

Когда Павел, по просьбе афинских философов, объяснял им свои взгляды на божественные вещи, он, среди прочих поразительных нововведений, утверждал, что "Бог создал из одной крови все народы земли, чтобы они искали Господа, если вдруг почувствуют, что ищут Его и найдут, хотя Он недалеко от каждого из нас".

Перед вами оратор, выступающий за единство человеческого рода, утверждающий, что главная цель человека - развить врожденную идею Бога, и что все религии, кроме той, которую он проповедовал, были примерами более или менее неудачных попыток сделать это. Неудивительно, что афиняне, не признававшие родства с варварами, с сомнением смотревшие на доктрину врожденных идей и расходившиеся во мнениях, была ли их

мифология ловким приемом законодателей для удержания населения в подчинении, завуалированной натурфилософией или небесным отражением их собственной истории, посмеялись над таким болтуном и пошли своей дорогой. Поколения философов, следовавшие за ними, разделяли их сомнения и одобряли их мнения, вплоть до наших дней. Но теперь, взвесив все за и против, мы вынуждены признать, что апостол не так уж ошибся, что самые последние и лучшие авторитеты, без всякой предвзятости, поддерживают его позицию и, можно сказать, почти перефразируют его слова. Ведь, по словам писателя, которому нет равных в науке этнологии, самые серьезные и последние исследования показывают, что "признанные факты не только позволяют предположить единство человеческого рода, но это мнение сопровождается меньшим количеством расхождений и обладает большей внутренней последовательностью, чем противоположное мнение о специфическом разнообразии".²⁻¹ Что же касается религий язычества, то мнение святого Павла выражено более поэтично одним выдающимся автором, который называет их "не баснями, а истинами, хотя и облеченными в одежду, сотканную фантазией, где паутиной является представление о Боге, идеал разума в душе человека, мысль о Бесконечном".²⁻²

Вдохновение и наука объединяются, чтобы предложить нам отбросить убогий предрассудок о том, что естественные религии возникают, как учили древние философии, или что они, как представляли себе Темные века, являются тонкими сетями дьявола, расставленными для уловления человеческих душ. Они скорее представляют собой попытки человека без посторонней помощи найти Бога; это усилия разума, пытающегося определить бесконечное; это выражения той "тоски по богам", которую самые ранние поэты заметили в сердцах всех людей. Изученные в этом смысле, они богаты учениями. Оценим ли мы интеллектуальную и эстетическую культуру народа, обобщим ли мы законы прогресса, оценим ли мы возвышенность христианства и прочтем ли печати его подлинности: естественные представления о божественном раскрывают их. Поэтому никакие мифологии не являются столь грубыми, никакие столь варварскими, но заслуживают внимания философского ума, ибо они никогда не бывают пустыми выдумками праздной фантазии, а скорее изречениями, пусть и невнятными, бессмертной и вездесущей интуиции.

Эти соображения позволяют мне с некоторой долей уверенности подходить даже к религиям коренных жителей Америки, которые так часто клеймят как бессвязные фетишизмы, столь бесплодные, как утверждают, в великих и прекрасных творениях. Задача изобилует трудностями. Небрежность, предрассудки и невежество обезобразили их ложными красками и чужеродными дополнениями. Поэтому в первую очередь необходимо просеять и тщательно изучить авторитеты и отбросить все, что выдает пластиковую руку европейца. Ведь предметом нашего изучения должны стать религии, выработанные красной расой, а не смешанные верования, почерпнутые у иностранных захватчиков. Затем предстоит непростая задача привести полученные таким образом аутентичные материалы в систему и порядок, и это не на основе какой-либо предвзятой теории о том, чему они должны соответствовать, а изучая на их основе сами законы религиозного роста, которые они иллюстрируют. Историк прослеживает рождение искусства, науки и правительства в зависимости человека от природы и своих собратьев в плане средств самосохранения. Не то чтобы человек получал эти дары извне, но суровая мачеха, природа, угрозами и насилием заставляет его развивать присущие ему способности. Так и с религией: Идея Бога не исходит и не может исходить из внешнего мира, но, тем не менее, она находит свое *историческое* происхождение также в отчаянной борьбе за жизнь, в удовлетворении животных желаний и страстей, в тех вульгарных целях и мотивах, которые владели разумом первобытного человека, исключая все остальное.

В подобных исследованиях постоянно присутствует неловкость. Имея дело с этими вопросами, выходящими за пределы познания органов чувств, разум вынужден выражать их смысл в терминах, заимствованных из чувственных восприятий, или в символах, заимствованных из материального мира. Эти переносы должны быть поняты, эти символы объяснены, прежде чем можно будет постичь подлинный смысл мифа. Тому, кто не сумеет отгадать загадку сфинкса, не стоит надеяться получить доступ в святилище. Тонкий слух должен уловить слабый шепот мысли, который подсказывает интеллекту, когда он называет нематериальное материальным; когда он выбирает из бесконечности видимых форм те, которые встречаются, чтобы затмить Божественность.

Два света будут сопровождать нас на этом рискованном пути. Помня о том, что в индуктивной науке принято исходить от известного к неизвестному, мы зададимся вопросом, используют ли языки аборигенов Америки те же тропы для выражения таких понятий, как божество, дух и душа, что и наш родной язык. Если ответ будет утвердительным, то мы не только получим прочную точку опоры, с которой можно обследовать весь комплекс их мифологии; но из неожиданного квартала появится доказательство единства нашего вида, гораздо более весомое, чем может предоставить любая простая анатомия, доказательство, исходящее от живой души, а не от мертвого тела. Правда, наука американского языкознания все еще находится в зачаточном состоянии, и правильное обращение с материалами, которые она предлагает даже сейчас, предполагает более критическое знакомство с бесчисленными диалектами, чем я; но пусть эти сведения будут скудны, достаточно того, что я закладываю основу. Во-вторых, религиозные обряды - это живые комментарии к религиозным верованиям. Сначала они представляют собой грубые изображения предполагаемых действий богов. Индийский мастер дождя поднимается на крышу своей хижины и, энергично стуча сухой тыквой с камешками, изображающими гром, разбрызгивает воду через тростник на землю внизу, как он представляет, что наверху, в облаках, делают духи бури. Каждую весну в древних Дельфах повторялась в живописной церемонии битва Аполлона с драконом, победа повелителя яркого лета над демоном леденящей зимы. Таким образом, формы и церемонии раскрывают смысл мифологии и происхождение ее басен.

Не стоит возражать, что предложенный метод анализа предполагает, что религии зарождаются и развиваются в соответствии с непреложными законами. Душа не скована фатализмом. Существуют формирующие влияния, глубоко сидящие, далеко идущие, которых мало кто избегает, но, подобно тем, которые в прошлом астрологи вменяли в вину звездам, они мощно склоняют, но не принуждают. Язык, занятия, привычки, географическое положение и те тонкие ментальные черты, которые составляют характеристики рас и наций, - все это имеет тенденцию отклонять от заданного стандарта религиозную жизнь индивида и массы. Важно придать им должное значение, и поэтому необходимым предисловием к анализу мифов о красной расе является перечисление ее особенностей и главных семейств, как они располагались, когда были впервые известны историку.

Из всех таких изменяющих обстоятельств ни одно не имеет большего значения, чем средства выражения и передачи интеллектуальных действий. Разговорный и письменный язык нации раскрывает нам ее преобладающий и в определенной степени неизбежный образ мышления. Здесь красная раса представляет собой поразительный феномен. Нет другого признака, который бы так безошибочно связывал разрозненные кланы и обозначал их как членов одной великой семьи, как язык. От Замерзшего океана до Огненной Земли, без единого исключения, родные диалекты, хотя и бесконечно различаются в словах, отмечены особенностью построения, которая не встречается больше нигде на земном шаре⁶⁻¹ и которая настолько чужда гению *нашего* языка, что объяснить ее нелегко. Филологи называют

ее *полисинтетической* конструкцией. Что это такое, лучше всего видно из сравнения. Каждое грамматическое предложение передает одну главную мысль с ее модификациями и отношениями. Китаец выразил бы эту идею несвязными слогами, о точном значении которых можно было бы догадаться только по их расположению; грек или немец использовал бы самостоятельные слова, обозначая их отношения терминами, бессмысленными сами по себе; англичанин добивается той же цели главным образом с помощью частиц и расположения. Дух полисинтетического языка сильно отличается от всех этих способов. Он стремится самым тесным образом объединить все отношения и модификации с ведущей идеей, слить одно с другим, изменяя формы самих слов и сваривая их вместе, выразить целое одним словом и изгнать любую концепцию, кроме той, которая возникает в связи с другими. Так, во многих американских языках фактически нет слов для обозначения отца, матери, брата, а есть только для *my*, *your*, *his father* и т. д. Это имеет свои преимущества и недостатки. Он предоставляет чудесные возможности для определения восприятий органов чувств с высочайшей точностью, но, относясь ко всему конкретному, он недружелюбен к более благородной работе разума, к абстракции и обобщению. Бесчисленные изменения этих языков, их дикая гибкость, изменчивые формы и быстрый износ, кажется, выдают отсутствие индивидуальности и напоминают смутную и бурную историю племен, которые их используют. Они демонстрируют почти невероятную дряблость. Нередко представители обоих полов используют разные названия для одного и того же предмета, а дворяне и вульгарные, священники и люди, старые и молодые, даже женатые и холостые, используют, как кажется европейскому уху, совершенно разные способы выражения. Семьи и целые деревни внезапно бросают слова и создают на их месте другие из простого каприза или суеверия, и достаточно нескольких лет разлуки, чтобы возникла заметная диалектическая разница. Своими многочисленными формами и способностью к размножению они напоминают тех аномальных животных, у которых при отрубании конечности она быстро отрастает заново, или даже при разрезании на части каждая часть вступает в самостоятельную жизнь, совершенно не заботясь о своих собратьях. Но как натуралист далек от того, чтобы считать эту избыточную жизненную силу характеристикой более высокого типа, так и филолог справедливо отводит этим языкам низкое место на лингвистической шкале. Верность форме здесь, как и везде, является критерием совершенства. С самого начала мы понимаем, что в мифологиях народов с такими языками не может быть ничего очень тонкого. Многое должно быть неясным, многое расплывчатым, изнурительное разнообразие повторений и сильная тенденция к потере идеи в символе.

То, насколько четкие очертания могут сохраниться, зависит от того, насколько бережно старые истории о богах передавались от одного человека и поколения к другому. Основополагающие мифы расы обладают удивительной живучестью. Сколько веков прошло между тем, как германские орды покинули свои древние дома в Центральной Азии, и тем, как Тацит слушал их дикие песни на берегах Рейна? И все же мы знаем, что сквозь бесчисленные века варварства и бесцельных скитаний эти песни, "их единственный вид истории или летописи", говорит историк, сохранили в неприкосновенности историю о Маннусе, санскритском Ману, и его трех сыновьях, и о великом боге Туиско, индийском Дью.⁹⁻¹ Тем более заслуживают нашего пристального внимания все средства, изобретенные красной расой для записи и передачи мыслей. Нам они кажутся немногочисленными и слабыми, в основном они служат для облегчения памяти. Такими, пожалуй, не обделено ни одно племя. Следы татуировок на груди воина, череда его грубых скальпов, медвежьих когти на шее - все это не только трофеи его доблести, но и записи его подвигов, а для созерцательного ума - зачатки благодатного искусства письма. Если он рисовал грубыми контурами на своей шкуре фигуры людей, утыканных стрелами, столько же, сколько он убил врагов, то его образование быстро продвигалось вперед. Он овладел элементами *картинного письма*, дальше которых

вряд ли продвинулись самые мудрые представители его расы. Изображения природных объектов, соединенные символами, имеющими фиксированное значение, составляют всю совокупность этого искусства. Относительная частота последних знаменует его продвижение от простого образного к идеографическому обозначению. По какому принципу мысленной ассоциации тот или иной знак был принят для выражения определенной идеи, почему, например, на свитках Чипевея круг означает *духов*, а рогатая змея - *жизнь*, зачастую трудно догадаться. Трудность возрастает, когда мы обнаруживаем, что у посвященных один и тот же знак вызывает совершенно разные идеи, поскольку тема писателя меняется от войны до любви, или от погони до религии. Как правило, связь не поддается гаданию, и ключ к идеографическому письму, однажды утерянный, уже никогда не вернуть.

Число таких произвольных знаков в чипвейской нотации, как говорят, превышает две сотни, но если бы различие между фигурой и символом было жестко применено, то было бы намного меньше. Этот вид письма, если он заслуживает такого названия, был распространен по всему континенту, и многие его образцы, выцарапанные на плоских поверхностях камней, сохранились до наших дней. Такова некогда знаменитая надпись на скале Дайтон, штат Массачусетс, которую долгое время считали записью северян из Винланда; таковы надписи на лицах скал, нависающих над водами Ориноко, и те, что в Орегоне, Перу и Ла-Плате были предметом любопытных спекуляций. Они одинаково являются немymi и бессмысленными эпитафиями исчезнувшим поколениям.

Хотелось бы сказать, что в выгодном контрасте с нашим незнанием этих надписей находится наше понимание высокохудожественной пиктографии ацтеков. Ни один народ не сводил ее в систему. Она постоянно использовалась в повседневной жизни. Для письма они изготавливали плотную, грубую бумагу из листьев растения агава путем мацерации и давления. Книга ацтеков очень похожа на один из наших томов формата кварто. Она из одного листа шириной от двенадцати до пятнадцати дюймов, а длиной часто шестьдесят или семьдесят футов, и не свернута, а сложена квадратами или зигзагами таким образом, что при открытии открываются две страницы. К каждому из внешних листов прикреплены тонкие деревянные дощечки, так что вся книга, по словам Петра Мученика, выглядит так аккуратно, как будто она поступила из мастерской искусного переплетчика. Они также покрывали ими здания, гобелены и свитки пергамента, а для мелких сделок использовали *сланцы* из мягкого камня, с которых фигуры можно было легко стереть водой.¹¹⁻¹ Что еще более удивительно, есть основания полагать, что в некоторых случаях их фигуры не рисовались, а *печатались* с помощью подвижных деревянных блоков, на которых рельефно вырезались символы, хотя это, вероятно, относилось только к тем, которые предназначались только для украшения.

В этих записях мы видим нечто большее, чем просто символические обозначения. Они содержат зародыш фонетического алфавита и представляют собой звуки разговорного языка. Символ часто связан не с *идеей*, а со *словом*. Способ, которым это делается, в точности соответствует ребусу. Это простой метод, легко поддающийся описанию. В средние века он был очень популярен в Европе для той же цели, для которой в это же время его использовали в Мексике, - для написания собственных имен. Например, английская семья Болтон была известна в геральдике по *туну*, скрепленному *болтом*. Точно так же мексиканский император Икскоатль упоминается в рукописях ацтеков под фигурой змеи *coatli*, пронзенной обсидиановыми ножами *ixtli*, а Мокаухзома - мышеловкой *montli*, орлом *quauhtli*, ланцетом *zo* и рукой *mahtli*. Поскольку слог может быть выражен любым предметом, название которого начинается с него, поскольку немногим словам можно придать форму ребуса без некоторых изменений, поскольку фигуры иногда представляют полное фонетическое значение, иногда только начальный звук, и поскольку повсеместно внимание

художника было направлено не столько на звук, сколько на идею, дидактическая живопись мексиканцев, чем бы она ни была для них, является для нас закрытой книгой, и должна оставаться таковой в значительной степени. Более того, совершенно неясно, следует ли читать ее от первой до последней страницы или *наоборот*, справа налево или слева направо, снизу вверх или сверху вниз, по краям страницы к центру или каждую строчку в противоположном направлении от предыдущей. У всех этих методов есть веские основания, [12-1](#), и все они могут быть правильными, поскольку нет никаких свидетельств того, что в этом отношении было установлено какое-либо фиксированное правило.

Огромные массивы подобных документов хранились в императорских архивах древней Мексики. Торквемада утверждает, что только в пяти городах испанскому правителю по одной заявке было передано не менее шестнадцати тысяч томов или свитков! Каждый лист был уничтожен. В самом деле, столь тщательно и массово уничтожались эти памятники, ставшие теперь столь драгоценными в наших глазах, что едва ли осталось достаточно, чтобы возбудить ум антикваров. В библиотеках Парижа, Дрездена, Пешта и Ватикана хранится, однако, достаточное количество, чтобы мы отчаялись расшифровать их, если бы имели возможность сравнить все, что уничтожили испанцы.

Ближе всех к истинной фонетической системе подошли майя, жившие на полуострове Юкатан. У них был регулярный и хорошо понятный алфавит из двадцати семи элементарных звуков, буквы которого полностью отличаются от букв любого другого народа и, очевидно, являются их собственными. Но помимо них они использовали большое количество чисто условных символов, более того, привыкли постоянно использовать древний пиктографический метод в качестве своеобразного комментария к изображаемому звуку. Что еще более любопытно, если можно положиться на неясное объяснение древнего писателя, они не только стремились использовать алфавит по образцу нашего, но и выражать звук абсолютно так же, как это делают наши фонографические знаки. [13-1](#) С помощью этого алфавита, который, к счастью, сохранился, мы можем прописать несколько слов на юкатекских рукописях и фасадах, но пока без положительных результатов. Особенно мешает таким исследованиям утрата древнего произношения.

В Южной Америке на реке Укаяле, как говорят, также существовал народ, который культивировал искусство картинного письма, - панос. Однажды миссионер Нарциссо Гилбар, которого звали Нарциссо Гилбар, с большим трудом проник в одну из их деревень. Приблизившись, он увидел почтенного человека, сидящего под сенью пальмы с большой книгой, из которой он читал внимательному кругу слушателей о войнах и странствиях их предков. С трудом священнику удалось заглянуть в драгоценный том, и он обнаружил, что тот покрыт фигурами и знаками в удивительной симметрии и порядке. [14-1](#) Неудивительно, что столь романтическая сцена оставила в его памяти глубокий след.

Перуанцы приняли совершенно иную и уникальную систему записей - с помощью *кипу*. Это был основной шнур толщиной с палец, любой необходимой длины, к которому крепилось множество маленьких ниточек разных цветов, длины и фактуры, разнообразно завязанных и переплетенных одна с другой. Каждая из этих особенностей представляла собой определенное число, качество, количество или другую идею, но *какую именно*, не мог сказать даже самый беглый читатель *кипу*, если он не был знаком с общей темой, о которой шла речь. Поэтому всякий раз, когда новости передавались таким образом, носителя сопровождал человек, который выступал в роли словесного комментатора, а чтобы избежать путаницы, *кви́пу*, относящиеся к различным отделам знаний, помещались в отдельные хранилища: одно для войны, другое для налогов, третье для истории и так далее. По какому принципу или мнемотехнике идеи были связаны с узлами и цветами, нам совершенно

неизвестно; даже возникли сомнения, что они имели какое-либо применение за пределами искусства нумерации.¹⁴⁻² Однако каждая комбинация имела фиксированное идеографическое значение в определенной отрасли знаний, и таким образом *кипу* существенно отличались от католических четок, еврейских филактерий или узелковых веревок коренных жителей Северной Америки и Сибири, с которыми их иногда сравнивали.

Вампум, используемый племенами северного побережья Атлантического океана, во многих отношениях аналогичен *кипу*. В ранние времена он состоял в основном из кусочков дерева одинакового размера, но разного цвета. Их подвешивали на нити, которые сплетались в пояса и ленты, причем оттенки, формы, размеры и сочетания нитей намекали на их общее значение. Так, светлые оттенки были неизменными предвестниками мирных или приятных вестей, а темные предвещали войну и опасность. Замена бусин или раковин вместо дерева, а также обычай вышивать фигурки на поясах были, вероятно, привнесены европейским влиянием.

Кроме того, использовались различные более простые мнемонические приспособления, такие как свертки из тростника разной длины, палочки с зарубками, узлы на шнурах, нанизанные на них камешки или фруктовые косточки, круглые куски дерева или плиты, пронзенные различными фигурами, которые англичане называют "конусообразными дырками", а в случае победы, заключения договора или основания деревни иногда воздвигался столб или груда камней, равная по количеству присутствующих на празднике людей или числу павших.

На этом список исчерпывается. Все остальные способы письма, иероглифы микмаков Акадии, слоговой алфавит чероки, притворные следы греческого, иврита и кельтиберского письма, которые время от времени доводились до сведения общественности, без исключения были продуктами иностранной цивилизации или просто мошенничеством. На американском континенте не было найдено ни одной монеты, ни одной надписи или памятного знака, свидетельствующего о существовании, как в целом, так и на местах, каких-либо других средств письма, кроме указанных.

Какими бы убогими ни казались нам эти заменители развитой фонетической системы, они представляли огромную ценность для бескультурного человека. В его легендах их появление обычно приписывается какому-то благодетелю, посланному небесами, старинные иероглифы ревностно хранились, а изображенный свиток из коры, шарик *кипу*, пояс из *вампу* бережно берегли и подробно разъясняли их значение самым умным представителям подрастающего поколения. Во всех сообществах, вышедших за пределы стадии варварства, для выполнения этой и никакой другой обязанности выделялся отдельный класс людей. Так, например, в древнем Перу одна коллегия жрецов, называемая *амаута* - ученые, занималась исключительно *кипу*, содержащими мифологические и исторические традиции; вторая, *харавеки* - певцы, посвящала себя тем, что относились к национальным балладам и драмам; третья занималась исключительно теми, что касались гражданских дел. Такие хранители сохраняли и готовили архивы, заучивали наизусть с их помощью то, что знали их отцы, а в некоторых странах, как, например, у паносов, упомянутых выше, и киче Гватемалы,¹⁶⁻¹ иногда повторяли их фрагменты перед собравшимся населением. Один из обращенных вождей, долгое время бывший миссионером для своих братьев, утверждал, что у чипевеев озера Верхнее есть колледж, состоящий из десяти "мудрейших и почтеннейших представителей их народа", в ведении которых находятся живописные записи, содержащие древнюю историю их племени. Они хранятся в подземной камере и каждые пятнадцать лет выкапываются собравшимися хранителями, чтобы их можно было отремонтировать и объяснить их содержание новым членам общества.¹⁷⁻¹

Несмотря на все эти меры предосторожности, цель, похоже, была достигнута весьма несовершенно. Самые выдающиеся персонажи, самые значимые события национальной истории исчезали в забвении через несколько поколений. Время и обстоятельства образования Лиги пяти наций, рассеяние строителей курганов в долине Огайо в XV веке, хроники Перу или Мексики за столетие или два до завоевания сохранились в таком туманном и противоречивом виде, что не имеют особой ценности как история. Их мифология была несколько лучше, поскольку не только сохраняла свежесть в памяти благодаря частому повторению, но, будучи сама основана на природе, постоянно подпитывалась истинами, которые дали ей начало. Тем не менее, нам полезно помнить, что их мифы - это только мифы, а не отражения истории или героев.

Переходя от этих деталей к общему сравнению символической и фонетической систем в их реакции на разум, наиболее очевидным является их контрастное воздействие на способность к запоминанию. Буквы представляют собой элементарные звуки, которых мало в любом языке, в то время как символы обозначают идеи, и они численно бесконечны. Передача знаний с помощью последних, следовательно, сопряжена с непропорционально большим трудом. Это почти то же самое, как если бы мы не могли ничего процитировать у автора, если бы не могли вспомнить его точные слова. Мы вправе рассчитывать на отличную память там, где такой способ в моде, и в данном случае мы не разочарованы. "У этих дикарей, - восклицает Ла Гонтан, - самая счастливая память в мире!" По этикету на их советах каждый выступающий должен был дословно повторять все, что говорили его предшественники, и белые часто удивлялись и смущались той верности, с которой туземцы вспоминали сделки давно заключенных договоров. Их песни были неисчерпаемы. Известен случай, когда один индеец спел две сотни песен на разные темы.¹⁸⁻¹ Такой факт напоминает нам о прекрасном выражении старшего Гумбольдта: "Человек, - говорит он, - рассматриваемый как животное, принадлежит к одному из видов певцов; но его ноты всегда связаны с идеями". Молодые люди, получавшие образование в государственных школах древней Мексики - ведь это королевство, не пренебрегая народным образованием, создавало дома для бесплатного обучения и в некоторой степени делало их посещение обязательным - заучивали длинные оратории, стихи и молитвы с удивительной для завоевателей способностью, превосходящей все, что они привыкли видеть в университетах Старой Испании. Фонетическая система, по сути, ослабляет способность ума к восприятию, предлагая более простой план сохранения мысли. "*Ce que je mets sur papier, je remets de ma mémoire*" - выражение старого Монтеня, которое он никогда бы не использовал, если бы пользовался идеографическими символами.

Память, однако, имеет гораздо меньшее значение, чем свободная деятельность мысли, не скованной формами или прецедентами и всегда готовой к новым комбинациям идей. Дайте расе это, и она поведет ее к цивилизации так же уверенно, как игла направляет корабль к пристани. Именно здесь идеографическое письмо обнаруживает свою фатальную неполноценность. Оно вечно уточняет, материализует, занимается мелочами. В египетском символическом алфавите есть рисунок для девственницы, другой для замужней женщины, для вдовы без потомства, для вдовы с одним ребенком, двумя детьми, и я не знаю, при скольких других обстоятельствах, но для женщины нет никакого знака. Так должно быть по природе вещей, ибо символ представляет объект таким, каким он представляется или воображается, а не таким, каким он *мыслится*. Кроме того, постоянное заучивание наизусть неизбежно приводит к рабскому повторению и умственному рабству.

Символ, когда он понят, не зависит от языка и так же универсален, как арабская цифра. Но такое разделение устной и письменной речи имеет сомнительное преимущество. Он сразу

же уничтожает все постоянные улучшения в языке через элегантность стиля, звучные периоды или деликатность выражения, и жизнь самого языка ослабевает, когда его формы остаются бесконтрольно колеблющимися. Письменная поэзия, грамматика, риторика - все это невозможно для студента, черпающего знания из такого источника.

И наконец, справедливо заметил более молодой Гумбольдт, что болезненная верность античным фигурам, передаваемым от варварских к полированным поколениям, вредит эстетическому чувству и притупляет разум к прекрасному в искусстве и природе.

Поэтому передача мысли с помощью фигур и символов в целом будет способствовать развитию тех узких и материальных тенденций, которые, казалось бы, должен породить гений полисинтетических языков. Его единственная спасительная черта - укрепление памяти - объясняет странное упорство, с которым некоторые мифы сохраняются в широко разбросанных семьях, как мы увидим далее.

Помимо языка, в истории краснокожего человека есть две черты, не имеющие аналогов в истории любой другой разновидности нашего вида, достигшей сколько-нибудь заметного прогресса в цивилизации.

Первая - это его *изоляция*. Отрезанный временем от остального мира, он никогда не подвергался тем скрещиваниям крови и культуры, которые так изменили и в целом способствовали росту национальностей старого мира. Он по-своему вершил свою судьбу, и то, что он завоевал, принадлежало ему по более чем обычному праву собственности. Ибо все эти старые мечты о приходе Десяти потерянных племен, буддийских священников, валлийских принцев или фенианских купцов на американскую землю и оказании там постоянного влияния были отправлены в мусорную корзину каждым непредвзятым студентом, и когда мы видим, как такие люди, как мистер Школькрафт и аббат Э. К. Брассер, пытаются их реанимировать, мы с сожалением смотрим на это в свете литературного анахронизма.

Вторая черта - полное отсутствие стад в жизни человека с их смягчающими ассоциациями. На всем континенте нет ни одного достоверного примера пастушеского племени, ни одного животного, выращиваемого ради молока, [21-1](#) или для перевозки людей, и лишь немногие - ради своей плоти. По сути, это была охотничья раса. Самые цивилизованные народы рассчитывали на охоту как на основной источник мяса, а суды Куско и Мексики принимали строгие законы о дичи и лесе, и в определенные периоды все население выходило в общий крестовый поход против обитателей леса. В самых густонаселенных районах завоеватели находили огромные участки первобытных лесов.

Если мы рассмотрим жизнь охотника, то увидим, что его мастерство и сила противостоят чудесным инстинктам и быстрому восприятию зверя, его чувства тренируются до сверхъестественной остроты, но притупляются более нежные чувства, его единственная цель - проливать кровь и забирать жизнь, его пропитание зависит от удачи, подверженный лишениям, бурям и долгим скитаниям, питающийся в основном плотью, мы можем с большей готовностью понять то явное пренебрежение к человеческим страданиям, те кровавые обряды, тот мстительный дух, то неукротимое беспокойство, которые мы так часто находим в хрониках древней Америки. Закон с полным основанием возражает против того, чтобы принимать мясника в качестве присяжного заседателя на пожизненном суде; а тут целая раса мясников.

Единственным смягчающим элементом было сельское хозяйство. На алтаре Микскоатля, бога охоты, ацтекский жрец вырывал сердце у человеческой жертвы и смазывал

вытекающей кровью змею, обвившуюся вокруг идола; цветы и фрукты, желтые колосья маиса и гроздья сочных бананов украшали святилище Центеотля, благотельной покровительницы земледелия, и только бескровные подношения были ее уместной данью. Это показывает, насколько очевидным, даже для туземного сознания, был контраст между этими двумя способами существования. Заменив оседлую жизнь бродячей, обеспечив постоянную зависимость от неопределенной случайности и внушив человеку, что в сохранении, а не в разрушении заключается его самая прибыльная сфера деятельности, мы вряд ли можем слишком высоко оценить широкое распространение зеа-маиса. Это был их единственный злак, который выращивали от южной оконечности Чили до пятидесятой параллели северной широты, за пределами которой низкая температура делает его неурожайным. В их легендах он представлен как дар Великого Духа (чипевайс), принесенный из земного рая священными животными (киче), символически - мать расы (науас) и материал, из которого был вылеплен первый из людей (киче).

Как расы, так и большие семьи людей, говорящие на диалектах одного и того же языка, в некотором смысле являются индивидуумами, имеющими каждый свою физиономию. Когда белые впервые слышали грубые гортанные речи индейцев, они часто заявляли, что на континенте господствуют сотни радикально различных языков, придуманных, как благочестиво полагали, дьяволом для досады миссионеров. Усердные исследователи подобных вопросов - Ватер, Дюпонсо, Галлатин и Бушман - показали, однако, что девять десятых территории Америки на момент ее открытия занимали племена, использующие диалекты, восходящие к десятку или дюжине примитивных языков. Их названия, их географическое положение в XVI веке и, насколько это безопасно, их индивидуальный характер, я кратко опишу.

На берегах Северного океана от горы Святого Ильи на западе до залива Святого Лаврентия на востоке, редко встречающиеся в сотне миль от побережья, жили эскимосы.²³⁻¹ Они являются связующим звеном между расами Старого и Нового Света, по внешнему виду и умственным чертам более близки к первым, но по языку выдают свое близкое родство со вторыми. Земноводная раса, прирожденные рыбаки, в своих плавучих кожаных каяках они бесстрашно преодолевают бури, совершают длительные путешествия и заслужили прозвище, данное им фон Бэрмом, "фенианцы севера". Вопреки предположениям, среди снегов они - довольный, легкомысленный народ, не знающий тоски по более солнечному климату, предающийся песням, музыке и веселым рассказам. Они в какой-то степени искусные ремесленники, но в то же время полностью поглощены чувственным существованием. Отчаянная борьба за жизнь поглощает их, а их мифология бесплодна.

К югу от них, широкой полосой пересекая континент от Гудзонова залива до Тихого океана и почти до Великих озер внизу, живут атапаски. Принадлежащие к нему племена кочуют далеко на север до устья реки Маккензи, а затем еще шире блуждают в противоположном направлении по обоим склонам Скалистых гор, занимают часть побережья Орегона к югу от устья Колумбии и распространяются по равнинам Нью-Мексико под именами апачей, навахо и липанов, почти достигая тропиков в дельте реки Рио-Гранде-дель-Норте и на берегах Калифорнийского залива. Неудивительно, что они покинули свою родину и совсем забыли ее, ведь это настоящая *terra damnata*, чьи несчастные жители отрезаны как от урожая моря, так и от урожая земли. Прибыльная культура кукурузы не распространяется дальше пятидесятой параллели широты, а менее чем на семь градусов дальше к северу среднегодовая температура везде к востоку от гор опускается ниже точки замерзания.²⁵⁻¹ Сельское хозяйство невозможно, и единственным шансом на жизнь остается неопределенная удача в погоне и скупые дары арктической флоры. Обитатели этих диких

мест - презренные, неряшливые, безнадежно дикие люди, "находящиеся на самом дне шкалы человечности Северной Америки", - говорит доктор Ричардсон, а их родственники, забредшие в более благоприятные климатические условия юга, такие же дикари, как и они, такие же извращенные враги оседлой жизни, такие же грубые и узкие в своих моральных представлениях. Этот широко распространенный народ, разбросанный по сорока пяти градусам широты, занимающий тысячи квадратных лиг, простирающийся от Северного Ледовитого океана до пределов империи Монтесумы, представляет во всех своих подразделениях одну и ту же умственную физиономию и языковые особенности.[25-2](#)

Из всех индейцев нам наиболее известны алгонкины и ирокезы, которые на момент открытия были единственными обитателями региона, ныне охватываемого Канадой и восточной частью Соединенных Штатов к северу от тридцать пятой параллели. Последние, под именами Пяти наций, гуронов, тускароров, саскуэханноков, ноттов и других, занимали большую часть территории от реки Святого Лаврентия и озера Онтарио до Роанока, и, возможно, чероки, чьи дома находятся в уединенных долинах Восточного Теннесси, были одним из их ранних ответвлений. [25-3](#) Это была раса воинов, мужественных, жестоких, лишенных воображения, но обладающих редкой политической смекалкой. Они больше похожи на древних римлян, чем на индейцев, и являются ведущими фигурами в колониальных войнах.

Алгонкины окружали их со всех сторон, занимая остальную часть упомянутого региона и простираясь на запад до основания Скалистых гор, где одна из их знаменитых групп, Блэкфит, до сих пор охотится в долине Саскачевана. Они были более любезны, чем ирокезы, обладали мягкими манерами и более яркой фантазией, и относились к ним с любопытной смесью уважения и презрения. Кто-то из писателей связал это различие с тем, что они предпочитали открытые прерии в отличие от бесконечных и мрачных лесов, где жили ирокезы. Их история изобилует великими людьми, чьи амбициозные планы были сорваны из-за легкомыслия союзников и отсутствия упорства. Именно они под предводительством короля Филиппа сражались с отцами-пуританами; по наущению Понтиака обрекали на смерть каждого белого нарушителя на их земле; под предводительством Текумсеа и Черного Ястреба собрали лесные и горные кланы для последней битвы рас в долине Миссисипи. К ним принадлежали мягкотелые ленни-ленепа, мало предвидевшие железную руку, которая так нежно сжала их собственную под вязом Шакамаксона, к ним - неугомонные шауни, цыгане диких земель, чипевеев озера Верхнего, а также индейская девушка Покахонтас, которая, согласно легенде, отвела от головы белого человека удар, отскочивший, сметая ее отца и все его племя.[27-1](#)

Между их самыми южными форпостами и Мексиканским заливом располагалось несколько кланов, говорящих в основном на языке мускоги, криков, чокто, чикасо и других, которые в более поздние времена стали называть апалачскими индейцами, а ранние писатели иногда называли их "Империей Натчез". Предание гласит, что давным-давно это небольшое племя, чей дом находился в стране Большого Блэка, стояло во главе свободной конфедерации, охватывавшей большинство народов от Атлантического побережья до самого Техаса; и добавляет, что экспедиция Де Сото разорвала ее слабые узы и безвозвратно раздробила на части. Стоит ли этому верить или нет, но сравнительная цивилизация натчезов и аналогия их языка с языком майя Юкатана, строителей тех разрушенных городов, которые Стивенс и Кэтервуд сделали такими знакомыми всему миру, придают им особый интерес.[27-2](#)

К северу от реки Арканзас, на правом берегу Миссисипи, вплоть до ее истоков, до озера Мичиган в Грин-Бей и по долине Миссури на запад до гор, жили дакоты, народ непостоянный, не склонный к земледелию, но смелые охотники и отважные воины, высокие

и крепкие телом.²⁸⁻¹ Их религиозные представления были тщательно изучены, и поскольку они удивительно примитивны и прозрачны, на них часто будут ссылаться. Сиу и виннебаго - хорошо известные ветви этой семьи.

Мы видели, что доктор Ричардсон отвел части атапасков самое низкое место среди североамериканских племен, но в Нью-Мексико есть и те, кто может оспорить это печальное звание: копатели корней, команчи и другие, члены семьи змеи или шошони, широко рассеянные к северо-западу от Мексики. О некоторых из них было сказано, что они "ближе к зверям, чем, вероятно, любая другая часть человеческой расы на лице земного шара".²⁸⁻² Их повадки в некоторых отношениях более зверские, чем у любого животного, так как нет предела моральному нисхождению или восхождению человека, и наблюдатель может усомниться в том, что у такого рода людей когда-либо была история в прошлом или возможность ее в будущем. Тем не менее, эти опустившиеся существа говорят на родственном диалекте и, вне всякого сомнения, во многом принадлежат к той же крови, что и знаменитая раса ацтеков, основавших империю Анауак и воздвигших архитектурные памятники, соперничающие с самыми известными сооружениями древнего мира. Эта великая семья, чей язык прослеживается от Никарагуа до острова Ванкувер, и чей смелый интеллект окрасил всю цивилизацию северного континента, состояла в той ее части, которая была обнаружена в Новой Испании, в основном из двух групп: тольтеков, чьи традиции указывают на горные хребты Гватемалы как на их древнюю резиденцию, и науа, которые утверждают, что пришли в более поздний период с северо-западного побережья и вместе обосновались в долине Мексики и вблизи нее. ²⁹⁻¹ Отдельные колонии на берегу озера Никарагуа и в горах Вера-Пас поднялись до цивилизации, которая соперничала с цивилизацией Монтесумы, в то время как другие остались в полном варварстве на крайнем севере.

Ацтеки не только завоевали колонию майя и основали в Центральной Америке империю киче, полный свод мифологии которой стал известен в последние годы, но и, похоже, наложили заметный отпечаток на самих майя. Они владели, как уже говорилось, полуостровом Юкатан. Есть основания предполагать, что они пришли туда изначально с Больших Антильских островов, и нет никаких сомнений в том, что уастеки, жившие на реке Пануко, и натчез в Луизиане были их ответвлениями. Их язык радикально отличается от языка ацтеков, но их календарь и часть мифологии являются общим достоянием. Они кажутся древней расой с мягкими манерами и значительным лоском. Ни одна американская нация не предлагает более перспективного поля для изучения. Их каменные храмы до сих пор свидетельствуют об их необыкновенном мастерстве в искусстве. Достоверная традиция датирует окончание золотого века Юкатана столетием раньше, чем его открыли европейцы. Ранее это было единое королевство под властью одного правителя, и длительный мир способствовал росту изящных искусств; но когда пала их столица Майяпан, внутренние разногласия разрушили большинство городов.

Между цивилизацией Северной и Южной Америки нет никакой связи. На последнем континенте она была ограничена двумя совершенно чуждыми племенами: муисками, чья империя, называемая империей заков, находилась в окрестностях Боготы, и перуанцами, которые в двух родственных подразделениях - кичуа и аймара - распространили свой язык и расу по высокогорьям Кордильер от экватора до тридцатого градуса южной широты. Озеро Титикака, по-видимому, было колыбелью их цивилизации, являя собой еще один пример того, как внутренние моря и хорошо поливаемые равнины способствуют переходу от охоты к сельскому хозяйству. Эти четыре народа, ацтеки, майя, муиски и перуанцы, развили спонтанно и независимо, в соответствии с законами человеческого прогресса, ту

цивилизацию, которая была найдена среди краснокожих. Они ничем не были обязаны азиатским или европейским учителям. Долгое время считалось, что инки говорили на собственном языке, и это свидетельствовало об их иностранном происхождении; но Вильгельм фон Гумбольдт убедительно доказал, что это был всего лишь диалект общего языка их страны.[31-1](#)

Когда Колумб впервые коснулся острова Куба, ему рассказывали жуткие истории об одноглазых чудовищах, которые обитали на других островах, но грабили без разбору со всех сторон. Это оказались пресловутые карибы, чье другое название - *каннибалы* - вошло в наш язык как обычное существительное, выражающее одно из их бесчеловечных занятий. В то время они захватили многие Антильские острова, закрепились на побережье Гондураса и Дарьена, но местом своего обитания указали материк Южной Америки. Им они владели вдоль всего северного побережья, вглубь страны, по крайней мере, до южного берега Амазонки, а на запад - почти до Кордильер. До сих пор остается открытым вопрос, являются ли тупи и гуарани, населяющие обширный регион между Амазонкой и пампасами Буэнос-Айреса, родственными им. Путешественник Д'Орбиньи рьяно отстаивает утвердительную точку зрения, и здесь, конечно, есть некоторая языковая аналогия, но в то же время необъяснимый контраст характеров. Последние были и остаются, в основном, мирными, безразличными, апатичными, скучными и неамбициозными, в то время как карибы завоевали страшную славу смелых воинов, отважных мореплавателей, искусных в ремеслах; а их отравленные стрелы, жестокие и отвратительные привычки и предприимчивость сделали их ужасом и нарицательным словом для многих поколений.[32-1](#)

Наши сведения о коренных жителях Пампасов, Патагонии и Огненной Земли слишком расплывчаты, чтобы отождествлять их с арауканами из Чили; но есть многое, чтобы сделать эту точку зрения правдоподобной. Определенные физические особенности, общая непобедимая любовь к свободе и восторг от войны сближают их, и в то же время ставят их обоих в сильный контраст с их северными соседями.[33-1](#)

Существует множество племен, родство которых еще предстоит выяснить, особенно на тихоокеанском побережье. Отсутствие внутренних водных коммуникаций, сложный характер почвы и, возможно, большая древность населения, по-видимому, изолировали и разделили до неузнаваемости коренные семьи на этом побережье континента; в то время как великие речные системы и широкие равнины атлантического склона способствовали миграции и общению, и таким образом сохранили национальные различия на тысячах квадратных лиг.

Эти природные особенности континента в сочетании с фактическим распространением языков являются единственными ориентирами для формирования мнения о миграции различных семей в древние времена. Их традиции, даже самые культурные, путаны, противоречивы и в значительной степени явно сказочны. Составить из них путем смелых комбинаций и вынужденных интерпретаций связный рассказ о расе в течение веков, предшествовавших Колумбу, при помощи живого воображения было бы делом легким, но совершенно недостойным названия истории. Самое большее, что можно сказать с уверенностью, это то, что общее направление миграций в обеих Америках было из высоких широт к тропикам и от великой западной цепи гор к востоку. Нет никаких разумных сомнений в том, что атапаски, алгонкины, ирокезы, апалачи и ацтеки мигрировали с севера и запада в те регионы, которые они занимали. В Южной Америке, как ни странно, направление обратное. Если карибы принадлежат к тупи-гуаранайской ветви, а кичуа - к аймара, что весьма вероятно,[34-1](#) то девять десятых населения этого огромного континента устремились из степей и долин в верховьях Рио-де-ла-Платы к Мексиканскому заливу, где столкнулись с другой волной миграции, хлынувшей из высоких северных широт. Берега реки Парагвай и

степи боливийских Кордильер, несомненно, являются самыми ранними традиционными местами проживания тупи и аймара.

Эти перемещения происходили не большими группами под влиянием оседлой цели, а шаг за шагом, семья за семьей, по мере того как старые охотничьи угодья становились слишком густо заселенными. Этот факт недвусмысленно намекает на седую древность расы. Даже гадать о том, насколько она велика, бесполезно, но можно установить ее пределы в обоих направлениях. С одной стороны, нет ни малейших доказательств, которые позволили бы отнести возраст человека в Америке за пределы нынешней геологической эпохи. Доктор Лунд исследовал в Бразилии более восьмисот пещер, из которых только шесть содержали человеческие кости, и из этих шести только в одной вместе с человеческими костями были кости животных, ныне вымерших. Но даже в этом случае первоначальный слой был нарушен, и, вероятно, кости были помещены туда.³⁵⁻¹ Это сильное отрицательное доказательство. Так и в каждом другом случае, когда непредвзятый и компетентный геолог проводил экспертизу, предполагаемые находки человеческих останков в более древних пластах оказывались ошибочными.

Некоторые считают, что черепные коробки американских аборигенов представляют собой аномалии, отличающие их расу от всех остальных, и даже их главные семьи друг от друга. Это тоже падает в прах перед строгим анализом. Последнее слово краниологии, которая в свое время обещала произвести революцию в этнологии и даже истории, заключается в том, что ни одна форма черепа не свойственна выходцам из Нового Света; что в одной языковой семье одна переходит в другую по незаметным степеням; и что среди них существует такое же разнообразие, как и среди рас Старого континента, и такое же разнообразие в этом отношении.³⁵⁻² Особенности строения, хотя они и могут выдаваться за общие истины, не дают прочного фундамента, на котором можно построить научную этнологию. Анатомия не показывает ничего уникального в индейцах, ничего, требующего для своего развития особой древности, тем более оригинального разнообразия типов.

С другой стороны, остатки первобытного искусства и отпечаток, который он произвел на природу, указывают на то, что человек жил в Новом Свете, соотносимый с самыми отдаленными событиями истории. Под остатками искусства я имею в виду не столько заброшенные дворцы, которые рушатся, забытые во мраке тропических лесов, и даже не огромные земляные сооружения в долине Миссисипи, покрытые плесенью поколений лесных деревьев, сколько более скромные и менее обманчивые реликты его кухонь и охоты. На Атлантическом побережье часто можно увидеть отходы индейских деревень, где поколение за поколением проводили лето в рыбной ловле, оставляя кости, раковины и древесный уголь в качестве единственной эпитафии. Сколько таких лет понадобилось бы одной-двум сотням людей, чтобы постепенно накопить кучу отбросов высотой в восемьдесят футов и сотню ярдов в поперечнике, как это часто бывает? А сколько поколений, чтобы в устье реки Альтамаха, исследованном и признанном сэром Чарльзом Лайеллом исключительно такого происхождения, образовался курган³⁶⁻¹ примерно такой же высоты, занимающий десять акров земли? Те, кому, как и мне, довелось протоптать немало вспаханных полей в поисках наконечников стрел, должно быть, иногда поражались их количеству, рассеянному по лицу нашей страны и свидетельствующему о наиболее длительном владении почвой их создателями. Ведь охотничье население всегда немногочисленно, и коллекционер находит только те наконечники стрел, которые лежат на поверхности.

Еще более убедительно об этой древности владения свидетельствует сама природа. Ботаники утверждают, что требуется очень длительный курс культивирования, чтобы изменить форму растения и перестать идентифицировать его с диким видом; и еще более длительным должно быть искусственное размножение, чтобы растение утратило способность к самостоятельной жизни и полностью зависело от человека, который сохранит его от вымирания. Именно в таком состоянии находятся кукуруза, табак, хлопок, киноа, маниока и тот вид пальмы, который ботаники называют *Gulielma speciosa*; все они с незапамятных времен культивировались аборигенами Америки, и, за исключением хлопка, ни одной другой расой; все они больше не могут быть идентифицированы ни с одним из известных диких видов; несколько из них непременно погибнут, если не будут поддерживаться заботой человека.³⁷⁻¹ О каких бесчисленных веках идет речь? Сколько веков прошло, прежде чем человек додумался возделывать индийскую кукурузу? Сколько еще, пока она не распространилась почти на сто градусов широты и не потеряла всякое сходство со своей первоначальной формой? У кого хватит смелости ответить на эти вопросы? Здравомыслящий человек увидит в них удовлетворительные причины для того, чтобы раз и навсегда отказаться от мучительного вопроса "как была заселена Америка", и улыбнется над его воображаемыми решениями, будь то евреи, японцы или, как гласит новейшая теория, египтяне.

Хотя эти и другие соображения убедительно свидетельствуют о той изоляции, о которой я уже говорил, они почти в равной степени подтверждают обширное общение в очень далекие века между большими семьями расы и преобладающее единство ментального типа, а возможно, и намекают на все еще видимое единство происхождения. Кукуруза, хлопок и табак на стадии их культуры вряд ли могли так широко распространиться только благодаря торговле. Далее, есть словесные сходства, проходящие через широкие семьи языков, которые, по словам профессора Бушмана, "рассчитаны на то, чтобы наполнить нас недоуменным изумлением",³⁸⁻¹ некоторые из которых будут указаны далее; и наконец, переходя к психологической конституции расы, мы можем привести слова проницательного натуралиста, чья монография об одном из ее племен непревзойденна по глубоким размышлениям: "Не только все первобытные обитатели Америки стоят на одной шкале родственной культуры, но и то психическое состояние, в котором главным образом отражается человечество, то есть их религиозное и нравственное сознание, этот источник всех других внутренних и внешних состояний, едино у всех, как бы ни были различны природные влияния, под которыми они живут".³⁸⁻²

Проникнувшись истиной этих взглядов, в настоящей работе, насколько это возможно, будут избегаться все искусственные деления на тропические или умеренные, цивилизованные или варварские, а раса будет изучаться как единое целое, ее религия - как развитие идей, общих для всех ее членов, а мифы - как одежда, наброшенная вокруг этих идей воображением, более или менее плодотворным, но стремящимся повсюду воплотить одни и те же представления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ.

Поскольку тема американской мифологии является новой для большинства читателей, и поскольку при ее обсуждении все зависит от тщательного отбора авторитетов, в самом начале будет неплохо вкратце рассмотреть то, что уже было написано по ней, и определить относительный вес, который на следующих страницах будет придан наиболее часто цитируемым работам. Выводы, к которым я пришел, настолько отличаются от тех, кто ранее затрагивал эту тему, что такой шаг кажется вдвойне целесообразным.

Первым, кто предпринял философское исследование американских религий, был доктор Сэмюэл Фармер Джарвис в 1819 году (*A Discourse on the Religion of the Indian Tribes of North America*, Collections of the New York Historical Society, vol. iii., New York, 1821). Он ограничился племенами к северу от Мексики, сложной и в то время не очень известной частью области. Представление о состоянии первобытной цивилизации помешало доктору Джарвису сформировать правильную оценку туземных религий, поскольку заставляло его смотреть на них не как на развитие, а как на ухудшение более чистых верований. Так, он говорит о них как о "менее чем у любого другого народа отошедших от формы первобытной истины", а также упоминает об их "удивительном единообразии" (с. 219, 221).

Известный американский этнолог, мистер Э. Г. Сквайер, также опубликовал работу на эту тему, более широкую, чем следует из ее названия ("Символ змеи в Америке", Нью-Йорк, 1851). Хотя она написана в гораздо более либеральном духе, чем предыдущая, она полностью отвечает интересам одной школы мифологии, и это довольно поверхностная физическая школа, столь модная в Европе полвека назад. Так, с размахистым обобщением он говорит: "Религии или суеверия американских народов, какими бы разными они ни казались на поверхностный взгляд, в основе своей одинаковы и являются лишь модификациями той примитивной системы, которая в ее физическом аспекте обозначается как поклонение Солнцу или Огню" (с. 111). С этим он объединяет излюбленную и (позвольте добавить?) характерную французскую доктрину, согласно которой главной темой мифологии является поклонение порождающей силе, и, чтобы спасти такие взгляды от их материализующих тенденций, воображает в противовес им ясный, универсальный монотеизм. "Мы утверждаем, что показали, - говорит он (с. 154), - что великая концепция Высшего Единства и доктрина взаимных принципов существовали в Америке в четко определенной и ясно признанной форме"; и в другом месте, что "монотеистическая идея четко выделяется во всех религиях Америки" (с. 151).

Если с надеждой на другие взгляды мы обратимся к нашему великолепному национальному труду об индейцах (*History, Conditions, and Prospects of the Indian Tribes of the United States*: Washington, 1851-9), нас ждет большое разочарование. Этому труду не повезло с редактором. Это памятник американской экстравагантности и поверхностности. Мистер Школкрафт был человеком с недостаточным образованием и узкими предрассудками, напыщенным по стилю и неточным в высказываниях. Информация, полученная от первобытных наблюдателей, часто представляет реальную ценность, но общие взгляды на историю и религию аборигенов очень поверхностны и не заслуживают доверия.

Немецкий профессор, доктор Й. Г. Мюллер, написал довольно объемный труд об американских примитивных религиях (*Geschichte der Amerikanischen Ur-religionen*, pp. 707: Basel, 1855). Его теория заключается в том, что "на юге поклонение природе с поклонением солнцу в качестве центра, на севере страх перед духами в сочетании с фетишизмом, составляли два фундаментальных подразделения религии красной расы" (стр. 89, 90). Эту воображаемую антитезу он прослеживает между алгонкинскими и апалачскими племенами, а также между тольтеками Гватемалы и ацтеками Мексики. Его цитаты почти все из вторых рук, и он так мало критикует свои факты, что путает поклонение Воду у негров Гаити с поклонением Вотану в Чиапа. Его работа ни в коем случае не может считаться авторитетной.

Гораздо лучше антропология покойного доктора Теодора Вайца (*Anthropologie der Naturvölker*: Leipzig, 1862-66). Более полного, обоснованного и критического труда о коренных жителях Америки еще не было написано. Но в отношении их религий автор, к сожалению, неполноценен, будучи сбит с пути поспешными и необоснованными обобщениями других. Кроме того, его стремление подчинить все моральные науки

реалистической философии было особенно фатальным для любой правильной оценки религиозного роста, и его взгляды не являются ни новыми, ни обоснованными.

По другой причине я должен самым безоговорочным образом осудить попытку, недавно предпринятую энтузиастом и заслуженным антикваром, аббатом Э. Шарлем Брассером (де Бурбур), , объяснить американскую мифологию по примеру фессалийского Эвгемера, как апофеоз истории. Эта теория, которая неоднократно применялась к другим мифологиям с неизменным провалом, теперь отвергнута всеми выдающимися студентами европейской и восточной древности; и пытаться внедрить ее в американские религии - значит просто сделать их еще более туманными и непривлекательными и лишить их единственного общего интереса, который они сейчас имеют - иллюстрировать постепенное развитие религиозных идей человечества.

Но, сожалея о том, как он их использовал, все интересующиеся американской древностью не могут не поблагодарить этого неутомимого исследователя за бесценные материалы, которые он обнаружил в заброшенных библиотеках Испании и Центральной Америки и представил на суд публики. Для нас наиболее значимым из них является Священная национальная книга киче, племени Гватемалы. Она содержит их легенды, написанные на языке оригинала и переписанные отцом Франсиско Ксименесом около 1725 года. Рукописи этого миссионера использовались в начале нынешнего века доном Феликсом Кабрерой, но даже сам аббат Брассер в 1850 году считал их полностью утраченными (*"Письмо к герцогу де Вальми, Мексика, 15 октября 1850 г."*). Осознав их важность благодаря выражениям сожаления, использованным в письмах аббата, доктор К. Шерцер в 1854 году имел счастье обнаружить их в библиотеке университета Сан-Карлос в городе Гватемала. Легенды были написаны на языке киче с испанским переводом и схолией. Испанский перевод был скопирован доктором Шерцером и опубликован в Вене в 1856 году под названием *Las Historias del Origen de los Indios de Guatemala, por el R. P. F. Francisco Ximenes*. В 1855 году аббат Брассер снял копию с оригинала, который он издал в Париже в 1861 году с собственным переводом под названием *Vuh Popol: Le Livre Sacré des Quichés et les Mythes de l'Antiquité Américaine*. Внутренние свидетельства доказывают, что эти легенды были записаны обращенным в христианство туземцем примерно в семнадцатом веке. Они переносят национальную историю примерно на два столетия назад, после чего все считается мифическим. Хотя оба перевода окрашены своеобразными взглядами их создателей, это несравненно наиболее полный и ценный труд по американской мифологии из всех существующих.

За последние несколько лет в распоряжении ученых оказался еще один неоценимый авторитет. Это *"Отношения Новой Франции"*, содержащие ежегодные отчеты иезуитских миссионеров среди ирокезов и алгонкинов с 1611 года и после него. Мои ссылки на него всегда относятся к переизданию в Квебеке, 1858 год. Не менее значительным трудом по другому племени, крикам, является краткий "Очерк страны криков" полковника Бенджамина Хокинса, написанный около 1800 года и впервые опубликованный в полном объеме Историческим обществом Джорджии в 1848 году. Большинство других работ, на которые я ссылался, слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в специальном рассмотрении, или же будут более подробно упомянуты в сносках при цитировании.

2-1 Waitz, *Anthropologie der Naturvoelker*, i. p. 256.

2-2 Carriere, *Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwicklung*, i. p. 66.

6-1 Действительно, утверждается, что йебу, народ на западном побережье Африки, говорит на полисинтетическом языке, и *наоборот*, что у отомисов в Мексике он монослоговый, как у

китайцев. Макс Мюллер идет дальше и утверждает, что то, что называется процессом агглютинации в туранских языках, - это то же самое, что в Америке называют полисинтезом. С этим нельзя не согласиться. В первом случае корень неизменен, формообразующие элементы следуют за ним, а префиксы не используются; во втором префиксы распространены, а формообразующие элементы смешиваются с корнем, и оба претерпевают изменения в структуре. Очень важные различия.

9-1 Grimm, *Geschichte der Deutschen Sprache*, p. 571.

11-1 Peter Martyr, *De Insulis nuper Repertis*, p. 354: Colon. 1574.

12-1 Их можно найти в Waitz, *Anthrop. der Naturvoelker*, iv. p. 173.

13-1 Единственным авторитетом является Диего де Ланда, *Relacion de las Cosas de Yucatan*, ed. Brasseur, Paris, 1864, p. 318. В оригинале объяснение крайне неясно. Я привел его в единственном смысле, в котором слова автора, по-видимому, имеют какое-либо значение.

14-1 Humboldt, *Vues des Cordillères*, p. 72.

14-2 Desjardins, *Le Pérou avant la Conquête Espagnole*, p. 122: Paris, 1858.

16-1 Пример приводится в Ximenes, *Origen de los Indios de Guatemala*, p. 186: Вена, 1856.

17-1 Джордж Копуэй, *Традиционная история народа оджибвеев*, с. 130: London, 1850.

18-1 Морс, *Отчет об индейских племенах*, Приложение, стр. 352.

21-1 Гомара утверждает, что де Айлон обнаружил племена на берегу Атлантического океана недалеко от мыса Хаттерас, которые держали стада оленей (*ciervos*) и из их молока делали сыр (*Hist. de las Indias*, cap. 43). Я не придаю этому заявлению никакого значения и упоминаю о нем только для того, чтобы связать его с некоторыми другими любопытными сведениями о племени, ныне вымершем, которое занимало эту местность. И де Айлон, и Лоусон упоминают об их очень светлом цвете лица, причем последний видел многих со светлыми волосами, голубыми глазами и светлой кожей; они выращивали картофель (или арахис), табак и хлопок (Гумбольдт); они отсчитывали время по деревянным дискам, разделенным на шестьдесят сегментов (Ледерер); и именно на этой широте при самом тщательном определении была обнаружена таинственная Страна Белого Человека, или Великая Ирландия из исландских саг (см. *American Hist. Mag*, ix. p. 364), где скандинавские мореходы в XI веке нашли людей своего цвета, одетых в длинные тканые одежды и не менее цивилизованных, чем они сами.

23-1 Название "эскимосы" происходит от алгонкинского слова *Eskimantick*, "едоки сырой плоти". Есть основания полагать, что в свое время они владели Атлантическим побережьем значительно южнее. Северяне в 1000 году обнаружили в Винланде, вероятно, недалеко от Род-Айленда, туземцев той же расы, с которой они были знакомы на Лабрадоре. Они называют их *скралингарами*, щепками, и описывают их как многочисленных и невысокого роста (Eric Rothens Saga, in Mueller, *Sagænbibliothek*, p. 214). Любопытно, что в преданиях тускароров, которые помещают свое прибытие на виргинское побережье около 1300 года, говорится о расе, которую они там нашли, как о питающейся сырой плотью и не знающей кукурузы (Lederer, *Account of North America*, in Harris, *Voyages*).

25-1 Richardson, *Arctic Expedition*, p. 374.

25-2 Покойный профессор В. В. Тернер из Вашингтона и профессор Бушман из Берлина - два ученых, которые проследили границы этой широко рассеянной семьи. Название происходит от озера Атапаска в Британской Америке.

25-3 Язык чероки имеет ограниченное количество общих слов с ирокезским, а его структурное сходство очень близко. Название неизвестного происхождения. Несомненно, оно должно писаться *Tsalakie*, форма множественного числа, почти такая же, как у реки Теллико, правильно *Tsaliko* (Ramsey, *Annals of Tennessee*, p. 87), на берегах которой располагались их главные города. Вывод Адаира от *cheera*, огонь, не имеет смысла, поскольку в их языке нет такого слова.

27-1 Термин "алгонкин", возможно, представляет собой разложение слова "агомегвин", "люди другого берега". Алгик, часто используемый как синоним, является прилагательным, произведенным г-ном Школкрафтом "от слов Alleghany и Atlantic" (Algic Researches, ii. p. 12). Нет повода принимать его, как нет возражений против использования Алгонкина и как существительного, и как прилагательного. Ирокезы - это французское соединение местных слов *hiro* - "я сказал" и *kouè* - "междометие согласия или аплодисментов", которые постоянно звучат на их советах.

27-2 Апалачиан, которое должно писаться с одной "р", образовано из двух слов криков - *апала*, великое море, океан, и суффикса *чи*, люди, и означает тех, кто живет у океана. То, что нэтчезы были ответвлением майя, я первым предположил и доказал путем тщательного сравнения ста слов нэтчезов с их эквивалентами в диалектах майя. Из них *пять* имеют более или менее заметное сходство со словами, свойственными уастекам реки Пануко (колония майя), *тринадцать* - со словами, общими для уастеков и майя, и *тридцать девять* - со словами, имеющими сходное значение в последнем языке. Это сходство можно проиллюстрировать цифрами: один, два, четыре, семь, восемь, двадцать. В языке нэтчез это *hu, ah, gan, uk-woh, upku-tepish, oka-poo*: в языке майя - *hu, ca, can, uk, uapxæ, hunkal*. (См. Am. Hist. Mag., New Series, vol. i. p. 16, Jan. 1867).

28-1 Дакота, туземное слово, означает друзья или союзники.

28-2 Rep. of the Commissioner of Indian Affairs, 1854, p. 209.

29-1 По мнению профессора Бушмана, ацтеки, вероятно, происходят от *iztac* - белый, а науатлакатель означает тех, кто говорит на языке *науатль*, ясно звучащем, благозвучном. Аббат Брассер (де Бурбур), с другой стороны, выводит последнее из киче *nawal*, умный, и добавляет удивительную информацию о том, что оно идентично английскому *know all*! (*Hist. du Mexique*, etc., i. p. 102). Ведь по его теории несколько языков Центральной Америки происходят из того же древнего индогерманского фонда, что и английский, немецкий и родственные языки. Тольтек, от *Toltecatl*, означает жителя Толлана, который, возможно, происходит от *tolin*, rush, и означает место, где растет камыш. Обозначение "ремесленник", часто приписываемое Тольтекатлю, является более поздним и возникло благодаря известному художественному мастерству этого раннего народа (Buschmann, *Aztek. Ortsnamen*, p. 682: Berlin, 1852). О тольтеках обычно говорят как о предшественниках науа, но тласкальтеки и уроженцы Чоллолана или Чолулы на самом деле были тольтеками, если только мы не придаем этому последнему названию чисто мифическое значение. Ранние миграции двух групп ацтеков и их взаимоотношения, можно сказать мимоходом, пока крайне неясны. Шошоны, когда о них впервые узнали, обитали далеко к северу от верховьев Миссури и в стране, которую сейчас занимают Черные Ноги. Их язык, включающий язык

команчей, вихинаштов, юта и родственников им групп, был впервые показан профессором Бушманом в его большом труде "*Ueber die Spuren der Aztekischen Sprache im nördlichen Mexico und höheren Amerikanischen Norden*", p. 648: Berlin, 1854, и показал, что он имеет большое и заметное сходство с языком ацтеков.

31-1 Его мнение было основано на анализе пятнадцати слов тайного языка инков, сохранившихся в Королевских комментариях Гарсилассо де ла Вега. При исследовании оказалось, что все они являются видоизмененными формами *общего языка* (Meyen, *Ueber die Ureinwohner von Peru*, p. 6). Кичуа Перу не следует путать с киче Гватемалы. Киче - это название местности, и означает оно "много деревьев"; происхождение Кичуа неизвестно. Muyscas означает "люди". Этот народ также называл себя чибча.

32-1 Значение слова Carib, вероятно, воинственное. Возможно, это то же слово, что и гуарани, которое также имеет такое значение. Тупи или Тупа - это название грома, которое может быть понято только мифически.

33-1 Арауканы, вероятно, получили свое название от двух слов чичуа - *ari auccan*, "да! они сражаются"; эта идиома очень выразительно отражает их воинственный характер. До прибытия Писарро у них были долгие и страшные войны с инками.

34-1 После написания этого текста я получил восхитительную работу д-ра фон Мартиуса "*Beiträge zur Ethnographie und Sprachenkunde Amerika's zumal Brasilians*", Leipzig, 1867, в которой, как я заметил, этот глубокий ученый считает, что нет никаких сомнений в том, что островные карибы и галибис основной земли происходят из той же группы, что и тупис и гуарани.

35-1 *Comptes Rendus*, vol. xxi. p. 1368 sqq.

35-2 Два лучших авторитета - Дэниел Уилсон, "*Американский тип черепа*", в *Ann. Rep. of the Smithson. Inst.*, 1862, p. 240, и J. A. Meigs, *Cranial Forms of the Amer. Aborigs.*: Phila. 1866. Они согласны со взглядами, выраженными в тексте, и отвергают взгляды, отстаиваемые доктором С. Г. Мортонем в книге "*Crania Americana*".

36-1 *Second Visit to the United States*, i. p. 252.

37-1 Martius, *Von dem Rechtzustande unter den Ureinwohnern Brasiliens*, p. 80: Muenchen, 1832; недавно переиздано в его *Beiträge zur Ethnographie und Sprachenkunde Amerika's*: Leipzig, 1867.

38-1 *Athapaskische Sprachstamm*, p. 164: Berlin, 1856.

38-2 Martius, *Von dem Rechtzustande unter den Ureinwohnern Brasiliens*, p. 77.

ГЛАВА II.

ИДЕЯ БОГА.

Интуиция, общая для всего вида. Слова, выражающие ее в американских языках, происходят либо от представлений о пространстве, либо о жизни, проявляющейся в дыхании. Примеры. Нет сознательного монотеизма, и мало обнаруживается идей о нематериальности.

Если мы примем определение, что мифология - это идея Бога, выраженная в символах, образах и повествованиях, и всегда борющаяся за более ясное выражение, то будет хорошо не только проследить эту идею в ее самом раннем воплощении в языке, но и, для сравнения, спросить, что является ее самым последним и наиболее одобренным выражением. Ответ на этот вопрос дал нам Иммануил Кант. Он показал, что наш разум, опираясь на факты опыта, постоянно ищет принципы, которые связывают их воедино, и успокаивается только в убеждении, что существует высший и первый принцип, который примиряет все их несоответствия и связывает их в единое целое. Этот принцип он называет Идеалом Разума. Он должен быть истинным, поскольку вытекает из законов разума, нашего единственного теста на истинность. Более того, чувство личности и голос совести, проанализированные до их истоков, могут быть объяснены только предположением о бесконечной личности и абсолютном стандарте права. Или, если кому-то все это покажется метафизической тонкостью, они могут воспользоваться определением реалистов, согласно которому идея Бога - это сумма тех разумных действий, которые человек, рассуждая по аналогии со своими собственными действиями, воображает стоящими за природными явлениями и приводящими к ним.⁴⁴⁻¹ Если любое из этих утверждений верно, то трудно представить, как любое племя или даже любой здравомыслящий человек может быть без некоторого представления о божественном.

Конечно, в Америке не было обнаружено ни одного случая его отсутствия. Непонятное, гротескное, недостойное, оно часто было, но везде человек был угнетен *sensus numinis*, чувством, что вокруг него действуют невидимые, могущественные силы, которые, по их желанию, могут помочь или навредить ему. В каждом сердце был алтарь Неизвестному Богу. Не то чтобы было принято придавать этим невидимым силам какую-то идею единства. Предположение о том, что в древние времена и в очень непросвещенных условиях, до развития мифологии, господствовал монотеизм, который затем в разное время возрождался реформаторами, - это вера, которая должна была исчезнуть, когда прелести дикарской жизни и восхваление естественного состояния перестали быть темой философов. Мы говорим о народе, мало способном к абстракции. Проявления силы в природе казались им проявлениями той таинственной силы, которую ощущало их самосознание; объединить эти различные проявления и признать их действиями одной личности было шагом, который нелегко сделать. И все же Он находится недалеко от каждого из нас. "Всякий раз, когда человек ясно мыслит или глубоко чувствует, он представляет себе Бога как самосознательное единство", - с восхитительной пронизательностью говорит Каррьер; и в других местах "мы имеем монотеизм, не в противоположность политеизму, не ясный для мысли, но живой интуицией в религиозных чувствах".⁴⁵⁻¹

Так было и у индейцев. Поэтому в их языках обычно встречается слово, аналогичного которому нет ни в одном европейском языке, - слово, охватывающее все проявления невидимого мира, но не передающее ощущения личного единства. Его обозначают духом, демоном, Богом, дьяволом, тайной, магией, но чаще всего и довольно абсурдно в английском и французском языках - "медициной". В алгонкинских диалектах это слово звучит как *манито* и *оки*, в ирокезских - *оки* и *откон*, в дакотских - *вакан*, в ацтекских - *теотль*, в кичуа - *хуака*, в майяских - *ку*. Все они в самой общей форме выражают идею сверхъестественного. И как в этом слове, сверхъестественном, мы видим перенос концепции места, и что оно буквально означает то, что находится *над* миром природы, так и в том, что мы можем проанализировать из этих смутных и примитивных терминов, обнаруживается тот же самый троп. *Вакан* как наречие означает "*выше*", *оки* - это просто другая орфография для *огэ*, а *откон*, похоже, связан с *хеткен*, и оба они имеют одно и то же значение.⁴⁶⁻¹

Перевод не является простой фигурой речи, а имеет свое происхождение в самой структуре человеческого разума. Небеса, верхние области, в каждой религии являются предполагаемой обителью божественного. То, что выше, всегда сильнее и благороднее; *начальник* - это тот, кто лучше нас, и поэтому вождь у алгонкинов называется *oghee-ma*, высший. Кроме того, существует наивный и спонтанный инстинкт, побуждающий человека в экстазе радости и в пароксизме страха или боли поднимать руки и глаза к нависающему небосводу. Там пребывают солнце и яркие звезды, олицетворяющие славу и стабильность. Его лазурный свод обладает таинственной притягательностью, манящей взгляд все дальше и дальше в его бесконечные глубины. 46-2 Его цвет навеивает мысли о спокойствии, мире, солнечном свете и тепле. Даже самые грубые охотничьи племена прониклись этими чувствами, и как метафора в их речи и как краска, выражающая дружеский замысел, синий цвет был широко распространен среди них. 47-1

Так сложилось, что идея Бога была связана с небесами задолго до того, как человек задался вопросом: материальны ли небеса, а Бог духовен, един ли Он или их много? Об этом свидетельствуют многочисленные языки. Латинское *Deus*, греческое *Zeus*, санскритское *Dyaus*, китайское *Tien* - все они первоначально означали небо над головой, а наше собственное слово "небо" часто используется как синоним Бога. Поначалу в этих выражениях нет олицетворения. Они охватывают все невидимые силы, лишены индивидуальности, и все же для нелогичного первобытного человека нет ничего противоречивого в том, чтобы сделать их объектом своих молитв. У майя были легионы богов; "ку", - говорит их историк 47-2, - не обозначает какого-либо конкретного бога, но их молитвы иногда обращены к "куэ", что является тем же словом в звательном падеже.

Как латиняне называли своих объединенных божеств *Superi*, те, что выше, так и капитан Джон Смит обнаружил, что паухатаны Виргинии использовали слово *oki*, выше, в том же смысле, и оно даже перешло у них в определенное олицетворение в виде "идола из дерева, вырезанного со злым умыслом". В более чистых диалектах алгонкинов оно всегда неопределенно, как в терминах *piroon oki*, дух лета, *piroon oki*, дух зимы. Возможно, это слово было введено в ирокезский язык гурунами, соседями и единомышленниками алгонкинов. Гуруны применяли его к той демонической силе, "которая управляет временами года, держит на поводке ветры и волны, может дать удачу их начинаниям и облегчить все их нужды". 48-1 В другой и далеко отстоящей ветви ирокезов, у ноттауаев южной Вирджинии, оно вновь появляется под любопытной формой *quaker*, несомненно, являющейся разновидностью Powhatan *qui-oki*, "меньшие боги". 48-2 Собственное ирокезское имя того, кому они молились, было *garonhia*, которое при рассмотрении снова оказывается их общим словом, обозначающим небо, и снова, по всей вероятности, от глагольного корня *gar*, быть выше. 48-3 В легендах ацтеков и киче такие фразы, как "Сердце неба", "Владыка неба", "Князь лазурной плоскости", "Он выше всех", встречаются довольно часто, а арауканцы, согласно Молине, называли своего величайшего бога "Душой неба", используя еще более смелую метафору.

Это последнее выражение наводит на другую мысль. Как философ, размышляя о работе самосознания, признает, что к Богу ведут разные пути, так и первобытный человек, формируя свой язык, иногда шел по одному, иногда по другому. Что бы еще ни подвергали сомнению скептики, никто еще не осмелился усомниться в том, что если Бог и душа вообще существуют, то они имеют одинаковую сущность. Эта твердая вера наложила свой отпечаток на язык в названиях, придуманных для выражения сверхъестественного, духовного мира. Если мы обратимся за подсказкой к более знакомым нам языкам, чем языки индейцев, и возьмем, например, это слово "духовный", то обнаружим, что оно происходит от латинского

spirare - дуть, дышать. Если снова искать в латыни производные *от animus* - разум, *anima* - душа, то они указывают на греческие *anemos* - ветер и *aémi* - дуть. В греческом языке слова, обозначающие душу или дух, *psuche*, *pneuma*, *thumos*, происходят непосредственно от глагольных корней, выражающих движение ветра или дыхание. Еврейское слово *ruah* переводится в Ветхом Завете иногда как ветер, иногда как дух, иногда как дыхание. Этимологически, по сути, призраки и порывы, дыхания и бризы, Великий Дух и Великий Ветер - это одно и то же. Причину этого легко угадать. Душа - это жизнь, жизнь - это дыхание. Невидимое, неуловимое, ускоряющееся при энергичном движении, затихающее в покое и сне, исчезающее в смерти, оно является самым очевидным признаком жизни. Все народы уловили эту аналогию и отождествляют одно с другим. Но дыхание - это не что иное, как ветер. Как легко, следовательно, смотреть на ветер, который движется вверх и вниз, туда и сюда по земле, который несет облака, сам по себе невидимый, который вызывает ужасные бури и различные времена года, как на дыхание, дух Божий, как на самого Бога? Так и в Моисеевом повествовании о творении говорится, что "сильный ветер" пронесся над бесформенным морем и породил мир, а когда Всевышний дал глине живую душу, он вдохнул в нее "ветер жизни".

Вооружившись этими аналогиями, мы обратимся к первобытным языкам Америки и обнаружим, что они отличаются друг от друга так же, как и в Старом Свете. В дакотском языке *niya* - буквально дыхание, образно - жизнь; в языке нетела *piuts* - жизнь, дыхание и душа; *silla*, в эскимосском, означает воздух, ветер, но это также слово, передающее высшее представление о мире в целом и способность к рассуждению. Высшее существование они называют *Силлам Иннуа*, Владелец Воздуха, или Всего; или *Силлам Нелега*, Владыка Воздуха или Ветра. На языке якама в Орегоне *wkrisha* означает ветер, *wkrishwit* - жизнь; у ацтеков *ehecatl* выражает и воздух, и жизнь, и душу, а в их мифах он олицетворяется как рожденный из дыхания Тескатлипоки, их высшего божества, который сам часто называется *Yoalliehecatl*, Ветер Ночи.[50-1](#)

Спуск, действительно, почти незаметен, что приводит к олицетворению ветра как Бога, который сливает это проявление жизни и силы в единое целое с его невидимой, неизвестной причиной. Таким образом, это был достойный эпитет, который крики применяли к своему верховному невидимому правителю, когда обращались к нему как *Esaugetuh Emisssee*, Master of Breath, и, несомненно, поначалу это было лишь равнозначное название, которое чероки, их соседи, были склонны использовать, *Oonawleh unggi*, Eldest of Winds, но быстро привело к полному отождествлению божественного с природными явлениями метеорологии. По-видимому, это происходило у той же группы народов, поскольку первоначальное слово чокто для обозначения божества было Хуштоли, Штормовой ветер.[51-1](#) Идея, правда, постоянно терялась в символе. В легендах киче таинственная творческая сила - Хуракан, имя, не имеющее никакого значения в их языке, которое их далекие предки принесли с собой с Антильских островов, которое нашло свое значение в древнем языке Гаити и которое, под формами *ураган*, *оураган*, *оркан*, было принято в европейских морских языках как родное название ужасного смерча Карибского моря.[51-2](#) Миксохуатль, Облачный Змей, главный бог нескольких племен древней Мексики, и по сей день является правильным термином в их языке для тропического вихря, а аборигены Панама поклонялись тому же явлению под именем Туира.[52-1](#) Поцелуй воздуха был в Перу самым распространенным и простым знаком поклонения коллективным божествам.[52-2](#)

Многие авторы мифологии отмечали, что ветрам так часто придается большое значение. Ни один из них не проследил его истинного источника. Факты метеорологии считались достаточными для решения проблемы. Как будто человек когда-либо черпал или мог черпать

идею Бога из природы! В тождестве ветра с дыханием, дыхания с жизнью, жизни с душой, души с Богом кроется гораздо более глубокая и истинная причина, чье неошутимое развитие я здесь проследил, правда, в общих чертах, но подтвержденное свидетельствами самого языка.

Однако ни одно из этих выражений не должно быть истолковано как доказательство отчетливого признания единого Верховного Существа. Монотеизм, проявляющийся в едином личном Боге семитских рас или в тусклом пантеистическом понимании браминов, не имеет ни одного примера на американском континенте. Миссионеры не нашли ни в одном из их языков слова, подходящего для толкования *Deus*, Бог. Да и как они могли ожидать этого? Ассоциации, которые мы связываем с этим именем, - плоды почти двухтысячелетней истории христианства. Фразы "Добрый дух", "Великий дух" и подобные им вызывают бесконечные разночтения в умах путешественников. В большинстве случаев они полностью современного происхождения, придуманы по предложению миссионеров и применяются к Богу белого человека. Очень редко они приносят в туземный ум какое-либо представление о личности, очень редко они обозначают какой-либо объект поклонения, а в старые времена, возможно, и вовсе не обозначали. В "Отчетах иезуитов" утверждается, что у алгонкинских племен не было единого нематериального бога, признаваемого ими, и что название "Великий Манито" было введено ими самими в его личном смысле.⁵³⁻¹ Верховное ирокезское божество Нео или Хаванеу, триумфально приводимое многими писателями для доказательства монотеизма, лежащего в основе туземных верований, и на имени которого мистер Школкрафт построил некоторые филологические грезы, при ближайшем рассмотрении оказывается результатом христианского обучения, а сами слова - всего лишь искажениями французских *Dieu* и *le bon Dieu*!⁵³⁻²

Неисчислимы таинственные силы действуют вокруг дитяти природы; он чувствует в себе нечто, что говорит ему, что они не его рода и в то же время не совсем отличны от него; он обобщает их одним словом, взятым из чувственного опыта. Если он хочет еще сильнее выразить это чувство, он удваивает слово, или приставляет прилагательное, или добавляет аффикс, как подсказывает гений его языка. Но оно все равно остается для него лишь неприменимой абстракцией, просто категорией мысли, рамкой для Всего. Она никогда не становится объектом почитания или жертвоприношения, ни один миф не доводит ее до его понимания, она не установлена в его храмах. Человек не может избавиться от убеждения, что за всеми формами скрывается единая сущность; но в тот момент, когда он хочет схватить и определить ее, она ускользает от его понимания, и колдовством, более печально смехотворным, чем то, которое ослепило Титанию, он поклоняется не Бесконечному, как он думает, а низменному идолу собственного изготовления. Как в Зенд-Авесте за вечной борьбой Ормузда и Ахримана вырисовывается непоколебимая и бесконечная Зеруана Акерана, так и на страницах греческих поэтов мы то и дело улавливаем проблески Зевса, который не является ни троном на Олимпе, ни тем, кто принимает участие в распрях богов, но стоит вдали и в одиночестве, один и в то же время весь, "который был, который есть, который будет", так что вера в Невидимого Духа, который не просит ни мольбы, ни жертвы, который, как сказали уроженцы Техаса Жутелю в 1684 году, "не беспокоится о вещах здесь, внизу",⁵⁴⁻¹ у которого нет имени, которым его можно назвать, и который никогда не был фигурой в мифологии, несомненно, иногда присутствовала в их умах. В более диких племенах он присутствовал не более, а гораздо менее отчетливо, а зачастую и вовсе отсутствовал, и никакое утверждение не может быть более противоречащим законам религиозного прогресса, чем то, которое делает вид, что более чистая и монотеистическая религия существует у народов, лишенных мифологии. На американском континенте есть только два

случая, когда поклонение нематериальному Богу было определено установлено, и они, как высшие завоевания американских естественных религий, заслуживают особого упоминания.

Они произошли, как и следовало ожидать, у двух наиболее цивилизованных народов - кичуа из Перу и науа из Тескуко. Рассказывают, что примерно в 1440 году на большом религиозном совете, состоявшемся при освящении недавно построенного храма Солнца в Куско, инка Юпанки встал перед собравшимися и произнес следующую речь: - "Многие говорят, что Солнце - это Солнце.

"Многие говорят, что Солнце - создатель всего сущего. Но тот, кто создает, должен соблюдать то, что он создал. Сейчас многое происходит, когда Солнца нет, поэтому оно не может быть универсальным творцом. Да и то, что он вообще жив, сомнительно, ведь его путешествия не утомляют его. Если бы он был живым существом, он бы устал, как мы; если бы он был свободен, он бы посетил другие части небес. Он подобен привязанному зверю, совершающему ежедневный обход под присмотром хозяина; он подобен стреле, которая должна лететь туда, куда ее посылают, а не туда, куда она хочет. Я говорю вам, что у него, нашего Отца и Владыки Солнца, должен быть повелитель и хозяин более могущественный, чем он сам, который заставляет его совершать ежедневный круг без паузы и отдыха".[55-1](#)

Чтобы выразить это величайшее из всех существований, было провозглашено имя, основанное на именах высших божеств, известных древней расе аймара, - Илллати Виракоча Пачакамак, буквально - громовая ваза, пена морская, оживляющая мир, таинственные и символические имена, взятые из глубочайших инстинктов души, скрытый смысл которых будет разгадан в дальнейшем. В долине у моря, недалеко от Кальяо, был построен храм, где его поклонение должно было осуществляться без изображений и человеческих жертвоприношений. Однако инка опередил свой век, и когда испанцы посетили храм Пачакамак в 1525 году, они обнаружили не только стены, украшенные отвратительными росписями, но и уродливого идола из дерева, изображавшего человека колоссальных размеров, установленного в нем и принимавшего молитвы прихожан.[56-1](#)

Не более успешной была попытка Незауатля, владыки Тескуко, которая произошла примерно в то же время. Он долго молил богов своих предков о сыне, который унаследовал бы его царство, и алтари тщетно дымились кровью закланных жертв. В конце концов, в негодовании и отчаянии принц воскликнул: "Поистине, эти боги, которым я поклоняюсь, что они такое, как не каменные идолы, лишенные речи и чувств? Они не могли создать красоту неба, солнце, луну и звезды, которые украшают его и освещают землю с ее бесчисленными потоками, фонтанами и водами, деревьями и растениями, а также ее разнообразными обитателями. Должно быть, существует некий бог, невидимый и неведомый, который является всеобщим творцом. Только он может утешить меня в моей беде и унять мою печаль". Укрепившись в этом убеждении благодаря своевременному исполнению желания своего сердца, он возвел храм высотой в девять этажей, изображающий девять небес, который посвятил "Неизвестному Богу, Причине Причин". Он постановил, что этот храм никогда не должен быть осквернен кровью, и в его стенах никогда не должно быть установлено никакое нарисованное изображение.[57-1](#)

При этом ни в одном случае не было предпринято попытки заменить народную религию другой, более чистой. Инка продолжал принимать почести от своих подданных как брат Солнца, и регулярные службы этому светилу никогда не прерывались. Принц Тескуко впоследствии также не пренебрегал почестями, воздаваемыми его национальным богам, и даже не воздерживался от того, чтобы вонзить нож в грудь пленников на алтаре бога войны.[57-2](#) Они были лишь выражением того монотеизма, который всегда присутствует, "не в

противопоставлении политеизму, а в живой интуиции религиозных чувств". Если правильно понять это тонкое, но верное различие, то не вызовут удивления такие эпитеты, как "бесконечный", "всемогущий", "невидимый", "восхитительный", такие обращения, как "создатель и формовщик всего", "мать и отец жизни", "Единый Бог, совершенный в совершенстве и единстве", "Творец всего сущего", "Душа мира", используемые и имеющие несомненное исконное происхождение не только у цивилизованных ацтеков, но даже у гаитян, арауканов, ленни-ленапе и других народов.⁵⁷⁻³ Не покажется противоречивым, если мы услышим о их в чисто политеистическом культе; мы будем далеки от того, чтобы считать их привычными для народного сознания, и никогда не зайдём так далеко, чтобы приводить их в доказательство монотеизма в любом техническом смысле этого слова. На самом деле они не относились ни к одному конкретному богу даже в самых просвещённых странах, а были терминами восхваления и величания, которые использовали жрецы и почитатели каждого из богов, чтобы воздать ему честь. Они что-то доказывают в отношении сознания божественности, ограждающего нас, но ничего не говорят в пользу признания единого Бога; они демонстрируют, насколько глубока убежденность в существовании высшего и первого принципа, но не дают ни малейшего основания предполагать, что это было живой реальностью в доктрине или практике.

Путаница этих различных идей привела к неправильному восприятию родных верований. Но другой и более фатальной ошибкой было то, что они искажали их в дуалистическую форму, представляя, с одной стороны, доброго духа с его легионами ангелов, с другой - злого с его стаями извергов, представляя мир как сцену их бесконечного конфликта, а человека - как неудачливый футбольный мяч, получающий все удары. Это представление, имеющее историческое происхождение у парсеев древнего Ирана, неизвестно диким народам. "Идея дьявола, - справедливо замечает Якоб Гримм, - чужда всем примитивным религиям". Однако профессор Мюллер в своем объемном труде о религиях Америки, одобрительно процитировав это высказывание, благодушно переходит к классификации божеств как добрых или злых духов!⁵⁹⁻¹

Эта точка зрения, которая без сомнения присутствует во всех работах о религиях коренных народов Америки, возникла отчасти из-за привычки думать, которую трудно разрушить, отчасти из-за неправильного перевода местных слов, отчасти из-за глупой аксиомы первых миссионеров: "Боги язычников - это дьяволы". Однако их собственные труды служат убедительным доказательством того, что такого различия не существовало в их собственных фантазиях. То же самое слово (*otkon*), которое отец Бруйас использует для перевода на ирокезский язык термина "дьявол" в фразе "Дьявол принял на себя образ змеи", он вынужден использовать для обозначения "духа" во фразе "При воскресении мы будем духами"⁵⁹⁻², которая является довольно забавной иллюстрацией того, как невозможно было передать идею духа зла с помощью любого туземного слова. Когда в 1570 году отец Рогель ком начал свои труды среди племен у реки Саванна, он сказал им, что божество, которое они обожают, - это демон, который любит все злое, и они должны его ненавидеть; на что его слушатели ответили, что это далеко не так, что тот, кого он назвал злым существом, - это сила, которая посылает им все хорошее, и возмущенно оставили миссионера проповедовать ветрам.⁶⁰⁻¹

В поддержку этого ошибочного мнения часто цитируют отрывок из книги Уинслоу "Благая весть из Новой Англии", написанной в 1622 году. Автор говорит, что индейцы поклоняются доброй силе, называемой Киетан, и еще одной, "которая, насколько мы можем понять, является Девиллом", по имени Хоббамок, или Хоббамоки. Первое из этих имен - просто слово "великий" на их алгонкинском диалекте с конечной "н", и, вероятно, это сокращение от Киттанитовита, великого манито, неопределенного термина, упоминаемого Роджером

Уильямсом и другими ранними писателями, а не обозначение какого-либо персонифицированного божества.⁶⁰⁻² Последнее, отнюдь не соответствующее силе зла, было, по собственному утверждению Уинслоу, добрым богом, который лечил болезни, помогал им в погоне и являлся им во снах как их защитник. Поэтому доктор Джарвис с большой справедливостью объяснил его как "оке или опекунское божество, которому поклоняется каждый индеец", что означает само слово.⁶¹⁻¹

Так во многих случаях оказывается, что то, что, по слухам, является злым божеством народа, которому они молятся, пренебрегая лучшим, на самом деле является высшей силой, которую они признают. Так, Джурипари, которому поклоняются некоторые племена пампасов Буэнос-Айреса и говорят, что это их злой дух, на самом деле является единственным именем в их языке для духовного существования вообще; а Ака-канет, иногда упоминаемый как отец зла в мифологии арауканов, является благодетельной силой, к которой взывают их жрецы, которая преклоняется в Плеядах, посылает плоды и цветы на землю и к которой обращаются как к "дедушке".⁶¹⁻² Чупай перуанцев никогда не был, как хотел бы заставить нас поверить Прескотт, "теневым воплощением зла", а просто и исключительно их богом мертвых, Плутоном их пантеона, соответствующим Миктле мексиканцев.

Доказательства на этот счет действительно убедительны. Миссионеры-иезуиты очень редко проводят различие между добрыми и злыми божествами, когда говорят о религии северных племен; а моравские братья среди алгонкинов и ирокезов приводят единодушное свидетельство того, что "идею о дьяволе, князе тьмы, они впервые получили в более поздние времена от европейцев".⁶²⁻¹ Так и чероки, замечает умный наблюдатель, "ничего не знают о Злодее и его владениях, кроме того, что они узнали от белых людей".⁶²⁻² Например, термин "Великий дух" передает чипвею представление о злом и добром духе; он не знает о каком-либо различии, пока ему не объяснят его.⁶²⁻³ "Я никогда не мог обнаружить у самих дакотов, - замечает преподобный Г. Х. Понд, проживший среди них в качестве миссионера восемнадцать лет,⁶²⁻⁴ - ни малейшего свидетельства того, что они делят богов на добрых и злых, и убежден, что те, кто представляет их так, делают это неосмотрительно, а потому, что так естественнее, чем подписываться под давно лелеемым народным мнением".

Очень скоро после контакта с белыми индейцы подхватили представление о злых и добрых духах, которые ведут вечную войну друг с другом, и закрепили его в своих древних традициях. Писатели, стремящиеся обнаружить иудейские или христианские аналогии, насильно интерпретировали мифы в соответствии со своими любимыми теориями, а для нерадивых наблюдателей было удобно каталогизировать их богов в противоположные классы. В мексиканской и перуанской мифологии это настолько очевидно неверно, что историки больше не настаивают на этом, но как популярная ошибка она все еще сохраняет свою силу в отношении более варварских и менее известных племен.

Пожалуй, ни один миф не цитировался так часто в подтверждение своих слов, как миф древних ирокезов, повествующий о конфликте между двумя первыми братьями нашей расы. Он имеет несомненное местное происхождение и почтенную древность. Версия, изложенная вождем племени тускарора Кусиком в 1825 году, гласит, что в начале времен было два брата, Энигорио и Энигохетгеа, имена которых буквально означают "Хороший ум" и "Плохой ум".⁶³⁻¹ Первый шел по миру, создавая для него ласковые ручьи, плодородные равнины и обильные плоды, а второй злобно следовал за ним, создавая пороги, тернии и пустыни. В конце концов Добрый Разум в гневе обратился к своему брату и сокрушил его в землю. Он скрылся из виду в ее глубинах, но не погиб, ибо в темных царствах подземного мира он живет до сих пор, принимая души умерших и являясь автором всего зла. Когда мы сравниваем это с версией той же легенды, переданной отцом Бребефом, миссионером

гуронов в 1636 году, мы видим, что весь ее облик меняется; моральный дуализм исчезает; имена "Хороший разум" и "Плохой разум" не появляются; это борьба Иоскехи, Белого, со своим братом Тавискарой, Темным, и мы сразу же понимаем, что христианское влияние в течение двух веков придало сказке смысл, не соответствующий ее первоначальному замыслу.

Так и в истории алгонкинов о своем герое Манибожо, который, по мнению одного известного писателя, "всегда находится в противоборстве с великим змеем, духом зла".[64-1](#)

Рассказывается, что, покорив множество животных, этот знаменитый маг попробовал свои силы на князе змей. После продолжительной борьбы, которая привела к всеобщему потопу и разрушению мира, он одержал победу. Первый авторитет, который мы имеем для этого повествования, еще более поздний, чем Кузик; это мистер Школкрафт в наши дни; легендарная причина потопа, рассказанная отцом Ле Женом в 1634 году, совершенно непохожа и не упоминает змею; и, как мы увидим далее, ни среди алгонкинов, ни среди других индейцев змея обычно не была типом зла, а совсем наоборот.[64-2](#)

Сравнительно позднее внедрение подобных взглядов в туземные легенды находит замечательное подтверждение в мифах кичей, которые были записаны в семнадцатом веке. В них рассказывается о борьбе между правителями верхнего и нижнего мира, о нисхождении первых в Ксибальбу, царство призраков, и их победе над его владыками, Одной Смертью и Семью Смертями. Писатель добавляет о последних, которые, по его мнению, ясно представляют Злого и его помощников: "В старые времена они не обладали большой силой; они были лишь раздражителями и противниками людей, и, по правде говоря, их не считали богами. Но когда они появлялись, это было ужасно. Они были от зла, они были совами, разжигающими беды и раздоры". В этом отрывке, который, надо сказать, произвел на переводчиков очень разное впечатление, писатель, похоже, сравнивает огромную власть, которую христианская религия приписывает сатане и его союзникам, с гораздо меньшей силой, приписываемой их аналогам в язычестве, правителям мира мертвых.[65-1](#)

Небольшое размышление убедит самых недоверчивых в том, что любой дуализм, который якобы существует в местных религиях, не мог быть порожден местным населением. Боги первобытного человека - это существа со вполне человеческой физиономией, раскрашенные красками, полученными в результате общения с его собратьями. Это его враги или друзья, в зависимости от того, примиряет он их или оскорбляет. Ни один человек, тем более дикарь, не бывает добрым и благожелательным, несмотря на пренебрежение и обиды, равно как и не бывает беспричинно и непрерывно злобным. Личная, семейная или национальная вражда делает одних более враждебными, чем других, но всегда из желания защитить собственные интересы, а не из стремления к злу ради него самого. Так, жестокие боги смерти, болезней и опасностей никогда не имели сатанинской природы, в то время как самые добрые божества были склонны наказывать, и притом сурово, любое пренебрежение их церемониями. Моральный дуализм может возникнуть только в тех умах, где понятия добра и зла не являются синонимами удовольствия и боли, поскольку концепция полностью доброй или полностью злой природы требует использования этих терминов в их высшем, этическом смысле. Различные божества индейцев, можно смело сказать в заключение, представляют собой в этом отношении не более сильную антитезу, чем божества Древней Греции и Рима.

[44-1](#) Но у самых позитивных философов нет никаких оснований отвергать доктрину врожденных идей, если она изложена определенным образом. Инстинкты и привычки

низших животных, с помощью которых они добывают пищу, мигрируют и увековечивают свой род, подчиняются определенным врожденным впечатлениям и соответствуют определенным анатомическим и морфологическим отношениям. Никто не претендует на то, что их знания являются экспериментальными. Так и человеческий мозг получил, по наследству или иным образом, различные сенсорные впечатления, свойственные человеку как виду, которые с такой же уверенностью направляют его мысли, поступки и судьбу, как мозг насекомоядного ай-айе направляет его на успешную охоту за личинками.

45-1 *Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwicklung*, i. pp. 50, 252.

46-1 Я предлагаю эти выводы с некоторой долей осторожности, поскольку в Северной и некоторых частях Южной Америки можно обнаружить такое необычайное сходство в звучании этих слов, что можно было бы почти склониться к тому, чтобы утверждать, что они имеют одну первоначальную форму. Так, в диалектах майя это *ku*, звательный *â kue*, в Natchez *kue-ya*, в Uchee Западной Флориды *kauhwi*, в Otomi *okha*, в Mandan *okee*, Sioux *ogha*, *waughon*, *wakan*, в Quichua *waka*, *huaca*, в ирокезском *quaker*, *oki*, в алгонкинском *oki*, *okee*, в эскимосском *aghatt*, последнее имеет исключительное сходство по звучанию с немецким или норвежским *O Gott*, как и некоторые другие с соответствующим финским словом *ukko*. *Ku* на карибском языке означает дом, особенно храм или дом богов. Первые испанские исследователи переняли это слово с орфографической подсказкой и применяли его к священным сооружениям любого народа, который они открывали. Например, о великом кладбище Теотиуакана, расположенном неподалеку от Тескуко, они говорят как о *Льяно де лос Куэс*.

46-2 "Как высокие небеса, далекие горы кажутся нам голубыми, так и голубая поверхность, кажется, удаляется от нас. Как мы хотели бы преследовать убегающий от нас привлекательный объект, так и нам нравится смотреть на голубой цвет, но не потому, что он сам навязывается нам, а потому, что он влечет нас за собой". Гете, *Farbenlehre*, разд. 780, 781.

47-1 Loskiel, *Geschichte der Mission der Evang. Brueder*, p. 63: Barby, 1789.

47-2 Cogolludo, *Historia de Yucathan*, lib. iv. cap. vii.

48-1 *Rel. de la Nouv. France*. An 1636, p. 107.

48-2 Это слово встречается в словарях Галлатина (*Transactions of the Am. Antiq. Soc.*, vol. ii.), и, возможно, отчасти побудило этого выдающегося этнолога приписать, как он делает это в нескольких местах, все представления восточных племен о Высшем Существо учению квакеров.

48-3 Bruyas, *Radices Verborum Iroquæorum*, p. 84. Эта работа находится в Библиотеке американской лингвистики Ши и является ценнейшим вкладом в филологию. Такую же этимологию приводит Лафито, *Mœurs des Sauvages*, etc., Germ. trans., p. 65.

50-1 Моими авторитетами являются Riggs, *Dict. of the Dakota*, Boscana, *Account of New California*, Richardson's and Egede's Eskimo Vocabularies, Pandosy, *Gram. and Dict. of the Yakama* (Shea's Lib. of Am. Linguistics), и Abbé Brasseur для ацтеков.

51-1 Эти термины встречаются в словарях Галлатина. Последний из упомянутых терминов не является, как считал Адаир, производным *om issto ulla* или *ishto hoollo*, великий человек, поскольку в языке чокто прилагательное не может предшествовать существительному,

которое оно обозначает. Его истинный смысл виден в аналогичных словах из Крика *ishtali*, штормовой ветер, и *hustolah*, ветренный сезон.

51-2 Вебстер выводит ураган из латинского *furio*. Но Овьедо в своем описании Испаньолы говорит нам, что "Hurakan, in lingua di questa isola vuole dire propriamente fortuna tempestuosa molto eccessiva, perche en effetto non è altro que un grandissimo vento è pioggia insieme." *Historia dell' Indie*, lib. vi. cap. iii. Это совпадение - возможно, нечто большее, - что в языке кичуа *huracan*, настоящее изъявительное наклонение третьего лица единственного числа от отглагольного существительного *huraca*, означает "поток воды падает перпендикулярно". (Markham, *Quichua Dictionary*, p. 132.)

52-1 Oviedo, *Rel. de la Prov. de Cueba*, p. 141, ed. Ternaux-Compans.

52-2 Garcia, *Origen de los Indios*, lib. iv. cap. xxii.

53-1 См. *Rel. de la Nouv. France pour l'An 1637*, p. 49.

53-2 Г-н Морган в своей превосходной работе "*Луга урокезов*" сбился с пути из-за незнания этимологии этих терминов. О взглядах Школкрафта см. его "*Онеота*", с. 147. Этот вопрос хорошо рассмотрен в *Etudes Philologiques sur Quelques Langues Sauvages de l'Amérique*, p. 14: Montreal, 1866; но ср. Shea, *Dict. Français-Onontagué*, предисловие.

54-1 "Qui ne prend aucun soin des choses icy bas." *Jour. Hist. d'un Voyage de l'Amérique*, p. 225: Paris, 1713.

55-1 Приписывая эту речь инке Юпанки, я следую за Бальбоа, который прямо говорит, что таково было общее мнение индейцев (*Hist. du Pérou*, p. 62, ed. Ternaux-Compans). Другие приписывают это другим инкам. См. Garcilasso de la Vega, *Hist. des Incas*, lib. viii. chap. 8, и Акоста, *Nat. and Morall Hist. of the New World*, chap. 5. Факт и приблизительное время не вызывают сомнений.

56-1 Xeres, *Rel. de la Conq. du Pérou*, p. 151, ed. Ternaux-Compans.

57-1 Prescott, *Conq. of Mexico*, i. pp. 192, 193, на основании авторитета Икстлильксочитля.

57-2 Brasseur, *Hist. du Mexique*, iii. p. 297, примечание.

57-3 Из очень многих авторитетов, которыми я располагаю, я упомяну только Heckewelder, *Acc. of the Inds.* p. 422, Duponceau, *Mém. sur les Langues de l'Amér. du Nord*, p. 310, Peter Martyr *De Rebus Oceanicis*, Dec. i., cap. 9, Molina, *Hist. of Chili*, ii. p. 75, Ximenes, *Origen de los Indios de Guatemala*, pp. 4, 5, Ixtlilxochitl, *Rel. des Conq. du Mexique*, p. 2. Эти термины выдерживают самую тщательную проверку. Ацтекское обозначение Верховного Существа *Tloque nahuaque* состоит из *tloc*, вместе, с, и *nahuac*, при, по, с, с добавлением притяжательных форм, что дает значение, Владыка всего существования и сосуществования (alles Mitseyns und alles Beiseyns, bei welchem das Seyn aller Dinge ist. Buschmann, *Ueber die Aztekischen Ortsnamen*, p. 642). Алгонкинский термин *Kittanittowit* происходит от *kitta*, great, *manito*, spirit, *wit*, прилагательного, обозначающего способ существования, и означает Великий живой дух (Duponceau, u. s.). Оба эти термина, несомненно, имеют туземное происхождение. В легендах киче Верховное Существо называется *Битол*, субстантивная форма от *bit*, to make pottery, to form, и *Тзакол*, субстантивная форма от *tzak*, to build, Создатель, Строитель. Ароваки Гайаны применяли термин *Aluberi* к своему высшему представлению о первой причине, от глагольной формы *alin*, тот, кто делает (Martius, *Ethnographie und Sprachenkunde Amerika's*, i. p. 696).

59-1 *Geschichte der Amerikanischen Urreligionen*, p. 403.

59-2 Bruyas, *Rad. Verb. Iroquæorum*, p. 38.

60-1 Alcazar, *Chrono-historia de la Prov. de Toledo*, Dec. iii., Año viii., cap. iv: Madrid, 1710. Эта редкая работа содержит единственные сохранившиеся точные копии писем отца Рогеля. Г-н Ши в своей "Истории католических миссий" ошибочно называет его Рожелем.

60-2 Он полностью проанализирован Дюпонсо, "*Языки Северной Америки*", стр. 309.

61-1 *Discourse on the Religion of the Ind. Discourse on Religion of the Ind. Tribes of N. Am.*, p. 252 in the Trans. N. Y. Hist. Soc.

61-2 Мюллер, *Amer. Urreligionen*, pp. 265, 272, 274. Он справедливо замечает: "Дуализм не очень бросается в глаза среди этих племен"; как несколькими страницами ранее он говорит о карибах: "Дуализм богов не является чем-то жестко соблюдаемым. Добрые боги творят больше зла, чем добра. Страх является господствующим религиозным чувством". К такому неубедительному выводу приводят эти почтенные предрасположенности. "*Grau ist alle Theorie*".

62-1 Loskiel, *Ges. der Miss. der evang. Brueder*, p. 46.

62-2 Whipple, *Report on the Ind. Tribes*, p. 33: Washington, 1855. Документы Тихоокеанской железной дороги.

62-3 Schoolcraft, *Indian Tribes*, i. p. 359.

62-4 B Schoolcraft, *Ibid.*, iv. p. 642.

63-1 Или, точнее, Прекрасный Дух, Безобразный Дух. В языке онондага радикалы: *onigonra* - дух, *hio* - прекрасный, *ahetken* - безобразный. *Dictionnaire Français-Onontagué, édité par Jean-Marie Shea*: New York, 1859.

64-1 Squier, *The Serpent Symbol in America*.

64-2 Обе эти легенды будут проанализированы в одной из последующих глав, и будет сделана попытка не только восстановить их первобытную форму, но и объяснить их значение.

65-1 Сравните перевод и замечания Ксименеса, *Or. de los Indios de Guat.*, p. 76, с комментариями Брассера, *Le Livre Sacré des Quichés*, p. 189.

ГЛАВА III.

СВЯЩЕННОЕ ЧИСЛО, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ.

Число четыре священно во всех американских религиях и является ключом к их символизму.- Происходит от кардинальных точек.- Постоянно появляется в правительстве, искусстве, обрядах и мифах.- Кардинальные точки отождествляются с четырьмя ветрами, которые в мифах являются четырьмя предками человеческой расы и четырьмя небесными реками, орошающими земной рай.- Ассоциации группируются вокруг каждой кардинальной точки.- От числа четыре произошло символическое значение числа *сорок* и *крестного знамения*.

Каждый, кто знаком с древними религиями мира, наверняка замечал, какую мистическую силу они придают определенным числам, и как эти числа становятся мерами и образующими величинами, так сказать, традиций и церемоний, и имеют символическое значение, никак не связанное с их арифметическим значением. Например, во многих восточных религиях, в том числе у евреев, *семерка* была самым священным числом, а после нее - *четыре* и *три*. Самый беглый читатель должен был заметить, в скольких связях используется семерка в еврейских Писаниях: в общей сложности, как утверждается, она встречается более трехсот шестидесяти раз. Почему были выбраны именно эти числа, а не другие, до сих пор не объяснено. Их священный характер уходит корнями в глубочайшую историю и, должно быть, был связан с первыми проявлениями религиозных чувств. Только одно из них, ЧЕТЫРЕ, занимает видное место в религиях красной расы, но оно настолько заметно и настолько универсально, что в самом начале моих исследований я был убежден, что если бы можно было обнаружить причину его принятия, то большая часть очевидной путаницы, царящей среди них, была бы развеяна.

Такая причина должна проистекать из какого-то существенного отношения человека к природе, везде заметного и везде одинакового. Она кроется в *поклонении кардинальным точкам*.

Краснокожий, как я уже говорил, был охотником; он вечно бродил по бездорожным лесам, носился по бескрайним прериям. Для белой расы это не способность, а инстинкт, который так безошибочно направляет его. Он никогда не бывает в растерянности. Один писатель, глубоко изучивший его характер, сказал: "Индеец всегда держит в уме все точки компаса и выражается соответствующими словами, хотя речь идет о делах в его собственном доме".⁶⁷⁻¹

Принятие точно четырех кардинальных точек не случайно; это признается в каждом языке; это необходимо в силу анатомического строения тела; это вытекает из неизменных законов Вселенной. Любуемся ли мы закатом или восходом солнца, обращаемся ли ночью за указаниями к единственной звезде из тысячи мерцающих, которая неизменна на своем месте, - передняя и задняя плоскости нашего тела, наша правая и левая руки совпадают с параллелями и меридианами. Очень рано в своей истории человек обратил внимание на эти четыре точки и, признав в них своих проводников в ночи и пустыне, назвал их своими богами. Много позже, когда столетия медленного прогресса открыли ему другие тайны природы - когда он обнаружил в движении солнца, элементах материи и радикалах арифметики повторение этого числа, - они стали для него еще одним подтверждением его священности. Он принял его в качестве регулирующего количества в своих учреждениях и искусствах; он повторял его в кратных числах и соединениях; он придумывал для него новые применения; он постоянно превозносил его мистическое значение; и, наконец, в своих философских грезах он назвал его ключом к тайнам вселенной, "источником вечно текущей природы".⁶⁸⁻¹

В первобытной географии Земля представляет собой квадратную равнину; в легенде киче она "имеет форму квадрата, разделенного на четыре части, отмеченного линиями, измеренного шнурами и подвешенного к небесам на шнуре за четыре угла и четыре стороны".⁶⁸⁻² Самые ранние деления территории соответствовали этому представлению. Так было в Древнем Египте, Сирии, Месопотамии и Китае;⁶⁸⁻³ и в новом мире, государства Перу, Араукания, муиски, киче и Тласкала были тетрархиями, разделенными в соответствии с кардинальными точками и в первых двух случаях названными в их честь. Их главные города - Куско, Кито, Тесуко, Мехико, Чолула - были разделены улицами на север, юг, восток и запад. Необходимым результатом такого деления стало то, что главных чиновников правительства

было четверо, что жители города и деревни, что вся социальная организация приобрела четырехчленную форму. Официальным титулом инков был "Владыка четырех четвертей земли", а почтенной формальностью при вступлении во владение землей, как в их владениях, так и во владениях ацтеков, было бросить камень, выпустить стрелу или метнуть огненное пламя в каждую из кардинальных точек.⁶⁹⁻¹ Они воплотили эту идею в своей архитектуре, построив свои дворцы в виде квадратов с открывающимися дверями, свои гробницы - с направленными углами, свои великие проходы - в этих направлениях. Эти архитектурные принципы повторяются по всему континенту; они повторяются в священных сооружениях Юкатана, на древнем кладбище Тео-тиуакан близ Мексики, где гробницы расположены вдоль проспектов, точно соответствующих параллелям и меридианам центральных курганов Солнца и Луны;⁶⁹⁻² и какими бы невежественными мы ни были в отношении строителей курганов в долине Миссисипи, мы знаем, что они строили свои земляные сооружения с постоянной оглядкой на четверти компаса.

Ничто не может быть более естественным, чем принимать во внимание области небес при строительстве зданий; я полагаю, что в любое время никто не планирует претенциозное сооружение, не сделав этого. И все же это одна из тех, казалось бы, пустяковых операций, которые по своему происхождению и применению оказали определяющее влияние на историю человеческой расы.

Если вспомнить, как неразрывно связано сознание первобытного человека с его суевериями, то становится невероятным, что его социальная жизнь и архитектура могут быть подчинены одной идее, а его обряды и мифы - не поддаваться ее влиянию. Как и следовало ожидать, в этих последних она проявляется ярче, чем где-либо еще. Если и есть одна формула, которая чаще других упоминается путешественниками как обязательное предварительное условие перед всеми серьезными делами, так это формула курения, и согласно предписанному и традиционному правилу, первая затяжка должна была быть направлена в небо, а затем по одной в каждый из углов земли, или кардинальных точек.⁷⁰⁻¹ Это были духи, создавшие землю и управляющие ею, и под каким бы обликом ни представляла их бескультурная фантазия, они были главными фигурами в сказках и церемониях почти всех племен краснокожей расы. Это были божественные силы, которых призывали маги Чипевея, посвящая неофитов в тайны ремесла Меда. Их приглашали в домик из четырех столбов, к четырем камням, которые лежали перед его огнем, там они должны были оставаться четыре дня и присутствовать на четырех пирах. На каждом шагу повторялось это число или его кратность.⁷¹⁻¹ У их соседей - дакотов - число также было явно священным; оно было тесно вплетено во все их сказания о силе ваканов и духах воздуха, а также в их религиозные обряды. Художник Катлин дал яркое описание великого ежегодного фестиваля манданов, племени дакота, и особо отметил непрекращающееся повторение этого числа от первого до последнего.⁷¹⁻² Он не обнаружил его происхождения в почитании кардинальных точек, но информация о мифах этого племени, которая была получена впоследствии, не оставляет сомнений в том, что так оно и было.⁷¹⁻³

Близость места не играла никакой роли в этом сходстве обрядов. На великом памятном празднике криков под названием Буск, который стирал память обо всех преступлениях, кроме убийства, примирял преступника с его народом и искупал его вину, когда разжигался новый огонь и подавалась зеленая кукуруза, каждый танец, каждое заклинание, каждая церемония формировались и управлялись применением числа четыре и его кратных значений во всех мыслимых отношениях. Так было и на том торжественном испытании, которое должен пройти юноша, чтобы доказать, что он достоин мужского достоинства и

утвердить свой дух-хранитель; здесь снова его посты, его уединения, его испытания - все было изложено в четырехкратной последовательности.[72-1](#)

Не только среди этих варварских племен кардинальные точки были основой самых торжественных тайн религии. Один из авторитетных источников сообщает, что ацтеки Микла в Гватемале отмечали свой главный праздник четыре раза в год и что четыре жреца торжественно проводили его обряды. Вначале они возносили благовония небу и четырем кардинальным точкам, четыре раза обводили человеческую жертву вокруг храма, затем вырывали сердце и, собрав кровь в четыре вазы, разбрасывали ее в тех же направлениях.[72-2](#) У перуанцев также было четыре главных праздника в год, а в каждое новолуние - один четырехдневный. На самом деле повторение числа во всех религиозных церемониях настолько заметно, что стало предметом комментариев историков. Они приписывают его знанию солнцестояний и равноденствий, но, несомненно, оно имеет более древнюю историю. То же самое объяснение было предложено для его повторения среди науа в Мексике, чья жизнь была подвержена его действию. При рождении ребенка мать считали нечистой в течение четырех дней, разжигали огонь и поддерживали его в течение такого же времени, при крещении ребенка пускали стрелу в каждую из кардинальных точек. Молитвы возносились четыре раза в день, величайшие праздники отмечались каждый четвертый год, а кровавые жертвоприношения совершались по четырем точкам компаса. После смерти на могилу клали еду, как у эскимосов, криков и алгонкинов, на четыре дня (ибо все эти народы полагали, что за это время совершается путешествие в страну душ), а траур по умершему длился четыре месяца или четыре года.[73-1](#)

Дальнейшее расширение каталога утомительно и нецелесообразно. Однако он еще не исчерпан. Племена обоих континентов и всех стадий культуры, муиски Колумбии и натчезы Луизианы, киче Гватемалы и карибы Ориноко - можно приводить пример за примером, чтобы проиллюстрировать, насколько универсально священное значение придавалось этому числу и насколько единообразно оно связано с почитанием кардинальных точек. Достаточно показать его в некоторых необычных случаях.

Хорошо известно, что календарь, общий для ацтеков и майя, делит месяц на четыре недели, каждая из которых содержит такое же количество светских дней; что их летоисчисление делится на четыре периода; и что они верили, что мир прошел через четыре цикла. Недостаточно подчеркнуто, что во многих картинных письменах эти дни недели располагаются соответственно на севере, юге, востоке и западе, а в языке майя четверти индиктиона до сих пор носят названия кардинальных точек, намекая на причину их принятия.[74-1](#) Это не может быть случайностью. Опять же, деление года на четыре сезона - деление, столь же лишнее основания в природе, как и деление древних арийцев на три, и неизвестное среди многих племен, тем не менее, было принято в очень ранние времена среди алгонкинов, чероки, чокто, криков, ацтеков, муисков, перуанцев и арауканцев. Предполагалось, что они возникают в результате бесконечной борьбы и переменчивой судьбы четырех воздушных гигантов, управляющих ветрами.

Мы должны искать в мифологии ключ к монотонному повторению и святости этого числа; более того, мы должны искать его в тех естественных способах выражения религиозных чувств, которые не подвластны ни крови, ни обстоятельствам. Один из таких способов, как мы видели, привел к отождествлению божества с ветром, и именно он решает загадку в данном случае. Повсеместно считалось, что духи кардинальных точек находятся в ветрах, которые дуют от них. Названия этих направлений и соответствующих ветров часто совпадают, а когда это не так, между ними существует тесная связь. Например, возьмем языки майя, уастеков и москотов Центральной Америки; во всех них слово, обозначающее

север, является синонимом северного ветра, и так же обстоит дело с тремя другими точками компаса. Или, опять же, у дакотов, где слово *tate-ouye-toba*, переведенное как "четыре четверти неба", означает буквально "откуда приходят четыре ветра".⁷⁵⁻¹ Нетрудно было бы расширить этот список, но иллюстрации - это все, что требуется. Вспомним, как тесно движения воздуха ассоциируются в мыслях и языке с деятельностью души и идеей Бога; рассмотрим также, какую поддержку этой ассоциации оказывает власть ветров над погодой, приносящих молнии и бури, зефир, охлаждающий чело, и смерч, выравнивающий лес; Как они вызывают дождь, чтобы оплодотворить семена и освежить увядшие листья; как они помогают охотнику выслеживать дичь и вступают в смену времен года; как, действительно, сотней способов они тесно касаются его комфорта и его жизни; и не покажется странным, что они почти заняли место всех других богов в сознании дитя природы. Тем более что те, кто давал или отменял дожди, были объектами его беспокойных просьб. "Вы, живущие на четырех углах земли - на севере, на юге, на востоке и на западе", - так начиналась молитва ацтеков богам ливней Тлалокам. ⁷⁵⁻²Ведь именно они держат в своей власти пищу и жизнь человека, собранную на вершине, чтобы даровать или отвергать ее по своему усмотрению. Именно от них пророк древности получил указание вернуть духи умерших к сухим костям долины. "Пророчествуй ветру, пророчествуй, сын человеческий, и скажи ветру: так говорит Господь Бог: выйди от четырех ветров, дыхание, и дыхни на этих убитых, чтобы они ожили" (Иезек. xxxvii). (Иезек. xxxvii. 9).

В том же духе жрецы эскимосов молились *Силлам Иннуа*, Владыке ветров, как высшему существу; обитель мертвых они называли *Силлам Айпане*, Дом ветров; и в своих заклинаниях, когда они призывали новую душу к больному или приказывали вернуться в свой дом какому-нибудь беспокойному духу, их призывы всегда были обращены к ветрам из кардинальных точек - Пауна на востоке и Сауна на западе, Кауна на юге и Ауна на севере.⁷⁶⁻¹

Как приносящие дождь, как дающие жизнь, они не были надуманной метафорой, чтобы назвать их отцами нашей расы. Едва ли найдется на континенте народ, который не имел бы смутных преданий о происхождении от четырех братьев, о том, что когда-то его возглавляли четыре вождя или принца, или каким-то образом связывал появление и действия четырех важных персон со своей самой ранней традиционной историей. Иногда миф четко определяет этих сказочных персонажей как духов ветров, иногда облекает их в грубые, гротескные метафоры, а иногда так вплетает их в реальную историю, что мы не можем понять, где провести черту, отделяющую вымысел от правды.

Я попытаюсь проследить шаг за шагом развитие этого мифа от его простейшего выражения, где прозрачная драпировка не пытается скрыть его истинный смысл, через все более сложные повествования, более ярко выраженные персонификации более культурных народов, пока он не примет очертания и не предстанет перед миром как реальная история.

Эта простейшая форма встречается только у алгонкинов и дакотов. Они оба прослеживают свою жизнь от четырех предков, личностей, различным образом связанных с первыми событиями времени, которые не были правильно определены как люди или боги, но очень положительно отождествлялись с четырьмя ветрами. От кого из них или от всех произошел мир, путем ли поколений или каким-то другим, более туманным способом, старики не сказали, или сказали, но не договорились.⁷⁷⁻¹

Когда мы переходим к крикам, все становится еще сложнее. Они рассказывали о четырех мужчинах, пришедших с четырех концов земли, которые принесли им священный огонь и указали на семь священных растений. Их называли хи-ю-юл-ги. Оказав им эту услугу,

любезные гости исчезли в облаке, вернувшись туда, откуда пришли. Когда другая, более древняя легенда сообщает нам, что крики сначала делились на четыре клана и якобы происходили от четырех женщин-предков, вряд ли решится признать в этих четырех предках четырех дружелюбных покровителей из кардинальных точек. [78-1](#)

У древних жителей Гаити, впервые обнаруженных испанцами, была похожая генеалогическая история, которую Питер Мученик излагает с различными оправданиями ее глупости и восклицаниями по поводу ее абсурдности. Возможно, вина заключается не столько в отсутствии смысла, сколько в его пронизательности. Речь идет о том, что люди жили в пещерах, были уничтожены испепеляющими лучами солнца и не имели средств для продления своего рода, пока не поймали и не отдали в пользование четырех быстрых и скользких, как угорь, женщин. Они-то и стали матерями рода человеческого. Или еще: рассказывали, что у некоего царя была огромная тыква, вмещавшая все воды земли; четыре брата, появившиеся на свет в одном рождении и стоившие жизни своей матери, решились подойти к тыкве, чтобы порыбачить, подняли ее, но, испугавшись приближения старого царя, уронили на землю, разбили на части и рассеяли воды по земле, образовав моря, озера и реки, какими они являются сейчас. Эти братья со временем стали отцами нации, и по ним они вели свою родословную. [78-2](#) Учитывая предыдущие примеры, не нужно обладать яркой фантазией, чтобы вновь увидеть в этих кватернионах четыре ветра, приносящих дождь, таких быстрых и таких скользких.

Навахо - грубое племя к северу от Мексики. Но даже у них есть аллегория, согласно которой, когда первый человек поднялся с земли под фигурой червя-мотылька, четыре духа кардинальных точек уже были там и приветствовали его восклицанием: "Вот, он из нашей расы". [79-1](#) Это бедная и слабая попытка рассказать ту же самую старую историю.

Гаитяне, вероятно, были родственниками майя из Юкатана. Несомненно, последние разделяли их родовые легенды, поскольку в древнем манускрипте, найденном мистером Стивенсом во время его путешествий, говорится, что они восходят к четырем родителям или вождям, которых называли Тутул Сиу. Но, по сути, это была черта всех цивилизованных народов Центральной Америки и Мексики. Один автор, который не хотел бы допускать мифического толкования этого совпадения, отметил его в тонах изумления: "Во всех историях ацтеков и тольтеков есть четыре персонажа, которые постоянно появляются; либо как жрецы или посланники богов, либо как скрытые и замаскированные величества; либо как проводники и вожди племен во время их миграций; либо как короли и правители монархий после их основания; и даже до времени завоевания, всегда есть четыре принца, которые составляют верховное правительство, будь то в Гватемале или в Мексике". [79-2](#) Это четырехкратное деление указывает не на общую историю, а на общую природу. Древние герои и полубоги, которые в количестве четырех фигурируют во всех этих античных традициях, были не людьми из плоти и крови, а невидимыми потоками воздуха, приносящими оплодотворяющие ливни.

Они соответствовали четырем богам Бакаба, которые в мифологии юкатеков должны были стоять по одному на каждом углу мира, поддерживая, подобно гигантским кариатидам, нависающую над ними твердь. Когда во время всеобщего потопа все остальные боги и люди были поглощены водами, они одни спаслись, чтобы заново стать людьми. Эти четверо, известные под именами Кан, Мулук, Икс и Кауак, представляли соответственно восток, север, запад и юг, и, как в восточной символической, так и здесь каждая четверть компаса обозначалась цветом: восток - желтым, юг - красным, запад - черным, а север - белым. Имена этих загадочных личностей, используемые примерно так же, как мы используем доминиканские буквы, регулировали календарь майя, и по их благоприятным или

предвещающим сочетаниям была выстроена их система судебной астрологии. Они были богами дождя, а под именем Чака, Красных Существ, являлись главными служителями высшей власти. В качестве таковых они были представлены в религиозных церемониях четырьмя стариками, постоянно сопровождавшими верховного жреца в его официальных функциях.⁸⁰⁻¹ Таким образом, в этой наиболее цивилизованной ветви красной расы, как и везде, мы находим четырех мифологических персонажей, выделяющихся на фоне остальных, придающих своеобразную физиономию национальным легендам, искусствам и наукам, и в них мы снова узнаем по знакам непогрешимых, олицетворяющих четыре кардинальные точки и четыре ветра.

Они редко полностью утрачивают свой истинный характер. Легенды киче рассказывают, что четверо мужчин, впервые созданных Сердцем Неба, Хураканом, Воздухом в Движении, были бесконечно зоркими глазами и быстрыми ногами, что "они измерили и увидели все, что существует в четырех углах и четырех углах неба и земли"; что они не выполняли замысел своего создателя "приносить и производить, когда сезон урожая был близок", пока он не вдунул им в глаза облако, "пока их лица не потемнели, как когда человек дышит на зеркало". Затем он дал им в жены четырех матерей нашего рода, которых звали Падающая Вода, Прекрасная Вода, Вода Змей и Вода Птиц.⁸¹⁻¹ Воистину, тот, кто видит в этом рассказе лишь прозрачный миф, - реалист, который поразил бы самого Эвгемера.

В легендах ацтеков есть еще один кватернион, помимо кватерниона первых людей, один, который несет на себе следы глубокого созерцания хода природы, один, который отвечает первому как небесная фаза земного замысла. Она проявляется в четырех личностях, или, возможно, мы должны сказать, способах действия, которые составляют единую Верховную Причину всего, Хуракан, дыхание, ветер, Божественный Дух. Это Тот, кто создает, Тот, кто дает форму, Тот, кто дает жизнь, и Тот, кто воспроизводит.⁸²⁻¹ Этот острый и необычный анализ происхождения и законов органической жизни, облеченный в древнюю веру в действие ветров, обнаруживает глубину мысли, к которой мы вряд ли были готовы, и, возможно, является единственным примером чего-то похожего на метафизику среди представителей красной расы. Она четко прослеживается в ранних частях легенд киче, и это тем более очевидно, что она местного происхождения, так как была полностью утеряна обоими переводчиками.

Куда бы мы ни пошли, нас встречает одна и та же история. В священных песнопениях амаутас, жрецов, которым поручено вести записи, империя инков приписывается четырем братьям и их женам. Эти мифические цивилизаторы, как говорят, вышли из пещеры под названием *Пакари-тампу*, что может означать "Дом пропитания", напоминая нам о четырех героях, которые в легенде ацтеков отправились населять мир из Тонакатепека, горы нашего пропитания; Или же, как и многие другие мифические названия, оно может означать - похоже, оно было специально выбрано, чтобы нести двойную конструкцию - "Жилище Рассвета", напоминая о другой легенде ацтеков, которая указывает на место рождения расы в Туле на далеком Востоке. Сама пещера наводит классического читателя на мысль о пещере Эола или может быть параллельна той, в которой, по легенде ирокезов, ветры были заточены своим повелителем.⁸³⁻¹ Эти братья не были обычными родственниками. Их голоса могли сотрясать землю, а руки - воздвигать горы. Подобно богу грома, они стояли на холмах и метали камни из своих пращей на четыре стороны света. Когда одного из них одолевали, он убегал в небо или превращался в камень. Именно благодаря их помощи и советам дикари, владевшие этой землей, отказались от своих варварских привычек и начали возделывать землю. Нет никаких сомнений в том, что это, в свою очередь, еще одна трансформация мифа о Протее, который мы так долго рассматривали.⁸³⁻²

Следы той же легенды есть и у многих других племен континента, но имеющиеся у нас достоверные сведения о них слишком скудны, чтобы их можно было проанализировать. Достаточно того, что они упомянуты в примечании, ведь вполне вероятно, что если мы разгадаем их смысл, они тоже унесут нас к четырем ветрам.[83-3](#)

Однако никто не должен думать, что это был единственный миф о происхождении человека. Это далеко не так. Он был лишь одним из многих, поскольку, как я попытаюсь показать в дальнейшем, законы, управляющие формированием таких мифов, не только допускали, но и предписывали большое расхождение форм. Это был далеко не единственный образ, который изобретательская фантазия использовала для выражения действия ветров, приносящих дождь. Их тоже было много, но все они могут быть разделены на два вида: ветры должны были прилетать из углов земли или вылетать из ее центральной точки. Поэтому о них говорят под такими фигурами, как четыре черепахи на углах земной плоскости, извергающие дожди,[85-1](#) или четыре гигантские кариатиды, поддерживающие небеса и выдувающие ветры из своих вместительных легких,[85-2](#) или, чаще всего, как четыре реки, текущие из разбитого калабаша на высоте, как у гаитян, осушающих воды первобытного мира,[85-3](#) как четыре животных, приносящих с небес маис,[85-4](#) как четыре посланника, которых посылает бог воздуха, или, в более грубом варианте, как плевок, который он выбрасывает в направлении кардинальных точек и который тут же превращается в дикий рис, табак и маис.[85-5](#)

Постоянно из дворца владыки мира, восседающего на высоком небесном холме, дуют четыре ветра, льются четыре потока, освежая и оплодотворяя землю. Поэтому в мифах древнего Ирана упоминается небесный фонтан, Ардуисур, девственная дочь Ормузда, из которого четыре всепитающие реки катят свои волны к кардинальным точкам; Поэтому тибетцы верят, что на священной горе Химавата растет дерево жизни Дзампу, от подножия которого вновь текут воды жизни четырьмя потоками в четыре четверти света; и поэтому ту же самую историю рассказывают китайцы о горе Куантун, брамины о горе Меру и парсы о горе Альборс на Кавказе.[85-6](#) Каждый народ называл свою священную гору "пупом земли"; ведь она не только была предполагаемым центром обитаемого мира, но и через нее, как плод через пуповину, земля черпала свой прирост. Вне всякого сравнения с другими местами они считались плодородными, местами радостного наслаждения, покоя и вечной молодости; там журчали воды здоровья, там расцветало древо жизни; они были подходящими местами для свиданий богов и людей. Отсюда пошли рассказы о земном рае, розовом саде Феридуна, эдемских садах мира. Название указывает на происхождение, ведь рай (на санскрите *para desa*) означает буквально *высокую землю*. Там, по единодушному мнению восточных народов, некогда обитали в беззаботном восторге первые из людей; затем, гонимые несчастливой судьбой, они больше нигде не могли найти дорогу туда. Одни думали, что на севере, среди удачливых гиперборейцев, другие - что в горах Луны, где обитали долгожители Эфиопии, третьи - что на самом дальнем востоке, под зарей, находилось место первозданного счастья; но многие придерживались мнения, что где-то в западном море, за Геркулесовыми столбами и водами Внешнего океана, лежал сад Гесперид, острова блаженных, земной Элизион.

Я не без умысла вспоминаю эту раннюю мечту религиозного воображения. Когда Христофор Колумб, окрыленный надеждой открыть этот земной рай, разрушил чары облачного моря и нашел новый мир, он лишь осветил ту же расу людей, обманывающих себя той же надеждой на земные радости, той же выдумкой о давно утраченном саде своей юности. Они сказали ему, что еще на западе, среди гор Парии, есть место, откуда текут могучие потоки по всем землям, и это место и есть то самое, которое он искал;[87-1](#) и когда эта беспочвенная выдумка

исчезла, остался сказочный остров Бойука, или Бимини, в сотнях лиг к северу от Испаньолы, чей глеб поливается фонтаном такой благородной добродетели, что возвращает молодость и бодрость изможденным и престарелым людям.⁸⁷⁻² Это не было выдумкой туземцев, чтобы избавиться от обременительных гостей. Задолго до того, как белый человек приблизился к их берегам, семьи отправлялись с Кубы, Юкатана и Гондураса в поисках этих обновляющих вод и, не вернувшись, по мнению их родственников, были задержаны прелестями этой заколдованной земли и наслаждались ее соблазнительными радостями, забыв о прежних связях.⁸⁷⁻³

Возможно, это была лишь другая версия того же поверья, которое указывало на непроходимые леса Ориноко, древние жилища карибов и ароваков, и там находилось знаменитое царство Эль-Дорадо с его имперской столицей Маноя, изобилующее драгоценными металлами и всевозможными самоцветами, населенное счастливой расой и управляемое справедливым правителем.

Жрецы ацтеков никогда не произносили более печальных песнопений, чем когда они пели о Тулане, колыбели их расы, где когда-то она жила в мирном безмятежном счастье, чьи рощи были наполнены птицами со сладкими голосами и ярким оперением, чья щедрая земля самопроизвольно произрастала маис, какао, ароматные эвкалипты и благоухающие цветы. "Земля богатства и изобилия, где тыквы вырастают на длину руки, где один колос кукурузы - груз для крепкого мужчины, а стебли ее высоки, как деревья; земля, где хлопок созревает сам по себе всех богатых оттенков; земля, изобилующая прозрачными изумрудами, бирюзой, золотом и серебром".⁸⁸⁻¹ Эта земля также называлась Тлалокан, от имени Тлалока, бога дождя, который имел здесь свое жилище, и Тлапаллан, земля цветов, или красная земля, потому что оттенки неба на восходе солнца плыли над ней. Ее жители назывались детьми воздуха или Кецалькоатля, а из ее центра поднималась священная гора Тонакатепек, гора нашей жизни или пропитания. Предполагалось, что он находится на востоке, откуда в этой стране дуют ветры, приносящие мягкие дожди, говорит Саагун, и этого миссионера, пришедшего с востока, спрашивали, нет ли его дома в Тлапаллане; более определенно некоторые считают, что он расположен среди высоких пиков на границах Гватемалы, и все великие реки, орошающие землю, должны были иметь свои истоки там.⁸⁸⁻² Но здесь, как и в других местах, его местоположение не было определено. "Есть Тулан, - говорит древний авторитет, - где восходит солнце, и есть другой в стране теней, и еще один, где солнце отдыхает, и оттуда пришли мы; и еще один, где солнце отдыхает, и там обитает Бог".⁸⁹⁻¹

Миф киче изменил название этой приятной земли. У них она называлась *Пан-паксил-пакайяла*, где воды разделяются при падении, или между водами, разделенными и грязными. Это была "прекрасная земля, полная приятных вещей, где были запасы белой и желтой кукурузы, где нельзя было ни сосчитать плодов, ни оценить количество меда и пищи". Над ней властвовал повелитель воздуха, и из нее четыре священных животных выносили кукурузу, чтобы сделать плоть людей.⁹⁰⁻¹

И снова в легендах миштеков мы слышим повторение старой истории о саде, где жили первые два брата. Он лежал между лугом и той высокой вершиной, которая поддерживает небеса и дворцы богов. "Там росло много деревьев: цветы и розы, сочные плоды, разнообразные травы и ароматные пряности". Братьев звали Ветер Девяти Змей и Ветер Девяти Пещер. Первый был похож на орла и летал над водами, которые разливались вокруг их зачарованного сада; второй был похож на змея с крыльями и неся с такой скоростью, что пронзал скалы и стены. Они были слишком быстры, чтобы их мог заметить самый зоркий

глаз, и если кто-то из них оказывался рядом, то ему слышался лишь шепот и шорох, подобный тому, что издает ветер в листве.[90-2](#)

Куда бы ни заманивала первых искателей приключений жажда золота, им рассказывали о каком-нибудь государстве, расположенном чуть дальше, о богатой и процветающей земле, изобильной и плодородной, удовлетворяющей желания сердца. Иногда это был обман, иногда - правдоподобный вымысел о земном рае, который во все века обещанием совершенной радости утешал измученное сердце человека.

Поучительно изучать ассоциации, которые естественным образом группируются вокруг каждой из кардинальных точек, и наблюдать, как они отражаются на поверхности языка и направляют течение мысли. Якоб Гримм выполнил эту задачу с верностью и красотой в отношении арийской расы, но нужны средства, чтобы применить его поисковый метод к коренным языкам Америки. Достаточно, если в общих чертах определить их мифологическую ценность.

Когда начинается день, человек пробуждается от сна, встает лицом к восходящему солнцу и молится. Восток находится перед ним; по нему он узнает все остальные направления; он для него то же, что север для иглы; по нему он мысленно определяет положение трех других кардинальных точек.[91-1](#) Это место начала небесных огней, дом солнца, лоно утра. Она представляет собой в пространстве начало вещей во времени, и поскольку яркие и славные создания неба появляются оттуда, человек представляет, что его предки в отдаленные века также странствовали с Востока; там, по мнению многих в старом и новом мире, была колыбель расы; там в легенде ацтеков находилась сказочная земля Тлапаллан, а ветер с востока назывался ветром Рая, Тлалокавиль.

Из этого направления, по почти единодушному мнению индейских племен, пришли те боги-герои, которые научили их искусствам и религии, туда они вернулись, и оттуда они снова появляются, чтобы возобновить свое древнее владычество. Поскольку рассвет приносит свет, а со светом в каждом человеческом сознании ассоциируются идеи знания, безопасности, защиты, величия, божественности, поскольку он рассеивает призраки ночи, поскольку он определяет кардинальные точки и приносит солнце и день, он занимал первобытное сознание в такой степени, которую трудно превознести за гранью истины. Фактически он является центральной фигурой в большинстве естественных религий.

Запад, как могила небесных светил, или, скорее, как их цель и место отдыха, навеивает мысли о сне, смерти, спокойствии, отдыхе от трудов. Когда наступал вечер его дней, когда его путь был пройден, и человек исчезал из виду, он должен был последовать за солнцем и найти место отдохновения для своей усталой души на далеком западе. Там, с общего согласия, племена к северу от Мексиканского залива предполагали счастливые охотничьи угодья; там же, по той же аналогии, древние арии помещали Неррити - место исхода, землю мертвых. "Старое представление среди нас, - сказал однажды выдающийся вождь племени криков, - состоит в том, что когда мы умираем, дух отправляется по пути солнца, на запад, и там присоединяется к своей семье и друзьям, которые ушли до него".[92-1](#)

В северном полушарии тени падают на север, оттуда дуют холодные и яростные ветры, оттуда приходят снег и ранний гром. Возможно, все его первобытные обитатели, какой бы расы они ни были, считали его местом обитания могущественных богов.[92-2](#) Лыдина в Арктическом море была домом духа-хранителя алгонкинов;[92-3](#) на горе у северной звезды дакоты считали, что там обитает Хейока, управляющий временами года; а царство Миктлы, ацтекского бога смерти, лежало там, куда указывали тени. Из этой невеселой обители его скипетр простирался над всеми существами, даже над самими богами, ибо рано или поздно

все должны пасть перед ним. Великий дух мертвых, говорили оттавы, живет на темном севере⁹³⁻¹, и там же, по мнению калифорнийских маркизов, обитает их главный бог Гумонго.⁹³⁻²

К сожалению, составители словарей редко включали в свои списки слова север, юг, восток и запад, и способы выражения этих идей, принятые у индейцев, могут быть раскрыты лишь частично. Восток и запад обычно назывались по восходу и заходу солнца, как в наших словах *orient* и *occident*, но иногда и по традиционным представлениям. Майя называли запад большим, а восток - меньшим местом высадки; они считали, что если герой их культуры Замна прибыл с востока с несколькими сопровождающими, то основная масса населения прибыла с противоположного направления.⁹³⁻³ Ацтеки говорили о востоке как о "направлении Тлалокана", земного рая. Но для севера и юга не существовало таких естественных названий, и, следовательно, в планах, принятых для их выражения, наблюдается величайшее разнообразие. Север в языке каддо - это "место холода", в дакоте - "место сосен", в крике - "обитель (северной) звезды", в алгонкинском - "дом души", в ацтекском - "направление Миктлы", царства смерти, в киче и кичуа - "по правую руку";⁹³⁻⁴ в то время как для юга мы находим такие термины, как в Дакоте "направление вниз", в Алгонкине "место тепла", в Киче "по левую руку", а у эскимосов, которые ищут солнце в этом направлении, его название означает "перед одним", как и еврейское слово *kedem*, которое, однако, это более южное племя применяло к востоку.

Священность числа четыре можно проследить и в других любопытных и незамеченных событиях. Умноженное на количество пальцев - арифметика каждого ребенка и невежественного человека - или путем сложения первых четырех членов арифметического ряда ($4 + 8 + 12 + 16$), оно дает число сорок. Это число было принято как предел для священных танцев некоторых индейских племен, а другими - как наибольшее количество песнопений, которые можно использовать для изгнания болезней. Следовательно, оно стало пределом для упражнений по подготовке или очищению. Женщины племени Ориноко постились сорок дней перед замужеством, а жительницы верховьев Миссисипи считались нечистыми столько же времени после родов; таков был срок поста принца Тескуко, когда он желал получить наследника на свой трон, и столько же дней, по мнению манданов, требовалось, чтобы омыть мир во время потопа.⁹⁴⁻¹

Никто не знает, как широко было распространено это верование в старом мире, и как четырехугольник до сих пор является священным термином в некоторых конфессиях христианства. Но нас ожидает еще более поразительный параллелизм. Символ, который больше всех других завораживает человеческий разум, - Крест - находит здесь свой источник и смысл. Ученые указывали на его сакральность во многих естественных религиях, благоговейно принимали его как тайну или предлагали десятки противоречивых и зачастую уничижительных толкований. Это всего лишь еще один символ четырех кардинальных точек, четырех небесных ветров. Это станет ясно после изучения его использования и значения в Америке.

Католические миссионеры обнаружили, что для красной расы это не новый предмет обожания, и сомневались, приписать ли этот факт благочестивым трудам святого Фомы или святотатственной хитрости Сатаны. Он был центральным объектом в великом храме Косумеля и до сих пор сохранился на барельефах разрушенного города Паленке. С незапамятных времен он принимал молитвы и жертвоприношения ацтеков и тольтеков, а также был подвешен в качестве благородной эмблемы на стенах храмов в Попояне и Кундинамарке. На мексиканском языке он носил многозначительное и достойное название "Древо нашей жизни" или "Древо нашей плоти" (*Tonacaquahuitl*). Оно олицетворяло бога

дождей и здоровья, и в этом заключался его простой смысл. "Жители Юкатана, - говорят летописцы, - молились кресту как богу дождей, когда им нужна была вода". Ацтекская богиня дождей носила его в руке, а на празднике, который отмечался в ее честь ранней весной, жертвы прибивались к кресту и стреляли в них стрелами. Кецалькоатль, бог ветров, носил в качестве знака своего сана "булаву, похожую на крест епископа"; его одеяние было усыпано ими, как цветами, и поклонение им было повсеместно связано с его поклонением.⁹⁶⁻¹ Когда муиски приносили жертву богине вод, они протягивали шнуры через спокойные глубины какого-нибудь озера, образуя таким образом гигантский крест, и в точке их пересечения бросали свои подношения из золота, изумрудов и драгоценных масел.⁹⁶⁻² Руки креста были направлены к кардинальным точкам и представляли собой четыре ветра, приносящих дождь. Чтобы подтвердить это объяснение, давайте обратимся к более простым церемониям менее культурных племен и посмотрим на прозрачное значение символа в том виде, в котором они его использовали.

Когда создатель дождя у ленни-ленапе хотел применить свою силу, он удалялся в укромное место и чертил на земле фигуру креста (руки направлены к кардинальным точкам?), клал на нее кусок табака, тыкву, немного красного вещества и начинал громко взывать к духам дождей.⁹⁶⁻³ Крики на празднике Буск, отмечаемом, как мы видели, в честь четырех ветров и, согласно их легендам, учрежденном ими, начинали с разжигания нового огня. Для этого нужно было "положить четыре бревна в центре квадрата, конец к концу, образуя крест, внешние концы которого указывали на кардинальные точки; в центре креста разжигался новый огонь".⁹⁷⁻¹

Как эмблема ветров, которые приносят оплодотворяющие ливни, это дерево, безусловно, является деревом нашей жизни, нашего пропитания и здоровья. В Америке он никогда не имел другого значения, и если, как уже говорилось,⁹⁷⁻² гробницы мексиканцев были крестообразными, то, возможно, это было связано с воскрешением и будущей жизнью, изображаемой под этим символом, указывающим на то, что погребенное тело восстанет под действием четырех духов мира, как погребенное семя обретает новое существование, когда его поливают весенние ливни. Этот иероглиф часто встречается в древнеегипетских письменах, где он трактуется как *жизнь*; несомненно, если мы проследим его источник, то окажется, что он также происходит от четырех ветров.

Признавая таким образом естественное происхождение этого освященного символа, обнаруживая, что он основан на сакральности чисел, а это, в свою очередь, строение и необходимые связи человеческого тела, отрекаясь от бессмысленного мистицизма, который отстаивали Жозеф де Местр и его ученики, давайте, с другой стороны, будем столь же бдительны, не принимая материальные факты, лежащие в основе этих верований, как их глубочайшую основу и исчерпывающее объяснение. Это лишь увядший плод наших трудов, и можно спросить, где же здесь божественная идея, о которой говорят, что она туманно предвосхищена в мифологии? Всеобщая вера в священность чисел - это инстинктивная вера в бессмертную истину; это непосредственное восприятие души, сродни тому, которое признает Бога. Законы химической комбинации, различных видов движения, всего органического роста показывают, что простые числовые отношения управляют всеми свойствами и присущи самой конституции материи; что еще более удивительно, самые последние и серьезные открытия физиков показывают, что именно те два числа, на символическом значении которых была возведена большая часть здания древней мифологии, *четверка* и *тройка*, регулируют молекулярное распределение материи и управляют симметричным развитием органических форм. Это не требует веры, а только знания; это наука, а не откровение. В свете этих фактов разве самонадеянно предсказывать,

что эксперимент сам докажет истинность прекрасного изречения Кеплера: "Вселенная - это гармоничное целое, душа которого - Бог; числа, фигуры, звезды, вся природа, действительно, находятся в унисон с тайнами религии"?

67-1 Бакингом Смит, *Грамм. Notices of the Heve Language*, p. 26 (Shea's Lib. Am. Linguistics).

68-1 Я имею в виду четыре "конечные элементарные частицы" Эмпедокла. Это число было священным для Гермеса и лежало в основе физической философии Пифагора. Цитата в тексте взята из "Золотых стихов", приведенных в лексиконе Пассова под словом *тетрактῦς*: *ναὶ μα τὸν ἄμμετρεῖ ψυχᾷ παραδόντα τετρακτύν, παύαν ἀεναοῦ φυσεως* "Самое священное из всех вещей, - говорил этот знаменитый учитель, - это число; и рядом с ним то, что дает имена"; истина, которую по прошествии трех тысяч лет мы только сейчас можем оценить.

68-2 Ximenes, *Or. de los Indios*, etc., p. 5.

68-3 См. Sepp, *Heidenthum und dessen Bedeutung für das Christenthum*, i. p. 464 sqq., работу, полную познаний, но написанную в самом диком ключе школы романизации мифологии Жозефа де Местра.

69-1 Brasseur, *Hist. du Mexique*, ii. p. 227, *Le Livre Sacré des Quichés*, introd. p. ccxlii. Четыре провинции Перу - Анти, Кунти, Чинча и Колла. Смысл этих названий утрачен, но повторять их, говорит Ла Вега, было то же самое, что использовать наши слова: восток, запад, север и юг (*Hist. des Incas*, lib. ii. cap. 11).

69-2 Гумбольдт, *Полит. Essay on New Spain*, ii. p. 44.

70-1 Этот обычай часто упоминается у ирокезов. Алгонкины, дакоты, крики, натчезы, арауканы и другие племена. Натталл указывает на его повторение и у татар Сибири. (*Travels*, p. 175.)

71-1 Schoolcraft, *Indian Tribes*, v. pp. 424 и далее.

71-2 *Письма о североамериканских индейцах*, т. I, письмо 22.

71-3 Schoolcraft, *Indian Tribes*, iv. p. 643 sq. "Четыре - их священное число, - говорит мистер Понд (p. 646). Их соседи, пауни, хотя между их языками нельзя обнаружить даже отдаленного родства, совпадают с ними в этом священном числе и четко отождествляют его с кардинальными точками". См. De Smet, *Oregon Missions*, pp. 360, 361.

72-1 Бендж. Хокинс, *Очерк страны криков*, стр. 75, 78: Саванна, 1848. Приведенное им описание церемоний криков было переписано слово в слово и опубликовано в первом томе "Транзакций Американского антикварного общества" под названием "Шоуни из Огайо". Эта литературная кража ранее не была замечена.

72-2 Palacios, *Des. de la Prov. de Guatemala*, pp. 31, 32, ed. Ternaux-Compans.

73-1 Все, кто знаком с мексиканской древностью, вспомнят множество подобных примеров. В частности, я могу сослаться на Kingsborough, *Antiqs. of Mexico*, v. p. 480, Ternaux-Compans' *Recueil de pièces rel. à la Conq. du Mexique*, pp. 307, 310, и Gama, *Des. de las dos Piedras que se hallaron en la plaza principal de Mexico*, ii. sec. 126 (Mexico, 1832), который приводит множество примеров, помимо тех, что я процитировал, и обращает внимание читателя на это постоянное повторение.

74-1 Альберт Галлатин, *Trans. Am. Ethnol. Soc.*, ii. p. 316, из Codex Vaticanus, No. 3738.

75-1 Riggs, *Gram. and Dict. of the Dakota Lang.*, s. v.

75-2 Sahagun, *Hist. de la Nueva España*, in Kingsborough, v. p. 375.

76-1 Egede, *Nachrichten von Grönland*, pp. 137, 173, 285. (Копенгаген, 1790.)

77-1 Schoolcraft, *Algic Researches*, i. p. 139, и *Indian Tribes*, iv. p. 229.

78-1 Hawkins, *Sketch of the Creek Country*, pp. 81, 82, и Blomes, *Acc. of His Majesty's Colonies*, p. 156, London, 1687, in Castiglioni, *Viaggi nelle Stati Uniti*, i. p. 294.

78-2 Петр Мученик, *De Reb. Ocean.*, Dec. i. lib. ix. Эта история также более подробно изложена братом Роменом Пане в сочинении о древних историях туземцев, которое он составил по заказу Колумба. Оно было перепечатано с примечаниями аббатом Брассером, Париж, 1864, с. 438 sqq.

79-1 Schoolcraft, *Ind. Tribes*, iv. p. 89.

79-2 Brasseur, *Le Liv. Sac.*, Introd., p. cxvii.

80-1 Diego de Landa, *Rel. de las Cosas de Yucatan*, pp. 160, 206, 208, ed. Brasseur. Ученый редактор в примечании к с. 208 ошибочно указывает расположение цветов, что можно увидеть, сравнив документ на с. 395. Такое распределение цветов по кардинальным точкам является универсальным в Центральной Азии. Географические названия Красного моря, Черного моря, Желтого моря или Персидского залива, Белого моря или Средиземного моря происходят от этой ассоциации. В китайских городах, по крайней мере, во многих из них, ворота, открывающиеся в сторону кардинальных точек, окрашены в определенные цвета, и именно эти четыре - белый, черный, красный и желтый - в восточном мифе указывают на горы в центре Рая, указывающие на различные кардинальные точки. (Sepp, *Heidenthum und Christenthum*, i. p. 177.) Это совпадение дает пищу для размышлений.

81-1 *Le Livre Sacré des Quichés*, pp. 203-5, примечание.

82-1 Примечательна аналогия между ними и "четырьмя действиями порождающей силы до более глубокого развития организованных тел", изображенными четырьмя глобусами на микенских барельефах. См. Guigniaut, *Religions de l'Antiquité*, i. p. 374. Можно было бы легко умножить примеры такого параллелизма в развитии религиозной мысли в Старом и Новом Свете, но я намеренно воздерживаюсь от этого. Они уже породили достаточно ложных теорий, и, кроме того, моя цель в этой работе - не "сравнительная мифология".

83-1 Müller, *Amer. Urreligionen*, p. 105, после Штральхайма, который, однако, не является авторитетом.

83-2 Мюллер, *ubi supra*, pp. 308 sqq., дает хорошее резюме различных версий мифа о четырех братьях в Перу.

83-3 Бразильские тупи утверждают, что происходят от четырех братьев, трех из которых Ганс Штаден, заключенный среди них около 1550 года, назвал Кримен, Эрмиттан и Коэм; последнее он объясняет как утро, восток (*le matin*, напечатано по ошибке *le mutin*, *Relation de Hans Staden de Homberg*, p. 274, ed. Ternaux-Compans, сравните Dias, *Dicc. da Lingua Tupy*, p. 47). Их южные родственники, гуарани Парагвая, также говорили о четырех братьях и называли двух из них именами тупи и гуарани, соответственно родителями племен, названных в их честь (Guevara, *Hist. del Paraguay*, lib. i. cap. ii., in Waitz). Четырехкратное деление муисков Боготы восходит к четырем вождям, созданным их богом-героем

Немкетебой (A. von Humboldt, *Vues des Cordillères*, p. 246). Мексиканские нава гораздо чаще говорили о себе как о потомках четырех или восьми первоначальных семей, чем семи (Humboldt, *ibid.*, p. 317, и др. в Waitz, *Anthropologie*, iv. pp. 36, 37). Саксы или сауки в верховьях Миссисипи полагали, что сначала были созданы двое мужчин и две женщины, а от этих четырех произошли все мужчины (Morse, *Rep. on Ind. Affairs*, App. p. 138). У отто, пауни и других индейцев существовало предание, что от восьми предков произошли все народы и расы (*Id.*, p. 249). Такое дублирование числа, вероятно, возникло из-за того, что первые четверо мужчин получали в жены четырех женщин. Деление на кланы или тотемы, преобладающее в большинстве северных племен, теоретически основывается на происхождении от разных предков. Шоуни и натчез были разделены на четыре таких клана, чоктоу, навахо и ирокезы - на восемь, что доказывает, что в этих племенах также признавался миф, который я обсуждал.

85-1 Манданы в Catlin, *Letts. and Notes*, i. p. 181.

85-2 Майя, Коголлудо, *Hist. de Yucathan*, lib. iv. cap. 8.

85-3 Навахо, Schoolcraft, *Ind. Tribes*, iv. p. 89.

85-4 Киче, Ximenes, *Or. de los Indios*, p. 79.

85-5 Ирокезы, Müller, *Amer. Urreligionen*, p. 109.

85-6 Об этих мифах см. Sepp, *Das Heidenthum und dessen Bedeutung für das Christenthum*, i. p. 111 sqq. Интерпретация, конечно, моя собственная.

87-1 Петр Мученик, *De Reb. Ocean.*, Dec. iii., lib. ix. p. 195; Colon, 1574.

87-2 *Ibid.*, Dec. iii., lib. x. p. 202.

87-3 Флорида также долгое время считалась местом расположения этого чудесного источника, и, как известно, и Хуан Понсе де Леон, и де Сото питали затаенную надежду обнаружить его во время своих экспедиций туда. Я подробно рассмотрел этот миф в "*Заметках о Флоридском полуострове, его литературной истории, индейских племенах и древностях*", стр. 99, 100: Филадельфия, 1859.

88-1 Sahagun, *Hist. de la Nueva España*, lib. iii. cap. iii.

88-2 *Le Livre Sacré des Quichés*, Introd., p. clviii.

89-1 Memorial de Tecpan Atitlan, in Brasseur, *Hist. du Mexique*, i. p. 167. Происхождение Тулана, или Тулы, крайне неопределенно. Аббат Брассер видит в нем *конечную точку* древних географов, что соответствует его представлениям о ранней истории Америки. Эрнандо де Сото нашел деревню с таким названием на Миссисипи или рядом с ней. Но если заглянуть в словари Галлатина, то окажется, что *tulla* - это слово, означающее "*камень*", а поскольку де Сото в то время находился в стране чоктау, то совпадение сразу же объясняется. Бушман, который пишет это слово как *Tollan*, берет его от *tolin*, камыш, и переводит: *juncetum*, *Ort der Binsen*. *Ueber die Aztekischen Orstnamen*, p. 682. Те, кто пытался создать историю на основе этих мифологических сказаний, были сильно озадачены расположением этой мистической земли. Гумбольдт поместил ее на северо-западном побережье, Кабрера - в Паленке, Клавигеро - к северу от Анауака и т. д. и т. п. Ацтлан, буквально "Белая земля", - еще одно название, имеющее чисто мифическое происхождение, которое было бы столь же тщетно искать на земном шаре. В приведенном в тексте отрывке слово "Бог" переводится как "*Кабавил*", старое слово, обозначающее высшего бога, либо от корня, означающего

"открывать", "раскрывать", либо от аналогичного слова, означающего "удивляться", "изумляться"; буквально, таким образом, "Открыватель" или "Диковинный" (*Vocab. de la Lengua Quiché*, p. 209: Paris, 1862).

90-1 Ximenes, *Or. de los Indios*, p. 80, *Le Livre Sacré*, p. 195.

90-2 Garcia, *Origen de los Indios*, lib. iv. cap. 4.

91-1 Сравните немецкое выражение *sich orientiren* - "ориентироваться на восток", "понимать свое окружение".

92-1 Hawkins, *Sketch of the Creek Country*, p. 80.

92-2 См. Jacob Grimm, *Geschichte der Deutschen Sprache*, p. 681.

92-3 De Smet, *Oregon Missions*, p. 352.

93-1 Bressani, *Relation Abrégé*, p. 93.

93-2 Venegas, *Hist. of California*, i. p. 91: London, 1759.

93-3 Cogolludo, *Hist. de Yucathan*, lib. iv. cap. iii.

93-4 Александр фон Гумбольдт утверждал, что у кичуа были и другие, весьма косвенные термины для выражения кардинальных точек, определяемых по положению сына (*Ansichten der Natur*, ii. p. 368). Но выдающийся натуралист упустил из виду буквальное значение фраз, которые он цитирует для обозначения севера и юга: *intip chaututa chayanapata* и *intip chaupunchau chayanapata*, буквально: солнце, прибывающее к полуночи, солнце, прибывающее к полудню. Это, очевидно, переводы испанских *hacia la media noche*, *hacia el medio día*, поскольку они не могли возникнуть среди людей, живущих под или к югу от экваториальной линии.

94-1 Catlin, *Letters and Notes*, i., Letter 22; La Hontan, *Mémoires*, ii. p. 151; Gumilla, *Hist. del Orinoco*, p. 159.

96-1 О поклонении кресту в Мексике и Юкатане и его неизменном значении как символа богов дождя см. Ixtlilxochitl, *Hist. des Chichimeques*, p. 5; Sahagun, *Hist. de la Nueva España*, lib. i. cap. ii.; Garcia, *Or. de los Indios*, lib. iii. cap. vi. p. 109; Palacios, *Des. de la Prov. de Guatemala*, p. 29; Cogolludo, *Hist. de Yucathan*, lib. iv. cap. ix.; Villagutierre Sotomayor, *Hist. de el Itza y de el Lacandon*, lib. iii. cap. 8; можно упомянуть и многие другие.

96-2 Rivero and Tschudi, *Peruvian Antiquities*, p. 162, после J. Acosta.

96-3 Loskiel, *Ges. der Miss. der evang. Brüder*, p. 60.

97-1 Hawkins, *Sketch of the Creek Country*, p. 75. Лапхэм и Пиджон упоминают, что в штате Висконсин найдено много низких курганов в форме креста с руками, направленными к кардинальным точкам. Они не содержат никаких останков. Не были ли это алтари, возведенные Четырем Ветрам? В мифологии дакотов, населявших этот регион, ветры всегда представлялись в виде птиц, и для креста у них есть туземное название, буквально означающее "распластанный ястреб" (Riggs, *Dict. of the Dakota*, s. v.). Его название у майя - *вахом-че*, дерево, воздвигнутое или установленное, прилагательное взято из военного языка и подразумевает защиту или оборону, как воин поднимает свое копье или щит (Landa, *Rel. de las Cosas de Yucatan*, p. 65).

ГЛАВА IV.

СИМВОЛЫ ПТИЦЫ И ЗМЕИ.

Отношения человека с низшими животными; два из них, птица и змея, выбраны в качестве символов, превосходящих все остальные; птица в Америке - символ облаков и ветра; значение некоторых видов. -Символическое значение змеи вытекает из ее способа передвижения, ядовитого укуса и силы очарования. Обычно она является символом молнии и воды. Гремучая змея - символ Америки.

Те истории, которые немцы называют *Thierfabeln*, где действующими лицами являются различные виды животных, похоже, особенно нравятся детям и некультурным народам. Кто не помнит, с каким удовольствием он питал свою детскую фантазию проделками лиса Рейнарда или трагическими приключениями Красной Шапочки и волка? У каждого народа есть целый сборник таких сказок, и любопытно отметить, как во всех них одно и то же животное появляется с одной и той же вменяемой физиономией. Лиса всегда хитра, волк хищный, сова мудрая, а осел глупый. Возникает вопрос, были ли эти черты изначально действительно приписаны животным, или же их введение в историю было задумано просто как приятная фигура речи для обозначения классов людей. Мы не можем сомневаться в том, что дело обстоит именно так. Возвращаясь к заре цивилизации, мы находим эти отношения не забавными выдумками, а мифами, воплощающими религиозные догматы, а звероподобных героев - предками человечества, даже законными претендентами на молитвы и похвалы человека.

Человек, образец животного мира, молящийся зверю, - зрелище настолько унижительное, что ради нашей общей гуманности мы можем искать ему объяснение, наименее унижающее достоинство нашей расы. Мы должны помнить, что первобытный человек как охотник всегда был сопоставим с дикими обитателями лесов, которые превосходили его в бессловесной уверенности инстинкта, быстроте движений, мускульной силе, постоянной и достаточной одежде. Их пути подсказывала недюжинная смекалка, и они добывали себе пропитание без особого труда и хлопот. Они не боялись темноты, столь страшной для него, и всю ночь зывали друг к другу на языке, смысла которого он не мог постичь, но который, он не сомневался, был так же полон смысла, как и его собственный. Он не признавал в себе тех богоподобных качеств, которые должны были наделить его королевской властью в мире, в то время как гораздо яснее, чем мы, он видел хитрые и странные способности своих антагонистов. Поэтому они были для него не низшими, а равными - даже высшими. Он не сомневался, что когда-то давно обладал их инстинктом, а они - его языком, но какое-то некромантическое заклинание наложили на них обоих, чтобы разлучить. Никто, кроме сильного колдуна, не мог снять эти чары, но тот мог понимать пение птиц и вой диких зверей, а при случае превращаться в то или иное животное и носиться по лесу, воздуху или воде, как ему вздумается. Поэтому он поклонялся не зверю, а той части вездесущего божества, которую, как ему казалось, он воспринимал под его обликом.¹⁰¹⁻¹

Помимо всех прочих, два подразделения животного царства настолько приковывают внимание людей своими необычными способностями и так часто входят в мифы всех народов мира, что правильное понимание их символического значения является

необходимым предварительным условием для обсуждения божественных легенд. Это Птица и Змея. Мы не ошибемся, если будем искать причины их превосходства в том, что их особенности позволили найти чувственные образы для передачи идеи божественности, вечно присутствующей в душе человека и вечно стремящейся к членораздельному выражению.

Птица обладает непостижимой силой полета; она парит в атмосфере, оседлала ветер, взмыла к небесам, где обитают боги; ее оперение окрашено в оттенки радуги и заката; ее песня была первым намеком человека на музыку; она отбрасывает комья, мешающие его шагам, и гордо летит над горами и болотами, по которым он устало бредет. Он не видит более завидного существа; он считает, что у богов и ангелов тоже должны быть крылья, и радуется мыслью, что и он когда-нибудь стряхнет с себя эту глиняную оболочку и поднимется на шестеренках в небесные чертоги. Все живые существа, говорят эскимосы, обладают способностью души (*таппак*), но особенно птицы.¹⁰¹⁻² Как посланцы из верхнего мира и толкователи его указов, полет и ноты птиц всегда с тревогой наблюдались как предзнаменования серьезного значения. "Есть одна особая птица, - замечает путешественник Кореал о коренных жителях Бразилии, - которую они считают хорошим предзнаменованием. Ее заунывное пение слышно скорее ночью, чем днем. Дикари говорят, что его посылают их умершие друзья, чтобы принести им новости из потустороннего мира и ободрить их против врагов".¹⁰²⁻¹ В Перу и Мексике существовала коллегия авгуров, соответствующая по своему назначению эгиде Древнего Рима, которые не практиковали никаких других способов гадания, кроме наблюдения за ходом событий и исповедования толкования песен птиц. Подобное суеверие настолько естественно и распространено, а его почитание и по сей день пользуется таким уважением в цивилизованных и христианских странах, что не стоит призывать свидетелей, чтобы показать, что оно повсеместно преобладало и среди краснокожих. Что запечатлело его с удвоенной силой в их воображении, так это общая вера в то, что птицы были не только божественными нунциями, но и видимыми духами их ушедших друзей. Поухатаны считали, что некая маленькая древесная птица принимает души их принцев после смерти, и религиозно воздерживались от причинения ей вреда;¹⁰²⁻² ацтеки и другие народы полагали, что все хорошие люди в награду за заслуги превращаются в конце жизни в пернатых певцов рощи и в таком виде проводят определенный срок в гулких чашах Рая.

Но обычное значение птицы как символа обращено к другой аналогии - к той, что проявляется в таких привычных выражениях, как "крылья ветра", "летающие облака". Подобно ветру, птица проносится по воздушным просторам, поет в лесах и шелестит на своем пути; подобно облаку, она парит в воздухе и отбрасывает свою тень на землю; подобно молнии, она бросается с небес на землю, чтобы поразить свою ничего не подозревающую добычу. Эти тропы были истиной для диких народов, и, руководствуясь тем законом языка, который заставляет их представлять все как одушевленное или неодушевленное, что само по себе является результатом более глубокого закона мышления, побуждающего нас приписывать жизнь всему, что имеет движение, они не нашли животного, столь подходящего для их цели, как птица. Поэтому алгонкины говорят, что птицы всегда создают ветры, что они создают потоки воды, а облака - это размах и волнение их крыльев;¹⁰³⁻¹ навахо, что на каждом кардинальном пункте стоит белый лебедь, который является духом ветров, дующих из его жилища; а дакоты, что на западе находится дом вакинъян, летунов, которые насылают бури. Кроме того, они часто объясняют гром как звук, издаваемый облачной птицей, хлопающей крыльями, а молнию - как огонь, вылетающий из ее следов, подобно искрам, которые разбрасывает буйвол, когда проносится по каменистой равнине.¹⁰³⁻² Грозовая туча также была для карибов птицей, и они представляли, что она производит молнию в истинно

карибской манере, дуя в полый тростник, как они и по сей день бросают свои отравленные дротики. [104-1](#) Тупи, ирокезы, атапаски, наверняка, возможно, все семейства красной расы, если бы речь шла о них, придерживались этого убеждения; среди них всех, вероятно, обнаружится, что при сравнении облаков и ветра с пернатыми использовались те же фигуры речи, что и у нас, однако с той существенной разницей, что если для нас это фигуры и не более того, то для них они выражали буквальные факты.

Насколько же важным символом они стали! Ведь ветры, облака, производящие гром и изменения, происходящие в постоянно меняющейся панораме неба, приносящие дождь, повелители времен года, и не только это, но и первичный тип души, жизни, дыхания человека и мира, - все это по своей роли в мифологии не имеет себе равных. Поэтому как символ этих величественных сил, как посланник богов и как воплощение ушедших духов, никто не удивится, если обнаружит, что птица занимает самое видное место в мифах красной расы.

Иногда кажется, что какой-то конкретный вид был выбран как наиболее соответствующий этим достойным атрибутам. Ни один гражданин Соединенных Штатов не будет склонен утверждать, что инстинкт сбил с пути коренных жителей нашей территории, когда они с почти единодушным согласием выбрали великого американского орла как ту птицу, которая превыше всех остальных должна олицетворять высший контроль и самые восхитительные качества. Его перья составляли военный флаг криков, а его изображения, вырезанные на дереве или набитые кожей, возвышались над домиками их совета (Бартрам); среди чероки его не смел носить никто, кроме утвержденного воина (Тимберлейк); а дакоты позволяли такую честь только тому, кто первым прикоснулся к трупам общего врага (Де Смет). Натчезы и аканцы, похоже, оказывали ему даже религиозные почести и устанавливали его в своих самых священных святилищах (Сьер де Тонти, Дю Прац); и совершенно очевидно, что его плюмаж так высоко ценился не столько как украшение, сколько как знак достоинства и признанный признак ценности. Аборигены Зуны в Нью-Мексико использовали четыре его перья для изображения четырех ветров в своих призывах к дождю (Уиппл), и, вероятно, это был тот самый орел, которому поклонялось племя в Верхней Калифорнии (Акагчемем) под именем Панес. Отец Джеронимо Боскана описывает его как разновидность стервятника и рассказывает, что одного из них ежегодно с торжественной церемонией сжигали в храме каждой деревни. При этом не проливалось ни капли крови, а тело сжигалось. Однако туземцы с верой, поражающей даже романиста, утверждали и верили, что каждый год приносили в жертву одну и ту же птицу; более того, в каждой деревне убивали одну и ту же птицу! [105-1](#)

У ацтеков, киче, майя, перуанцев, арауканцев и алгонкинов сова считалась священной для повелителя мертвых. "Сова" - одно из имен мексиканского Плутона, чье царство находилось на севере, [106-1](#) и ветер из этой четверти, как полагали чипевайцы, создается совой, как юг - бабочкой. [106-2](#) Как ночная птица, она была подходящим эмиссаром того, кто правит мраком могилы. Что-то во взгляде этого существа, когда оно мудро смотрит и моргает на свет, или, возможно, то, что оно работает, пока другие спят, придало ему характер мудрости. Поэтому жрецы ручьев носили с собой в качестве знака своей ученой профессии набитую шкуру одной из этих птиц, тем самым скромно намекая на свой эрудированный склад ума, [106-3](#) а культурный герой Монки Калифорнии был представлен, как Паллас Афина, имея одну из них в качестве своей неразлучной спутницы (Венегас).

В качестве помощника бога света и воздуха и, соответственно, противоположности совы, ацтеки почитали птицу под названием *кецаль*, которая, как я полагаю, является разновидностью попугая. Ее оперение имеет ярко-зеленый оттенок и очень ценилось в

качестве украшения. Это был один из символов и часть имени Кецалькоатля, их мифического цивилизатора и принца всех видов певчих птиц, мириады которых, по легенде, сопровождали его в путешествиях.

Нежные и священные ассоциации, так широко защищавшие голубя от вреда, о которых, например, Ксенофонт упоминает у древних персов, не были совсем неизвестны племенам Нового Света. Ни гуроны, ни манданы не убивали их, так как верили, что в них обитают души усопших¹⁰⁷⁻¹. Говорят, но с меньшим основанием, что они пользуются подобным иммунитетом у мексиканцев. Их мягкая и пронзительная нота и трезвый русский оттенок широко привлекали симпатии человека и связывали их с его более нежными чувствами.

"Мудрый, как змея, безобидный, как голубь" - это антитеза, которая могла бы прозвучать в любом человеческом языке. Они олицетворяют взаимодополняющие и часто противоположные качества. Из всех животных змея - самое загадочное. Неудивительно, что она овладела воображением наблюдательного ребенка природы. Одна из всех тварей она стремительно несется вперед без ног, плавников и крыльев. "Есть три вещи, которые слишком удивительны для меня, да четыре, которых я не знаю", - сказал мудрый царь Соломон; и главные из них: "путь орла в воздухе, путь змеи на скале".

Его извилистое течение ни на что так не похоже, как на извилистую реку, поэтому мы часто называем его серпантинном. Так же поступали и индейцы. Кеннебек, река в штате Мэн, на алгонкинском языке означает змею, а Антиетам, трагически знаменитый ручей в Мэриленде, на ирокезском диалекте имеет то же значение. Как легко дикари, истолковав эту фигуру буквально, сделали бы змею богом реки или воды! Многие виды земноводных подтвердили бы эту идею. Озеро, поливаемое бесчисленными извилистыми ручьями, извиляющимися в нем, вполне подходит для сказочной обители царя змей. Поэтому, несомненно, и у алгонкинов, и у ирокезов существовал миф о том, что в великих озерах обитает чудовищный змей, отличающийся вспыльчивым нравом, который, если его не умиротворяли с помощью подношений, поднимал бурю или ломал лед под ногами тех, кто осмеливался вступить в его владения, и проглатывал их.¹⁰⁸⁻¹

Гремучая змея - вид, почти исключительно почитаемый красной расой. Она медленно нападает, но очень ядовита и обладает способностью василиска притягивать к себе мелких птиц и белок. Вероятно, это очарование, о котором так много говорят, не что иное, как присутствие вблизи их гнезд, чтобы побудить их к нападению и опасным приближениям к своему врагу в надежде заставить его отступить, пока, оказавшись в зоне его удара, они не падут жертвами своего искушения. Я не раз наблюдал, как кошки ведут себя подобным образом. Какое бы объяснение ни было получено, факт не может быть подвергнут сомнению и всегда приписывается неосмысленными людьми какому-то дьявольскому заклинанию, наложенному на них животным. Они обладают той же странной восприимчивостью к воздействию определенных звуков, что и гадюки, и в этом кроется секрет очарования змей. Большинство индийских магов были знакомы с этой особенностью. Они использовали ее, чтобы поставить под сомнение свое общение с невидимыми силами и подтвердить силу своих духов-хранителей, которые позволяли им безнаказанно обращаться с самыми ядовитыми рептилиями.¹⁰⁹⁻¹ Известная антипатия этих змей к некоторым растениям, например, к лещине, которая, обвязанная вокруг лодыжек, является эффективной защитой от их нападений, а возможно, и противоядием от их яда, используемого магами, привела к тому, что их часто включали в религиозные церемонии. Такие представления, должно быть, производили глубокое впечатление на зрителей и в соответствующей степени способствовали славе исполнителя. "Кто такой манито?" - спрашивают алгонкины в мистическом песнопении *meda*. "Тот", - отвечают ему, - "кто ходит со змеей, ступая по земле,

тот - манито".¹⁰⁹⁻² И тесный союз этого символа с самыми священными тайнами религии, самыми мрачными загадками Неведомого, отражен в их языке, а также в языке их соседей дакотов, в обоих из которых те же слова *manito*, *wakan*, которые выражают божественность в самом широком смысле, также используются как родовые термины, обозначающие этот вид животных! Этот странный факт не лишен параллели, поскольку и в арабском, и в иврите слово "змея" имеет множество производных, означающих общение с демоническими силами, занятия магией и консультации со знакомыми духами.¹¹⁰⁻¹

Благочестивый основатель Моравского братства, граф Цинцендорф, однажды был обязан своей жизнью этому глубоко укоренившемуся суеверию. Он посещал миссионерскую станцию среди племени шауни в долине Вайоминг. Недавние ссоры с белыми необычайно раздражали этот непокорный народ, и они решили сделать его своей первой жертвой. Когда он удалился в свою уединенную хижину, несколько храбрецов подкрались к нему и, осторожно приподняв угол домика, заглянули внутрь. Почтенный человек сидел перед небольшим костром, положив на колени томик Священного Писания, и погрузился в чтение священных слов. Пока они глазели, огромная гремучая змея, незаметно для него самого, прошла по его ногам и свернулась калачиком в уютном тепле костра. Тут же потенциальные убийцы оставили свою цель и бесшумно удалились, убедившись, что это действительно человек Божий.

Более уникальная черта, чем любая из этих, - привычка сбрасывать кожу каждую весну, тем самым как бы обновляя свою жизнь. В умеренных широтах гремучая змея, подобно листьям и цветам, на время холодов скрывается из виду, а с возвращением тепла надевает новый блестящий плащ. Ее сброшенную кожу дикари бережно собирали и хранили в лекарственной сумке как обладающую целебными свойствами высшего качества. Будучи бессмертной, она, по их мнению, могла передать им свою жизненную силу. Поэтому, когда мать мучилась от боли и приближалась опасность, что ребенок родится мертвым, женщины спешили поймать какую-нибудь змею и дать ей выпить ее кровь.¹¹¹⁻¹

Хорошо известно, что в древнем искусстве это животное было символом Эскулапия, и по сей день профессор Агассис обнаружил, что индейцы мауес, живущие между верховьями рек Тапажос и Мадейра в Бразилии, всякий раз, когда они придают форму какому-либо "средству", придают ему форму змеи.¹¹¹⁻²

Возможно, это представление о том, что она ежегодно омолаживается, привело к ее принятию в качестве символа времени у ацтеков; или, возможно, поскольку они вели счет по солнцу, а фигура солнца, круг, не соответствует ничему одушевленному, кроме змеи с хвостом во рту, поедающей себя, таково было ее происхождение. Любой из этих вариантов более вероятен, чем то, что символ возник из рекогносцировочного размышления о том, что время "никогда не заканчивается, все еще начинается, все еще создает, все еще разрушает", как было предположено.

Однако только в последние несколько лет удалось удовлетворительно объяснить значение символа змеи во всем его многообразии и объяснить его частое повторение. Проведя тщательный анализ греческой и немецкой мифологии, доктор Шварц из Берлина показал, что значение, которое в этой эмблеме является первостепенным по отношению ко всем остальным, - это *молния*; значение, вытекающее из близкой аналогии, которую змея в своем движении, быстрой пружине и смертельном укусе имеет с зигзагообразным ходом, быстрой вспышкой и внезапным ударом электрического разряда. Он даже заходит так далеко, что воображает, будто благодаря этому сходству змея впервые приобрела почитание людей. Но это экстравагантность, не подкрепленная более тщательными исследованиями. Далее он с

большой точностью показал, как благодаря своим страшным эффектам молния, небесный змей, стала богом ужаса и противником таких героев, как Беовульф, Св. Георгий, Тор, Персей и другие, мифические изображения страшной войны стихий в грозе; как из-за своей связи с наступающим летом и оплодотворяющими дождями она носила противоположный характер божества плодovitости, богатства и изобилия; Как, периодически зажигая леса в местах ударов, она ассоциировалась с мифами о нисхождении огня с небес, и как в народном воображении, когда она падает, то разбрасывает молнии во все стороны, кремневые камни, которые вспыхивают при ударе, считались этими осколками и породили поклонение камням, столь частое в старом мире; и как, наконец, распространенный миф о царе змей, увенчанном сверкающим камнем или носящем рог, является лишь другим типом молнии.¹¹³⁻¹ Не принимая безоговорочно все эти выводы, я покажу, насколько они верны в основном, если применить их к мифам Нового Света, и тем самым проиллюстрирую, что красная раса одной крови и одной веры с нашими далекими предками в языческой Европе и Центральной Азии.

Не нужно прилагать особых усилий воображения, чтобы уподобить молнию змее. Не нужно обладать особой остротой, чтобы разгадать головоломку Шиллера: - "Unter allen Schlang".

"Unter allen Schlangen ist eine
Auf Erden nicht gezeugt,
Mit der an Schnelle keine,
An Wuth sich keine vergleicht."

Когда в 1637 году отец Буто был миссионером среди алгонкинов, он спросил их мнение о природе молнии. "Это огромная змея, - ответили они, - которую извергает Манито; вы можете видеть изгибы и складки, которые он оставляет на деревьях, в которые ударяет; и под такими деревьями мы часто находили огромных змей". "Вот вам новая философия!" - воскликнул отец.¹¹³⁻² Поэтому шауни называли гром "шипением огромной змеи";¹¹³⁻³ а Тлалок, тольтекский бог грома, держал в руке золотую змею, чтобы изобразить молнию.¹¹⁴⁻¹ По этой причине карибы говорили о боге грозы как о великом змее, обитающем в фруктовых лесах,¹¹⁴⁻² а в легендах киче другие названия Уракана, урагана или грозы, - Сильный змей, Тот, кто бросает вниз, - относятся к молнии.¹¹⁴⁻³

Среди гуронов в 1648 году иезуиты обнаружили легенду о существовании где-то чудовищного змея по имени Оннионт, который носил на голове рог, пронзавший скалы, деревья, холмы, словом, все, что ему попадалось. Тот, кому удавалось заполучить кусочек этого рога, становился счастливчиком, ведь он был суверенным талисманом и приносил удачу. Гуроны признались, что никому из них не посчастливилось найти чудовище и сломать его рог, да они и понятия не имели о его местонахождении; но их соседи, алгонкины, иногда предоставляли им небольшие фрагменты за большие деньги.¹¹⁴⁻⁴ Очевидно, что миф был преподнесен им в корыстных целях их гостями-торговцами. Среди алгонкинов племя шауни сделало больше, чем все остальные вместе взятые, чтобы привнести и распространить религиозные легенды и церемонии. Похоже, что с самых ранних времен они проявляли особую склонность к экстазам, обманам и фантазиям, составлявшим духовную жизнь их соплеменников. Постоянная бродячая жизнь привела их в соприкосновение с мифами многих народов. И очень вероятно, что они впервые принесли сказку о рогатом змее от криков и чероков. Она широко фигурировала в легендах обоих этих племен.

Последние рассказывали, что когда-то давно среди лесов их гор жил князь гремучих змей. Послушные подданные охраняли его дворец, а на голове вместо короны сверкал драгоценный камень, обладающий чудесными магическими свойствами. Многие воины и

маги пытались завладеть этим драгоценным талисманом, но были уничтожены отравленными клыками его защитников. Наконец одному из них, более изобретательному, чем остальные, пришла в голову блестящая идея заключить себя в кожу и, пройдя невредимым через шипящий и клокочущий двор, сорвать сияющую драгоценность и с триумфом нести ее своему народу. Они хранили его с религиозной заботой, торжественно выносили по государственным случаям, а примерно в середине прошлого века, когда капитан Тимберлейк проник в их города, рассказали ему о его происхождении. [115-1](#)

Амулет, который крики преподносили своим юношам, когда те выходили на тропу войны, имел очень похожий характер. Он состоял из костей пантеры и рога сказочной рогатой змеи. Согласно легенде, записанной авторитетным человеком в конце прошлого века, великий змей обитал в водах; старики ходили к краю и пели священные песни. Чудовище поднялось на поверхность. Мудрецы возобновили мистические песнопения. Он немного приподнялся из воды. Они снова повторили песни. На этот раз он показал свои рога, и они отрубили один из них. В четвертый раз они запели, и когда он поднялся, чтобы послушать, отрубили оставшийся рог. Фрагмент из них в "боевом лекарстве" защищал от враждебных стрел и давал успех в сражении. [116-1](#)

В этих мифах, приписывающих удачу рогу змея, рогу, пронзающему деревья и скалы, поднимающемуся из вод, сверкающему, как драгоценный камень, спускающемуся из ущелий гор, мы не перейдем границ благоразумия, если увидим молнию, знак плодоносящего дождя, символ силы молнии, рог небесного змея. Они имеют строго метеорологическое значение. И когда в поздней алгонкинской традиции герой Мухабо вступает в схватку с сияющим князем змей, живущим в озере и заливающим землю своими водами, и уничтожает пресмыкающееся дротиком, и далее, когда победитель одевается в кожу своего врага и гонит остальных змей на юг, где в тех широтах молнии в последний раз видны осенью; [116-2](#) или когда в традиционной истории ирокезов мы слышим о другом огромном рогатом змее, поднимающемся из озера и нападающем на людей, пока подобный бог-герой не уничтожит его молнией, [116-3](#) мы не можем ошибиться, отвергая любое историческое или этическое толкование, и истолковывая их как аллегории, которые на сначала представляли атмосферные изменения, сопровождающие наступление сезонов и созревание урожая. Это рассказы, передающие под приятными олицетворениями весть о бесконечной борьбе, которую, по словам дакотов, с переменным успехом вели Унктахе против Ваухкеона, Бог Воды против Птицы Грома. [117-1](#) Это те же истории, которые в старом мире были переработаны в борьбу Ормузда и Ахримана, Тора и Мидгарда, Святого Георгия и Дракона и тысячи других.

Однако лишь узкая теория естественной религии не допускала иного значения этих мифов. Вокруг нас ведется множество других стихийных войн, и в этих примитивных творениях человеческой фантазии заложены такие же разнообразные приложения, как и в самой природе. Следует только помнить, что в зачаточном состоянии религиозной жизни в них никогда не было ни морального, ни исторического смысла.

В очаровании змеи как доказательстве мастерства в магии и в символе молнии, приносящей огонь и воду, которая своей мощью управляет победой на войне, а своей частотой - обильным урожаем на родине, кроется тайна змеино-го символа. Поскольку "военным лекарством" у племен Соединенных Штатов был фрагмент змеи и таким образом обозначалось его несравненное мастерство в войне, ирокезы изображают своего мифического короля Ататархо одетым не во что иное, как в черных змей; Так что, когда он хотел надеть новый костюм, он просто сгонял один комплект и приказывал другому занять их место, [118-1](#) так, точно таким же мысленным процессом, миф науа назначает матерью их бога

войны Уицилапочтли, Coatlicue, одяние змей; ее место обитания Coatepec, холм змей; и при ее возложении говорят, что она принесла змею. Изображение ее сына было окружено змеями, его скипетр был в форме одной из них, его большой барабан был из змеиных шкур, а его статуя покоилась на четырех паразитирующих кариатидах.

Как символ оплодотворяющих летних ливней, молниеносный змей был богом плодородия. Рожденный в атмосферных водах, он был подходящим атрибутом повелителя ветров. Но мы уже видели, что о ветрах часто говорили как о больших птицах. Отсюда и соединение этих двух символов в таких именах, как Кецалькоатль, Гукумац, Кукулькан - все это титулы бога воздуха на языках Центральной Америки, означающие "птица-змея". Здесь же мы видим разгадку того памятника, который так озадачил американских антикваров, - креста в Паленке. Это табличка на стене алтаря, изображающая крест, над которым возвышается птица, поддерживаемая головой змеи. Последняя не очень хорошо видна на табличке в "Путешествиях мистера Стивенса", но очень отчетлива на фотографиях, сделанных М. Шарнеем, которые этот джентльмен любезно показал мне. Крест, который я уже показывал, был символом четырех ветров, а птица и змея - это просто ребус бога воздуха, их повелителя. [119-1](#) Кецалькоатль, называемый также Йолкуат, гремучая змея, был не менее тесно связан со змеями, чем с птицами. Вход в его храм в Мексике представлял собой челюсти одной из этих рептилий, а сам он в конце концов исчез в провинции Коацакоалько, месте, где скрывается змея, уплыв на восток на корабле из змеиных шкур. Все это говорит о его власти над молниеносным змеем.

Считалось, что он также является богом богатства и покровителем торговцев. Ведь вместе с летней молнией приходит урожай и созревают плоды, приходят богатство и торговля. Кроме того, "золотой цвет жидкого огня", как выражается Лукреций, естественно, приводил к тому, что там, где этот металл был известен, его считали продуктом молнии. Так возникли многие из тех сказок о драконе, стерегущем сокровища в земле, и о змее, раздающей богатства, которые бытовали у греков и древних германцев. [119-2](#) Так было и в Перу, где богу богатства поклонялись под образом рогатой и волосатой гремучей змеи с золотым хвостом. Говорили, что она спустилась с небес на глазах у всего народа, и ее видела вся армия инков. [119-3](#) Ссылались ли на нее, или в качестве эмблемы своей доблести, сами инки выбрали в качестве оружия двух змей с переплетенными хвостами, точно не известно; возможно, по одной на каждое из этих значений.

Поскольку гремучая змея, молниеносная змея, связана с пищей человека и сама, кажется, никогда не умирает, а ежегодно возобновляет свою молодость, алгонкины называли ее "дедушкой" и "королем змей"; они боялись причинить ей вред; Они верили, что она может даровать благополучные бризы или поднимать разрушительные бури; увенчанная лунным полумесяцем, она была постоянным символом жизни в их картинной письменности; а в знаках меда мифическая бабушка человечества *me suk kut me go kwa* представлялась безразлично в виде старухи или змеи. [120-1](#) По этой же причине Чиуакоатль, Женщина-змея, в мифах науа также называлась Тонанцин, наша мать. [120-2](#)

Однако в Америке символ змеи привлек к себе излишнее внимание. Он имел такое зловещее значение в христианском искусстве и так хорошо сочетался с любимой пословицей первых миссионеров - "боги язычников - дьяволы", - что, где бы они ни увидели резьбу или изображение змеи, они сразу же признавали в ней знак Князя Тьмы и заносили этот факт в свои записные книжки как доказательство своей заветной теории. Проанализировав всю ситуацию, я убежден, что ни одно из племен красной расы не придавало этому символу никакого этического значения, и что, будучи использованным для выражения атмосферных

явлений и признания божественности в природных явлениях, он гораздо чаще символизировал то, что было благоприятным и приятным, чем наоборот.

101-1 О том, что таковы были реальные взгляды индейцев на животный мир, см. Heckewelder, *Acc. of the Ind. Nations*, p. 247; Schoolcraft, *Ind. Tribes*, iii. p. 520.

101-2 Egede, *Nachrichten von Grönland*, p. 156.

102-1 *Voyages aux Indes Occidentales*, pt. ii. p. 203: Amst. 1722.

102-2 Beverly, *Hist. de la Virginie*, liv. iii. chap. viii.

103-1 Schoolcraft, *Ind. Tribes*, v. p. 420.

103-2 Миссис Истмен, *Легенды суу*, p. 191: New York, 1849. Это заслуживающая доверия и достойная внимания книга, что можно сказать о немногих сборниках индейских преданий. Они были собраны во время семилетнего проживания на наших северо-западных территориях и, как правило, дословно соответствуют рассказам туземцев.

104-1 Müller, *Amer. Urreligionen*, p. 222, после De la Borde.

105-1 *Acc. of the Inds. of California*, ch. ix. Перевод с английского Робинсона: Нью-Йорк, 1847. Акагчемем были ветвью племени нетела, которое обитало около миссии Сан-Хуан-Капистрано (см. Buschmann, *Spuren der Aztek. Sprache*, etc., p. 548).

106-1 На языке ацтеков назывались *теколотль*, ночная сова; буквально - каменный скорпион. Перевод был мифологическим. Христиане добавили к этому слову *tlaca*, человек, и таким образом образовали имя для Сатаны, которое Прескотт и другие перевели как "разумная сова". В древнем Анахуаке такого божества не существовало (см. Buschmann, *Die Voelker und Sprachen Neu Mexico's*, p. 262).

106-2 Schoolcraft, *Ind. Tribes*, v. p. 420.

106-3 Уильям Бартрам, Путешествия, с. 504. Колумб обнаружил, что туземцы Антильских островов носят туники с вышитыми на них фигурками этих птиц. Prescott, *Conq. of Mexico*, i. p. 58, note.

107-1 *Rel. de la Nouv. France*, An 1636, ch. ix. Catlin, *Letters and notes*, Lett. 22.

108-1 *Rel. de la Nouv. France*, An 1648, p. 75; Cusic, *Trad. Hist. of the Six Nations*, pt. iii. Последний труд принадлежит вождю тускароры. Она переиздана в "Индейских племенах" Школкрафта, но не представляет особой ценности.

109-1 Например, в Бразилии, Müller, *Amer. Urrelig.*, p. 277; в Юкатане - Cogolludo, *Hist. de Yucathan*, lib. iv. cap. 4; среди западных алгонкинов - Hennepin, *Decouverte dans l'Amer. Septen.* chap. 33. Доктор Хаммонд высказал мнение, что североамериканские индейцы обладают таким же иммунитетом от вируса гремучей змеи, как и некоторые африканские племена от некоторых растительных ядов (*Hygiene*, p. 73). Но его наблюдения, должно быть, ошибочны, поскольку многие путешественники упоминают о внушаемом этими змеями страхе и о частых случаях смерти от их укусов, например, *Rel. Nouv. France*. 1667, p. 22.

109-2 *Narrative of the Captivity and Adventures of John Tanner*, p. 356.

- 110-1 См. словари Галлатина во втором томе *Trans. Am. Antiq. Soc.* под словом *Snake*. В арабском языке *dzann* - змея; *dzanan* - дух, душа или сердце. Так и в иврите *nachas*, змея, имеет много производных, означающих общение с демонами, колдовство, мага и т. д. См. Нольдеке в *Zeitschrift für Voelkerpsychologie und Sprachwissenschaft*, i. p. 413.
- 111-1 Alexander Henry, *Travels*, p. 117.
- 111-2 *Bost. Med. and Surg. Journal*, vol. 76, p. 21.
- 113-1 Schwarz, *Der Ursprung der Mythologie dargelegt an Griechischer und Deutscher Sage*: Berlin, 1860, *passim*.
- 113-2 *Rel. de la Nouv. France*: An 1637, p. 53.
- 113-3 *Sagen der Nord-Amer. Indianer*, p. 21. Это немецкий перевод части книги Джонса "Легенды североамериканских индейцев" (*Legends of the N. Am. Inds.*: London, 1820. Их ценность как мифологического материала очень мала.
- 114-1 Торквемада, *Монархия Индианы*, lib. vi. cap. 37.
- 114-2 Müller, *Amer. Urrelig.*, 221, после De la Borde.
- 114-3 *Le Livre Sacré des Quichés*, p. 3.
- 114-4 *Rel. de la Nouv. France*, 1648, p. 75.
- 115-1 Мемуары лейтенанта Генри Тимберлейка, с. 48: Лондон, 1765. Эта небольшая книга дает представление о чероки в более ранний период, чем это можно найти в других источниках.
- 116-1 Hawkins, *Sketch of the Creek Country*, p. 80.
- 116-2 Schoolcraft, *Algic Researches*, i. p. 179 sq.; сравните ii. p. 117.
- 116-3 Morgan, *League of the Iroquois*, p. 159; Cusic, *Trad. Hist. of the Six Nations*, pt. ii.
- 117-1 Миссис Истман, *Легенды суу*, стр. 161, 212. В этом объяснении я отхожу от профессора Шварца, который собрал различные легенды, почти идентичные легендам индейцев (с которыми он не был знаком), и интерпретировал драгоценную корону или рог как летнее солнце, вызванное ранней весенней молнией. *Ursprung der Mythologie*, p. 27, примечание.
- 118-1 Cusic, u. s., pt. ii.
- 119-1 Об этой замечательной реликвии написал длинную и содержательную статью в "Ревю Америкэн" (т. ii. с. 69) почтенный путешественник де Вальдек. Как и я, а я не видел его мнения до того, как было написано выше, он объясняет крестообразный дизайн как обозначение четырех кардинальных точек, но предлагает это объяснение просто как предположение, не ссылаясь на эти символы, как они появляются во многих других связях.
- 119-2 Schwarz, *Ursprung der Mythologie*, pp. 62 sqq.
- 119-3 "Я исследовал многих индейцев в отношении этих деталей, - говорит рассказчик, монах Августин, писавший в 1554 году, - и все они подтвердили их как очевидцы" (*Lettre sur les Superstitions du Pérou*, p. 106, ed. Ternaux-Compans. Этот документ очень ценен).
- 120-1 Рассказ Джона Таннера, с. 355; Henry, *Travels*, p. 176.

ГЛАВА V.

МИФЫ О ВОДЕ, ОГНЕ И ГРОЗЕ.

Вода - древнейший элемент; ее использование для очищения; святая вода; обряд крещения; вода жизни; ее символы; ваза; луна; богиня любви и земледелия, а также болезни, ночи и боли; часто изображается в виде собаки; поклонение огню под видом поклонения солнцу; вечный огонь.-Новый огонь - сжигание мертвых.-Поклонение страстям, но никакого сексуального дуализма в мифах, как и фаллического поклонения в Америке.-Синтез поклонения огню, воде и ветру в грозе, олицетворенных как Хаока, Тупа, Катекиль, Контичи, Эно, Тлалок, Микскоатль и другие божества, многие из которых триедины.

Первобытный человек был скотиной во всем, кроме восприимчивости к культуре; главным рынком его времени были сон, борьба и питание; только телесный комфорт имел значение в его глазах; и его боги были ничем, если только они не касались его здесь. Холод, голод, жажда - вот те гонимые, которые постоянно шли по его следу; вот те падшие силы, которые, как он видел, постоянно уносили его собратьев, постоянно направляли на него самого свои невидимые стрелы. Огонь, пища и вода были богами, которые сражались на его стороне; они были главными фигурами в его пантеоне, его самыми добрыми и, возможно, самыми ранними божествами.

Почти единодушно мифологии отдают приоритет воде. Она была первой из всех вещей, родителем всего сущего. Даже сами боги были рождены от воды, говорили греки и ацтеки. Космогонии не простираются дальше первобытного океана, который катит свои безбрежные волны сквозь вечную ночь.

"Omnia pontus erant, deerant quoque litora ponto".

Земля, солнце, звезды скрывались в его бездонных пучинах. "Все мы, - гласила мексиканская формула крещения, - дети Чальчихуитликуэ, богини воды"; то же самое говорили перуанцы о Маме Коча, ботокудо - о Тару, аборигены Дарьена - о Добайбе, ирокезы - об Атаенсике - все они матери человечества, все олицетворения воды.

Как объяснить такое единодушие? Не предположением о каком-то древнем общении между отдаленными племенами, а использованием воды как породителя и помощника, необходимого условия жизни. Если не принимать во внимание аналогию с материнскими водами, питающими еще не родившегося ребенка, и не подчеркивать, насколько незаменима она в качестве напитка, то многочисленные функции, выполняемые этим элементом в природе, легко приводят к предположению, что она должна была предшествовать всему остальному. Утоляя жажду, он ускоряет жизнь; как роса и дождь, он питает растения, и если его не принимать, то семена погибают в земле, а леса и цветы увядают; как фонтан, река и озеро, он обогащает долину, предлагает безопасное убежище и обеспечивает запасы рыбы; как океан, он представляет собой наиболее подходящий тип бесконечности. Он очищает, он очищает; он производит, он сохраняет. "Тела, если они не растворены, не могут действовать", - такова максима самой ранней химии. Поэтому очень правдоподобно было предположить, что она является источником всех вещей.

Поклонение ручьям, источникам и озерам, или, скорее, духам, их управляющим, преобладало повсюду; иногда открыто, потому что они давали пищу, как в случае с моксо, которые называли себя детьми озера или реки, на которой находилась их деревня, и боялись переселиться, чтобы не обидеть своего родителя; [124-1](#) иногда потому, что они были средством орошения, как в Перу, или на более общих мифических основаниях. Роцца у фонтана - это во всех случаях поклонения природе готовое святилище сильфид, которые живут в ее прозрачных волнах и таинственно журчат на мелководе. На таком месте в наших государствах Персидского залива редко можно найти жертвенный курган древних жителей, а туземцы Центральной Америки были склонны возводить свои алтари (Ximenes). Озера - естественные центры цивилизации. Как и деревни на озерах, которые швейцарцы возводили в доисторические времена, как и древняя Венеция, город Мексики был впервые построен на сваях в озере, и по той же причине - для защиты от нападения. Как только безопасность была достигнута, последовали рост и могущество. Таким образом, мы можем проследить, как самые первые лучи цивилизации ацтеков поднимаются от озера Тескуко, перуанцев - от озера Титикака, муисков - от озера Гуатавита. Это центры легендарных циклов. Их воды были освящены вековыми воспоминаниями. Из глубин Титикаки поднялся Виракоча, мифический цивилизатор Перу. Через Гуатавиту проходили многие паломники с больными ногами в древней империи Зак. Раз в год верховный жрец выливал в ее волны коллективные подношения толпы, а помазанный маслами и сверкающий золотой пылью, нырял в глубину, исповедуя общение с богиней, у которой там был свой дом. [125-1](#)

От воды зависит не только жизнь человека, но и его благополучие. В качестве омовения она бодрит его телесно и душевно. Среди североамериканских индейцев ни один институт не был в большем почете, чем потная ванна с последующим холодным спринцеванием. Она была популярна не только как средство от всех и всяческих болезней, но и как предварительная процедура перед советом или важной сделкой. О ее реальной ценности в холодном климате свидетельствует устойчивая любовь к русской бане на севере Европы. Индейцы же с присущим им суеверием приписывали ее благотворное воздействие некой таинственной целительной силе, заключенной в самой воде. Поэтому, когда пациент был не в состоянии пройти через обычный процесс или когда его лечащий врач был выше вульгарной и рутинной практики своей профессии, его лечили по бесконечно малой системе. Шарлатан бормотал формулу над тыквой, наполненной из соседнего источника, и окроплял ею своего пациента, или промывал больное место, или высасывал злого духа и выдувал его в чашу с водой, а затем разбрызгивал жидкость на огонь или землю. [125-2](#)

Использование такой "святой воды" поразило миссионеров-романистов, и они сразу же уличили сатану в пародировании Писания. Но их удивление переросло в ужас, когда они обнаружили у разных народов обряд крещения, ужасающе похожий на их собственный, связанный с наложением имени, совершаемый явно с целью освобождения от врожденного греха, верящий в возрождение духовной природы, а более чем в одном случае называемый местным словом, означающим "родиться заново". [126-1](#) Такой обряд существовал с незапамятной древности у чероки, ацтеков, майя и перуанцев. Если бы миссионеры помнили, что в Азии его практиковали со всеми этими значениями задолго до того, как он был выбран в качестве знака нового завета, им не пришлось бы ссылаться ни на Сатану, ни на святого Фому, чтобы объяснить его присутствие в Америке.

Поскольку телесное загрязнение сродни духовному, а чистота - благочестию, омовение перед религиозными действиями рано приобрело не только реальное, но и символическое значение. Вода освобождала душу от греха, как и кожу от пятен. Мы должны приходить к Богу с чистыми руками и чистым сердцем. Как Пилат умыл руки перед народом, чтобы показать,

что он не хочет принимать на себя моральную ответственность за их поступки, так и вождь племени натчез, которого против чувства долга уговаривали не приносить себя в жертву на костре своего правителя, набрал чистой воды, умыл руки и бросил ее на живые угли. [126-2](#) Когда древний перуанец обнажал свою вину на исповеди, он омылся в соседней реке и повторял такую формулу: - "О ты, река, прими меня!

"О ты, река, прими грехи, в которых я сегодня признался Солнцу, отнеси их в море, и пусть они никогда больше не появляются". [127-1](#)

Навахо, которому поручено нести мертвое тело для погребения, считает себя нечистым, пока тщательно не вымоется в воде, приготовленной для этой цели по определенным церемониям. [127-2](#) Купание было обязательным этапом мистерий Митры, инициации в Элевсисе, поклонения Меда у алгонкинов, Буска у криков, религиозных церемоний повсюду. Сначала крещение всегда было погружением. Это была ванна, предназначенная для торжественного принятия ребенка в гильдию человечества, заимствованная из предшествующего обычая омовения по любому торжественному случаю. В обоих случаях целью является большая чистота, телесная и духовная. Как безусловно существует закон совести, как безусловно наши поступки не соответствуют нашим желаниям, так безусловно человек болезненно осознает различные несовершенства и недостатки. То, что он чувствует, он приписывает младенцу. Чтобы освободиться от этого чувства вины, делавары использовали эметик (Лоскиэль), чероки - зелье, приготовленное орденом женщин-воинов (Тимберлейк), такахли с территории Вашингтона, ацтеки, майя и перуанцы - аурикулярную исповедь. Сформулируйте эти чувства, и мы получим догмы о "первородном грехе" и о "духовном возрождении". Порядок крещения у ацтеков начинался словами: "О дитя, прими воду Господа мира, которая есть наша жизнь; она должна омыть и очистить; пусть эти капли снимут грех, который был дан тебе до сотворения мира, поскольку все мы находимся под его властью"; и заканчивался словами: "Теперь он живет заново и рождается заново, теперь он очищен и умыт, теперь наша мать Вода снова приносит его в мир". [128-1](#)

Затем ребенку присваивалось имя, обычно имя какого-нибудь предка, который, как предполагалось, таким образом побуждался осуществлять благосклонный надзор за будущим малыша. В последующей жизни, если человек желал попасть в высший класс населения и обладал достатком, чтобы приобрести его - ведь здесь, как и в более просвещенных странах, знатность была вопросом денег, - он проходил второе крещение и получал другое имя, но все еще якобы от богини воды. [128-2](#)

В Перу ребенка погружали в жидкость, священник изгонял зло и заставлял его войти в воду, которую затем закапывали в землю. [128-3](#) В обеих странах вместо погружения в воду может использоваться окропление. Чероки верят, что если не провести этот обряд, когда ребенку исполнится три дня, он неизбежно умрет. [128-4](#)

Таким образом, считалось, что существует вода, испив которую, человек не умрет, а будет жить вечно. Я уже упоминал о фонтане молодости, который, как предполагалось задолго до того, как Колумб увидел прибой Сан-Сальвадора, существовал на Багамских островах или во Флориде. Похоже, он надолго задержался на этом полуострове. Не так давно Коакоуч, вождь семинолов, рассказал о видении, которое подтолкнуло его к отчаянному побегу из замка Сент-Огастин. "Во сне, - рассказывал он, - я посетил счастливые охотничьи угодья и увидел свою сестру-близнеца, которой уже давно нет на свете. Она предложила мне чашу с чистой водой, которая, по ее словам, поступает из источника Великого Духа, и если я выпью ее, то вернусь и буду жить с ней вечно". [129-1](#) Какое-то мистическое уважение к стихии, а не просто наряд для дома духа, вероятно, побудило более ранние племена той же территории

поместить раковину конча, которую покойный использовал в качестве чаши, на видном месте на могиле, [129-2](#) а мексиканцы и перуанцы вианы поместить вазу с водой вместе с трупом или окропить его жидкостью, крестя его, так сказать, в его новые ассоциации. [130-1](#) Это была эмблема надежды, которая должна радовать жилища мертвых, символ воскресения, которое ждет тех, кто сошел в могилу.

Ваза или тыква как символ воды, источника и хранителя жизни, занимает видное место в мифах древней Америки. Как Акбаль или Уэкомитль, великая или изначальная ваза, в легендах ацтеков и майя она играет важную роль в драме творения; как Тичи (Тикку) в Перу она является символом дождей, а в виде тыквы она часто упоминается карибами и тупи как родительница атмосферных вод.

Поскольку Луна ассоциируется с ночной сыростью и росами, древний и широко распространенный миф отождествляет ее с богиней воды. Более того, несмотря на возражения ученых, простые люди во всем мире упорно приписывают ей заметное влияние на дожди. Ложное или истинное, это привычное мнение имеет большую древность и было одобрено индейцами, которые, по словам одного старого автора, были "великими наблюдателями за погодой по луне". [130-2](#) Они считали ее не только предупреждающей своим появлением о приближении дождей и туманов, но и являющейся их фактической причиной.

Исида, ее египетское имя, буквально означает влагу; Атаенсик, которую гуроны называли луной, происходит от слова "вода"; а Цитатли и Атль, луна и вода, постоянно смешиваются в теологии ацтеков. Их атрибуты были поразительно похожи. Они обе были мифическими матерями расы, обе защищали рожениц, младенцев в колыбели, земледельцев в поле, юношей и девушек в их нежных привязанностях. Поскольку передача легенд почти всегда происходила от водной к лунной богине, то, приведя их в этом месте, можно не сомневаться в их истинном значении.

Мы всегда должны помнить, что мифология развивается от многих богов к одному, что это синтез, а не анализ, и что в этом процессе наблюдается тенденция к смешению в одно целое черт и историй первоначально отдельных божеств. Как справедливо заметил мексиканский антиквар Гама: "У индейцев было принято поклоняться многим богам под личиной одного, в основном тем, чья деятельность протекала в одном направлении, или тем, кто был каким-то образом связан между собой". [131-1](#)

Время полнолуния было выбрано и в Мексике, и в Перу для празднования фестиваля божеств воды, покровителей сельского хозяйства, [131-2](#) и, как правило, церемонии, связанные с урожаем, регулировались ее фазами. Никарагуанцы говорили, что бог дождей Киатео восходит на востоке, [131-3](#), намекая тем самым на происхождение этой связи. Во время лунного затмения индейцы Ориноко хватались за мотыги и с образцовой энергией трудились над растущей кукурузой, говоря, что луна скрывает себя в гневе на их привычную лень; [132-1](#) а в описании Новых Нидерландов, написанном около 1650 года, отмечается, что дикари этой земли "приписывают луне большое влияние на урожай". [132-2](#) Это почтенное суеверие, общее для всех рас, до сих пор сохраняется среди наших фермеров, многие из которых продолжают наблюдать "знаки луны" при посеве зерновых, посадке деревьев, рубке леса и других сельских работах.

Олицетворяя воду, всеобщую мать, Луна была защитницей рожениц, богиней любви и младенцев, покровительницей брака. К ней обращались матери в родах, будь то под именем "Диана, богиня трех форм" в языческом Риме, под именем "Мама Килья" в Перу или "Мецтли"

в Анауаке. Под именем Йохуалтичитль, Владычицы Ночи, она также была в этой последней стране хранительницей младенцев и, как Течистекатль, причиной рождения. [132-3](#)

Совсем иначе выглядит другой аспект богини Луны, и мексиканцы вполне могли бы изобразить ее в двух цветах. Благодетельная подательница урожая и потомства, она, тем не менее, имеет пророческую и ужасающую фазу. Она также богиня ночи, сырости и холода; она порождает миазматические яды, от которых ломит кости; она скрывает в своей мантии врага, который застает нас врасплох; она управляет теми смутными формами, которые пугают нас в тусклом свете; беспричинные звуки ночи или ее более гнетущая тишина знакомы ей; именно она посылает сны, в которых боги и дьяволы играют с человеком, и дремоту, брата-близнеца могилы. В оккультной философии средних веков она была "начальницей над ночью, тьмой, покоем, смертью и водами"; [133-1](#) в языке алгонкинов ее имя идентично словам "ночь", "смерть", "холод", "сон" и "вода". [133-2](#)

Она - злонамеренная женщина, которая навлекает на людей болезни, которая с самого начала привнесла в мир боль и смерть - наша общая мать, но жестокая причина наших нынешних бед. Иногда это луна, иногда вода, о которых говорится следующее: "Все мы находимся под властью зла и греха, *потому что* мы - дети Воды", - гласит мексиканская формула крещения. В то, что Унктахе, дух воды, является хозяином снов и колдовства, верят дакоты. [133-3](#) Женский дух, жена великого манито, чье сердце - солнце, по мнению древних алгонкинов, принесла смерть и болезни расе; "это она убивает мужчин, иначе они никогда бы не умерли; она поедает их плоть и перегрызает им жилы, пока они не падают и не погибают". [134-1](#) Кто же эта женщина? В легенде о муйсках это Чиа, Луна, которая также была богиней воды и со злости затопила землю. [134-2](#) Ее репутация была печально известна. Бразильская мать тщательно оберегала своего младенца от лунных лучей, считая, что они могут вызвать болезнь; [134-3](#) охотничьи племена нашей страны не будут спать при ее свете и не оставят свою дичь под ее воздействием. Мы и сами еще не избавились от таких слов, как лунатик, пораженный луной и тому подобных. Откуда у нас такие понятия? Философский историк медицины Курт Шпренгель возводит их к примитивным и популярным медицинским теориям Древнего Египта, согласно которым все недуги были следствием гнева богини Исиды, влаги, Луны. [134-4](#)

Здесь находится ключ ко многим мифам. Возьмем, к примеру, богиню маиса ацтеков Центеотль. Говорят, что временами она являлась в облике женщины непревзойденной красоты и заманивала в свои объятия какого-нибудь несчастного, которому суждено было заплатить жизнью за краткие мгновения наслаждения. Даже увидеть ее в таком облике было роковым предзнаменованием. Считалось также, что она принадлежит к классу богов, чья родина находится на западе, и кто порождает болезни и боли. [134-5](#) Здесь мы видим, как злой аспект луны отражается на другой богине, которая поначалу была исключительно покровительницей сельского хозяйства.

Как богиня болезней, предполагалось, что люди, страдающие определенными заболеваниями, были выделены Луной для ее особого служения. Это были болезни гуморального типа, особенно те, которые характеризуются выделениями и язвами. Как в древнееврейском языке слово "*проклятый*" происходит от корня, означающего "*посвященный Богу*", так и в языках ацтеков, киче и других народов слово "*прокаженный*", "*экзематозный*" или "*сифилитический*" означает "*божественный*". Это причудливое изменение смысла иллюстрирует очень древний миф их рода. В нем говорится, что в отсутствие солнца все человечество погрузилось во тьму. Ничто, кроме человеческого жертвоприношения, не могло ускорить его приход. Тогда Мецли, Луна, вывел одного Нанауатля, прокаженного, и, соорудив костер, жертва бросилась в его середину. Мецли тут

же последовала его примеру, и когда она исчезла в ярком пламени, солнце поднялось над горизонтом. [135-1](#) Не является ли это отсылкой к зажигающим лучам авроры, которой приносят в жертву темную и зловещую ночь, и в свете которой луна вскоре исчезает, а солнце восходит?

Здесь раскрывается еще одна реакция в мифологической лаборатории. Как добрые качества воды приписывались богине ночи, сна и смерти, так и ее злобные черты, в свою очередь, отражались на этом элементе. Переносу способствовали и другие мысли. В примитивной географии Океанский поток обвивает своими бесконечными складками тот клочок суши, на котором мы живем, не торопясь поглотить его целиком. Не желая отдавать землю из своего лона, он ежедневно отнимает у нее кусочек за кусочком. Каждый вечер он прячет свет в своих глубинах, и Ночь и Воды возвращаются к своему древнему господству. Слово "океан" (*mare*) в латинском языке означает "пустыня", а греки говорили о нем как о "бесплодном рассоле". Вода - коварная стихия. Человек смело ступает по твердой земле, но реки и озера постоянно стремятся поглотить тех, кто осмеливается войти в их пределы. Поскольку ручьи текут по извилистым руслам, а дожди сопровождает змея-молния, это животное иногда становилось символом воды в ее опасных проявлениях. Гуронские маги рассказывали, что в озерах и реках обитает огромных размеров *Ангонт*, который насыляет болезни, смерть и другие несчастья, а малейший клещ его плоти - смертельный яд. Они добавляли - и в этом заключался смысл сказки, - что всегда держали под рукой порции чудовища для помощи всем, кто противился их замыслам. [136-1](#) В легендах алгонкинов упоминается соперничество между Миабо, создателем земли, и Духом Вод, который был недружелюбен к проекту. [136-2](#) В более поздних сказаниях этот антиго низм становится все более выраженным и приобретает этическое значение, которого у него не было вначале. Однако если рассматривать американские религии в целом, то вода гораздо чаще оказывает благотворное влияние, чем наоборот.

Предполагалось, что собаки находятся в особом отношении к луне, вероятно, потому, что они воют на нее и бегают по ночам - жуткие занятия, которые дорого обошлись им в репутации. Среди столь разных племен, как перуанцы, тупи, крики, ирокезы, алгонкины и гренландские эскимосы, существовал обычай бить проклятых во время затмения. [137-1](#) Крики объясняли это тем, что большая собака заглатывает солнце, и, выпоров маленьких, они могут заставить ее остановиться. Что это была за большая собака, они не готовы сказать. Мы знаем. Это была богиня ночи, которую олицетворяла собака и которая таким образом окутывала мир в полдень. Древние римляне приносили собак в жертву Гекате и Диане, в Египте они были священны для Исида, и поэтому, как традиционно связанный с ночью и ее ужасами, Князь Тьмы в суевериях средневековья предпочитал появляться в виде собаки, как тот знаменитый пудель, сопровождавший Корнелия Агриппу, или тот, что вырос до огромных размеров за печью доктора Фаустуса. В лучшем смысле они представляли более приятные черты лунной богини. Ксочикетцаль, самая плодовитая из ацтекских божеств, покровительница любви, сексуальных удовольствий и деторождения, также называлась *Ицкуинан*, что в буквальном переводе означает "сука-мать". Этот странный и для нас столь отвратительный титул богини не был лишен аналогов в других местах. Когда во время своих войн инка Пачакутек вошел с оружием в провинцию Уанка, он обнаружил, что ее жители установили в своих храмах фигуру собаки как своего высшего божества. Они привыкли также выбирать одну из них в качестве своего живого представителя, молиться ей и приносить жертвы, а когда она хорошо откормится, то с торжественными церемониями подавать ее на большом пиру, съедая своего бога *основательно*. Жрецы этой провинции вызывали своих служителей в храмы, дуя в инструмент, сделанный из собачьего черепа. [138-1](#) Эта собачья канонизация объясняет, почему в некоторых частях Перу жреца в знак уважения называли

allco, собака!¹³⁸⁻² И почему во многих гробницах как там, так и в Мексике их скелеты аккуратно уложены вместе с человеческими останками. Куда бы ни распространялась раса ацтеков, они, похоже, несли с собой обожание дикого вида, койота, *canis latrans* натуралистов. Шошоны Нью-Мексико называют его своим прародителем¹³⁸⁻³, а у науа он был в таком почете, что имел свой храм, общину жрецов, посвятивших себя его служению, статуи, высеченные из камня, искусную гробницу после смерти, и, как говорят, предназначался богу Чантико, чья дерзость привела к разрушению мира. По легенде, он принес жертву богам, не соблюдая предварительный пост, за что был наказан превращением в собаку. Затем он призвал бога смерти избавить его, и эта попытка избежать справедливого наказания так разгневала божеств, что они погрузили мир в воду.¹³⁹⁻¹

Во время шторма на наших северных озерах индейцы считают, что никакое подношение не способно так умиротворить разгневанного бога воды, поднимающего бурю, как собака. Поэтому они спешат связать ей ноги и выбросить за борт.¹³⁹⁻² В их сказках и суевериях постоянно встречаются таинственные силы животных, а выдающиеся действия, которые они порой совершали, обычно имеют близкий параллелизм с теми, что приписываются воде и луне.

Голод и жажду, таким образом, утоляла вода. Оставался холод, и щитом против него был *огонь*. Он дает человеку свет в темноте и тепло зимой; он показывает ему друзей и предупреждает о врагах; пламя устремлено к небу, а дым образует облака. Вокруг него начинается общественная жизнь. Для дома и очага у дикаря есть только одно слово, и все нежные чувства, которые может испытывать его грудь, связаны с кругом, который собирается вокруг его костра. Костер совета, костер лагеря и костер войны - это множество эпох в его истории. С его помощью становятся возможными многие искусства, и он является цивилизатором не только в одном смысле. В образном языке красной расы он постоянно используется как "эмблема мира, счастья и изобилия".¹⁴⁰⁻¹ Погасить огонь врага - значит убить его; зажечь огонь гостя - значит приветствовать его. Поклонение огню было тесно связано с поклонением солнцу, и о поклонении солнцу у аборигенов Америки было сказано так много, что неплохо сразу же определить его истинное место.

Поколение назад была очень одобрена мода объяснять все символы и мифы действием этого шара на природу. Этот короткий и простой метод объяснения мифологии, по выражению Карлайла, в наше время вырвал у него дно из-под ног. Нигде он не проявил свою неэффективность так явно, как в Америке. Один писатель, объясняя таким образом религии племен более холодных регионов и высоких широт, отрицает поклонение солнцу среди аборигенов жаркого климата; другой утверждает, что только среди последних оно вообще существовало; а третий выдвигает максимум, что религия красной расы везде "была лишь модификацией поклонения солнцу или огню".¹⁴¹⁻¹ Все подобные огульные обобщения не соответствуют действительности, и так и должно быть. Ни один ключ не может открыть все арканы символизма. Человек изобрел столь же разнообразные средства, как и сама природа, чтобы выразить идею Бога внутри себя. Солнце было лишь одним из них, причем не первым и не самым важным. Страх, говорил мудрый эпикурец, первым создал богов. Солнце с его регулярным ходом, ласковым теплом, благотворным действием не вызывает таких чувств. Оно не вызывает никаких фантазмов, чтобы поразить суеверную фантазию, и его место в первобытной мифологии соответственно ниже. Мифы эскимосов и северных атапасков полностью опускают его действие. Алгонкины ни в коем случае не считали его высшим богом, максимум - одной из его эмблем.¹⁴²⁻¹ То, что он часто фигурирует в их молитвах, - правда, но это объясняется тем, что во многих их диалектах, а также в языке майя и других народов слово "небо" идентично слову "солнце", а первое, как я уже показал, было

предполагаемой обителью божества, "вигвамом Великого Духа".¹⁴²⁻² Предполагаемое поклонение солнцу у чероков основывается на современных, сомнительных и ничем не подкрепленных свидетельствах.¹⁴²⁻³ В Северной Америке только натчезы были явными поклонниками этого светила. Однако они поклонялись ему под именем Великого Огня (*wah sil*), что явно указывает на предшествующее поклонение этому элементу. Гелиолатрия, организованная в основном в политических целях инками Перу, стоит особняком в религиях красной расы. Эти проникательные законодатели в ранние времена официально объявили, что Инти, солнце, их собственный старший брат, был правителем небесных когорт по такому же божественному праву, как и они сами - четырех углов земли. Эта затея бесславно провалилась, как должна и обязана провалиться любая попытка ограничить свободу совести. Поздние инки, наконец, публично предались гетеродоксальным высказываниям и скомпрометировали себя тем, что признали божество, превосходящее даже своего брата, солнце, как мы видели в предыдущей главе.

Мифы о сотворении мира никогда не представляют солнце как предшествующее миру, но как произведенное "старыми людьми" (навахо), как зажженное и отправленное в путь первым из людей (алгонкины) или как освобожденное из пещеры добрым божеством (гаитяне). О нем всегда говорят как об огне; только в Перу и Мексике была отмечена прецессия равноденствий, и без опасности ошибиться мы можем почти полностью объединить рассмотрение его поклонения с поклонением этому элементу.¹⁴³⁻¹

Институты вечного огня, получения нового огня и сжигания мертвых широко преобладали в Новом Свете. Для настоящего обсуждения интерес представляет происхождение таких практик, а не церемонии, с которыми они сопровождались. Дикарь знал, что огонь необходим для его жизни. В случае его утраты он справедливо предрекал страшные беды и гибель своего рода. Поэтому в установленное время с должной торжественностью он разводил его заново с помощью трения или кремня, или же старался постоянно поддерживать один огонь. Эти нехитрые меры предосторожности вскоре превратились в суеверия. Если жрец ацтеков в указанное время не получал искру от своих кусочков дерева, если священный огонь случайно гас, то предрекали конец света или гибель человечества. "Вы знаете, что среди наших предков, - сказал один из ирокезских вождей в 1753 году, - ходила поговорка, что когда огонь в Онондаге погаснет, мы перестанем быть народом".¹⁴⁴⁻¹ Это представление настолько укоренилось, что католические миссионеры в Нью-Мексико были готовы подмигнуть ему и совершить жертвоприношение в том же здании, где вечно горел огонь, которому нельзя было дать умереть до тех пор, пока не вернется Монтесума и сказочная слава древнего Анахуака с его язычеством.¹⁴⁴⁻² Так огонь стал олицетворением жизни. "Знай, что жизнь в твоём теле и огонь на твоём очаге - одно и то же, и что оба они исходят из одного источника", - говорил пророк шауни.¹⁴⁴⁻³ Такое выражение полностью соответствовало духу его расы. Самым большим праздником у делаваров был праздник их "деда, огня".¹⁴⁴⁻⁴ "Их огонь горит вечно", - так алгонкины выражали бессмертие своих богов.¹⁴⁴⁻⁵ "Древний Бог, Отец и Мать всех богов, - говорится в молитве ацтеков, - есть Бог Огня, который находится в центре двора с четырьмя стенами, и который покрыт сверкающими перьями, как крыльями";¹⁴⁴⁻⁶ темные изречения жрецов, относящиеся к сверкающему огню молний, несущихся с четырех сторон земли.

Как путь к высшей жизни в будущем, впервые было введено сжигание мертвых. Это была привилегия, обычно доступная лишь избранным. Среди алгонов род Оттавас имел право на эту особую честь только те, кто принадлежал к выдающемуся тотему Большого Зайца, среди никарагуанцев - только касики, среди карибов - исключительно каста священников.¹⁴⁵⁻¹ Первые объясняли причину такого исключительного обычая тем, что члены столь

прославленного рода, как род Миабо, Великого Зайца, должны не гнить в земле, как обычные люди, а возноситься в небо на пламени и дыму. Жители Никарагуа, похоже, считали это единственным путем к бессмертию, полагая, что только те, кто принесет себя в жертву на костре своего вождя, избегут уничтожения после смерти; [145-2](#) и племена верхней Калифорнии были убеждены, что те, кто не сгорит после смерти, превратятся в низших животных. [145-3](#) Как ни странно, мы находим здесь своего рода крещение огнем, считавшееся необходимым для высшей жизни за пределами могилы.

Другая аналогия усилила символическую силу огня как жизни. Это та, что существует между ощущением тепла и теми страстями, физиологической целью которых является продолжение рода. Мы видим, насколько это родственно уму, из таких грубых выражений, как "горячая похоть", "гореть", "быть в жару", "тушить" и тому подобных, фигур не поэтического, а вульгарного языка. Они встречаются во всех языках и намекают на то, как легко поклонение огню перешло в поклонение репродуктивному принципу, в экстравагантные целомудрия и разврата, в шокирующие оргии так называемого фаллического культа.

Некоторые полагают, что сексуальный дуализм пронизывает все естественные религии, и это тоже было принято за разгадку всех их мифов. Говорят, что действие тепла на влагу, солнца на воду, тайны размножения и удовлетворение сексуальных инстинктов - неизменные темы первобытной мифологии. Что касается красной расы, то это предположение весьма необоснованно. Факты, которые Дюлор и другие охотно собирают для подкрепления этой отвратительной теории, не поддаются такой интерпретации.

Поклонение страстям действительно существовало. По всей видимости, оно было привито к поклонению огню или выросло из него по аналогии, на которую я уже указывал. Так, предполагалось, что мексиканский бог огня управляет генеративными склонностями [146-1](#), и есть все основания полагать, что священный огонь, за которым наблюдали незапятнанные девы у майя, имел именно такое значение. Безусловно, так оно и было, если мы можем положиться на авторитет баллады, переведенной с оригинала сразу после завоевания, которую цитирует почтенный путешественник и художник граф де Вальдек. Она написана любовником одной из этих весталок и, ссылаясь на ее занятие, говорит с прекрасным намеком на его мистическое значение: "O vièrge".

"О жительница, когда ты сможешь стать моей подругой?

Сколько времени должно пройти, чтобы твои желания были выполнены?

Я говорю вам о том, что наступит день, который должен отменить прекрасную ночь, в которой мы живем вдвоем,

Alimenterons le feu qui nous fit naitre et que nous devons perpetuer." [147-1](#)

У такого поклонения есть как светлая, так и темная сторона. В Мексике, Перу и Юкатане женщины, наблюдавшие за огнем, должны были быть безусловными девственницами; обычно они были благородных кровей и должны были дать обет вечного целомудрия или, по крайней мере, быть свободными только для правителя королевства. Пока они были посвящены огню, любая плотская страсть была унижительна для их возвышенных обязанностей. Чувство стыда, одно из первых, которое мы находим развитым, привело к убеждению, что отказ от плотских удовольствий был достойной жертвой в глазах богов. В соответствии с этим убеждением некоторые жрецы ацтеков практиковали полное отсутствие или полное отчуждение мужественных частей тела, а калечение женщин было безызвестно, подобно тому, как это было памятно в Египте. [147-2](#) Однако такое

принудительное безбрачие не было ни распространенным, ни популярным. Обрезание, если можно доказать, что оно существовало среди красной расы - а утверждений на этот счет достаточно, но они не удовлетворяют анатома - было, вероятно, символическим отказом от похотей плоти. То же самое нельзя сказать об очень распространенном среди ацтеков обычае помазывать своих идолов кровью, взятой из гениталий, языка и ушей. Это была просто форма тех добровольных скарификаций, которые повсеместно использовались для обозначения раскаяния или горя у диких племен и нигде не были так популярны, как у краснокожих.

Существовала древняя христианская ересь, которая учила, что истинный способ победить страсти - это насытить их, и поэтому проповедовала беспредельную разнузданность. Была ли эта приятная доктрина известна индейцам, я сказать не могу, но это, безусловно, самое правдоподобное объяснение, которое можно предложить для различных съездов, которыми очень часто заканчивались их танцы и церемонии. Такие оргии были обычным явлением среди алгонкинов и ирокезов в очень ранний период, и они часто упоминаются в "Отчетах иезуитов"; Венегас описывает их как частые среди племен Нижней Калифорнии; А Овьедо упоминает о некоторых праздниках никарагуанцев, во время которых женщины всех рангов предоставляли всем желающим такие же привилегии, какие матроны древнего Вавилона, этой матери блудниц и всех мерзостей, предоставляли даже рабам и чужестранцам в храме Мелитты, как одну из обязанностей религии. Но на самом деле нет никаких оснований наделять эти развратные действия каким-либо тайным смыслом. Они просто свидетельствуют о глубокой и абсолютной безнравственности, которая преобладала во всей расе. И еще более отвратительным доказательством этого является частое появление среди различных племен мужчин, переодетых в женщин и предающихся писчим порокам. [149-1](#) Поначалу в таких представлениях не было ничего религиозного. Временами развратные жрецы решали придать им некий смысл для собственного чувственного удовлетворения, подобно тому как в Бразилии до сих пор претендуют на *jus primæ noctis*. [149-2](#) Притворное фаллическое поклонение у натчезов и кулхуаканцев, приводимое аббатом Брассером, не опирается на веские основания, а если и правда, то, как и у уастеков из Пануко, является ничем иным, как безудержным и безграничным распутством, которое было бы нелепо называть религией. [149-3](#) То, что мистер Стивенс пытается доказать, что когда-то существовало на Юкатане, [149-4](#) полностью опирается, по его собственному утверждению, на выдуманное сходство, не имеющее никакой ценности, а аргументы Лафитау в том же духе совершенно недостаточны. В остатках древнеамериканского искусства, особенно в Перу (Мейен), есть явная непристойность, а во многих церемониях - большая пошлость, но нет никаких доказательств, чтобы связать их с признанием оплодотворяющего принципа во всей природе, или, более того, предположить для них какое-либо иное происхождение, кроме побуждений нечистой фантазии. Я даже сомневаюсь, что они часто обращались к огню как к божеству сексуальной любви.

Полет фантазии, навеянный изучением восточной мифологии, позволил связать поклонение принципу взаимности в Америке с поклонением солнцу и луне, как первобытной паре, от плодного союза которой произошли все существа. Достаточно сказать, что если такой миф и существует у индейцев - что сомнительно, - то он не оправдывает такого вывода; что луна часто упоминается в их языках просто как "ночное солнце"; и что в таких важных племенах, как ирокезы, атапаски, чероки и тупи, солнце считается существительным женского рода; В мифах они чаще изображаются как брат и сестра, а не как муж и жена; по крайней мере, северные племена вообще не рассматривали солнце как причину плодovitости в природе, а только как дающее свет и тепло. [150-1](#)

В противоположность этому, гораздо более позитивной была их ассоциация с ГРОЗОВЫМ ШТОРМОМ как с тем, что приносит тепло и дождь с обновленной весенней жизнью растительности. Впечатляющие явления, которыми он характеризуется, - невероятный шум, ужасная вспышка, грозный мрак, взрыв, дождь - оставили глубокое впечатление в мифах всех стран. Огонь из воды, тепло и влага из разрушительного дыхания бури - для неискушенного ума это была загадка из загадок. "Из едока вышло мясо, из сильного - сладость". Это был видимый синтез всех божественных проявлений: ветра, воды и пламени.

Дакоты представляли его как борьбу между богом вод и громовой птицей за власть над их народом [150-2](#), а в виде птицы, одной из тех, что издают крыльями жужжащий звук, индейки, фазана или ночного ястреба, его обычно изображали их соседи, атапаски, ирокезы и алгонкины. [151-1](#) Как предвестник лета он был для них добрым предзнаменованием и дружественной силой. Это был голос Великого Духа четырех ветров, который говорил из облаков и предупреждал их о том, что время посадки кукурузы уже близко. [151-2](#) Пламя, разжигаемое молнией, имело священную природу, его следовало использовать для зажигания костров во время религиозных обрядов, но ни в коем случае не осквернять им повседневную жизнь. Когда вспышка падала на землю, она разбрасывала во все стороны камни, такие как кремень, которые при ударе выдавали свое сверхъестественное происхождение отблеском огня. Это и были громовые молнии, и именно от такой, значительно окрашенной в красный цвет, по утверждению дакотов, произошел их род. [151-3](#) Разве не все мы в какой-то мере обязаны своей жизнью огню? "Нет конца фантазиям сиу относительно грома, - замечает миссис Истмен. Они олицетворяли парадоксальную природу бури в образе великана Хаока. Для него холод был теплом, а тепло - холодом; когда он был печален, то смеялся, когда весел, то стонал; стороны его лица и глаза были разных цветов и выражений; он носил рога или вилообразный головной убор, чтобы изобразить молнию, а руками запускал метеоры. Его проявления были четырехкратными, и один из четырех ветров был барабанной палочкой, которую он использовал для производства грома. [152-1](#)

Опуская многие другие, достаточно сказать, что общность этой концепции иллюстрирует миф о Тупе, высшем боге и первом человеке бразильских тупи. Во время своего воплощения он научил их земледелию, дал им огонь, тростник и пизанг, а теперь в виде огромной птицы носится над небесами, наблюдая за своими детьми и поливая их посевами, оповещая их о своем присутствии могучим звуком голоса, шелестом крыльев и вспышкой глаза. Это гром, молния и грохот бури. Он изображается с рогами; он был одним из четырех братьев, и только после отчаянной борьбы он изгнал своих соперников с поля боя. Поклоняясь ему, жрецы кладут камешки в сухую тыкву, украшают ее перьями и стрелами и, энергично стуча ею, воспроизводят в миниатюре грандиозную драму бури. [152-2](#)

По мере роста цивилизации эти фантазии приобретали все более сложную форму и поэтическую полноту. Во всем царстве инков перуанцы почитали бога Атагуху как творца всего сущего, создателя неба и земли и правителя небесной тверди. По легенде, от него произошел первый из смертных, человек Гуамансури, который спустился на землю и там соблазнил сестру неких Гуачеминов, безлучевых, или Темных, которые затем овладели им. За это преступление они уничтожили его, но их сестра оказалась беременной и умерла во время родов, родив два яйца. Из них появились братья-близнецы, Апокатекиль и Пигуэрао. Первый был более могущественным. Прикоснувшись к труп матери, он оживил ее, изгнал и убил гуахиминов, а под руководством Атагуху освободил род индейцев от земли, вывернув ее золотой лопатой. По этой причине они обожали его как своего создателя. Именно он, считали они, производит гром и молнию, бросая камни из пращи; а падающие молнии, говорили они, - это его дети. Мало какая деревня могла обойтись без одного или нескольких

из них. С виду это были небольшие, круглые, гладкие камни, но они обладали замечательными свойствами обеспечивать плодородие полей, защищать от молний и, по легкому для понимания переходу, почитались как боги огня, как материального, так и страстей, и были способны разжечь опасное пламя желания в самом холодном лоне. Поэтому они были в большом почете как любовные талисманы.

Статуя Апокатекиля была воздвигнута на горе, с одной стороны - его мать, с другой - его брат. "Он был принцем зла и самым почитаемым богом перуанцев. От Кито до Куско ни один индеец не отдал бы все, что у него было, чтобы примириться с ним. Пять жрецов, два управителя и толпа рабов служили его образу. А его главный храм был окружен весьма значительной деревней, у жителей которой не было другого занятия, кроме как ждать его". В память об этих братьях близнецы в Перу всегда считались священными для молнии, и когда женщина или даже лама приносили их на свет, устраивался пост и приносились жертвы двум братьям *pris tine* с песнопением, начинавшимся: *A chuchu cachiqui*, O Thou who causest twins, слова, принятые испанцами за имя божества.¹⁵⁴⁻¹

Гарсилассо де ла Вега, потомок инков, сохранил древнюю поэму своего народа, представляющую миф о буре в иной форме, которую я перевожу, как несомненно подлинную и не лишенную поэтической красоты, сохраняя, насколько это возможно, трохаический тетрасиллабический стих оригинала на языке чичуа:-.

"Красавица принцесса,
Брат твой
Разбивает сосуд твой
Теперь на осколки.
От удара грянет
Гром, молния,
Удары молний.
И ты, принцесса,
Забираешь воду,
и проливаешь дождь,
И град, и
Снег рассеиваешь.
Виракоча,
Созидатель мира,
Оживитель мира,
На этот пост
Ты назначен,
Thee created."¹⁵⁵⁻¹

В этом милом обрывке, долетевшем до нас с обломков литературы, ныне навсегда утраченной, есть не один момент, который может привлечь внимание антиквара. Он может найти в нем подсказку для расшифровки имен божеств, столь часто встречающихся в перуанских легендах, - Контити и Illatici. Оба они означают "Ваза грома", и оба, несомненно, относятся к представленной здесь концепции явлений грозы.¹⁵⁵⁻²

Опять же, дважды в этой поэме упоминается тройственная природа бури. Это можно наблюдать во многих религиях Америки. Это своего рода Троица, ни в малейшей степени не похожая ни на христианскую, ни на индийскую Тримурти, но единственная в Новом Свете в наименьшей степени подтвержденная, которая, будучи наполовину увиденной

невежественными монахами, вызвала должное количество бесплодного изумления. Так, в легендах киче мы читаем: "Первый из Хуракана - молния, второй - след молнии, третий - удар молнии; и эти трое - Хуракан, Сердце Неба".¹⁵⁶⁻¹ Он вновь появляется с характерным единообразием очертаний в ирокезской мифологии. Эно, гром, собирает тучи и изливает теплые дожди. Поэтому он был покровителем земледелия. К нему обращались во время посевной и сбора урожая; как к подателю пищи к нему обращались как к дедушке, а его почитатели называли себя его внуками. Он ездил по небу на облаках, а молнии, раскалывающие лесные деревья, были камнями, которые он бросал в своих врагов. К нему были приставлены *три* помощника, чьи имена, к сожалению, не сохранились, и чьи должности, очевидно, были похожи на должности трех спутников Хуракана.¹⁵⁶⁻²

Ацтеки также полагали, что Тлалок, бог дождей и вод, правитель земного рая и сезона лета, проявлял себя под тремя атрибутами - вспышкой, молнией и громом.¹⁵⁷⁻¹

Но это представление о трех в одном было выше понимания масс, и поэтому об этих божествах также говорили как о четырехчастных по своей природе, трех *и* одном. Кроме того, как уже было отмечено, бог грома обычно был повелителем ветров, и таким образом была предложена еще одна причина его четырехчастной природы. Хуракан, Хаока, Тлалок и, вероятно, Хено - существительные как множественного, так и единственного числа, и используются в качестве номинативов к глаголам в обоих числах. К Тлалоку обращались как к обитателю всех кардинальных точек и всех горных вершин. Его статуя покоилась на квадратном каменном постаменте, обращенном на восток, и держала в одной руке золотую змею. Одевание покрывали серебряные ленты, перекрещивающиеся в квадраты, а щит состоял из перьев четырех цветов - желтого, зеленого, красного и синего. Перед ним стояла ваза с разными видами зерна; облака назывались его спутниками, а ветры - посланниками.¹⁵⁷⁻² Как и в других местах, молнии считались кремнями, и поэтому этот камень, как эмблема огня и бури, занимает важное место в их мифах. Тохиль, бог, который давал киче огонь, отряхивая свои сандалии, был представлен в виде кремневого камня. Он, как утверждают, был тем же самым, что и Кецалькоатль, одним из самых распространенных символов которого был кремнь (*tecpatl*). Такой камень в начале времен упал с неба на землю и разбился на 1600 осколков, из каждого из которых вырос бог;¹⁵⁸⁻¹ древняя легенда, которая рисует подчинение всего сущего тому, кто собирает облака с четырех концов земли, кто гремит своим голосом, кто ублажает своим дождем "опустошенную и пустую землю и заставляет нежную траву прорасти". Так зарождается поклонение камням как эмблемам проливных дождей. Вот почему, например, навахо используют в качестве амулета для дождя длинные круглые камни, которые, по их мнению, падают из облака, когда гремит гром.¹⁵⁸⁻²

Микскоатль, Облачный Змей, или Ицтак-Микскоатль, Белый или Сияющий Облачный Змей, который, как говорят, был единственным божеством древних чичимеков, высоко почитался науа, никарагуанцами и отоми, и идентичен Тарасу, верховному богу тараскосов, и Камактли, богу тео-чичимеков, - еще одно олицетворение грозы. По сей день это привычное название тропического торнадо в мексиканском языке.¹⁵⁸⁻³ Он изображался, подобно Джову, с пучком стрел в руке - громовыми молниями. И у науа, и у тараско были легенды, в которых он фигурировал как отец человеческой расы. Как и другие повелители молний, он почитался как раздатчик богатства и покровитель торговли; а в Никарагуа его изображение описывается как "выгравированные камни",¹⁵⁸⁻⁴ вероятно, предполагаемые продукты грома.

¹²⁴⁻¹ A. D'Orbigny, *L'Homme Américain*, i. p. 240.

¹²⁵⁻¹ Rivero and Tschudi, *Peruvian Antiquities*, 162, после J. Acosta.

- 125-2 Рассказ Оцеолы Никканоче, принца Экончатти, р. 141; Schoolcraft, *Ind. Tribes*, iv. p. 650.
- 126-1 Термин на языке майя - *caput zihil*, точно соответствующий латинскому *renasci*, быть заново рожденным, Landa, *Rel. de Yucatan*, p. 144.
- 126-2 Дюмон, *Mems. Hist. sur la Louisiane*, i. p. 233.
- 127-1 Акоста, *История Нового Света*, lib. v. cap. 25.
- 127-2 Доклад Сената о состоянии индейских племен, р. 358: Washington, 1867.
- 128-1 Sahagun, *Hist. de la Nueva España*, lib. vi. cap. 37.
- 128-2 Ternaux-Compans, *Pièces rel. à la Conq. du Mexique*, p. 233.
- 128-3 Velasco, *Hist. de la Royaume de Quito*, p. 106, и др.
- 128-4 Whipple, *Rep. on the Indian Tribes*, p. 35. Я не уверен, что эта практика была исконно присуща черокам. У этого народа много обычаев и традиций, странно похожих на обычаи и традиции христиан и евреев. Их космогония - это парафраз Бытия (Squier, *Serp. Symbol*, из MSS Пейна); число семь у них так же священно, как и у халдеев (Whipple, *u. s.*); и они улучшились и усилились в результате контакта с белыми. Значимым в этой связи является замечание Бартрама, посетившего их в 1773 году, о том, что некоторые из их женщин были "почти такими же красивыми и цветущими, как европейские женщины", и в целом цвет их лица был светлее, чем у их соседей (*Travels*, p. 485). Этим фактам можно дать два объяснения. Возможно, они частично являются потомками древней белой расы у мыса Хаттерас, о которой я упоминал в предыдущем примечании. Более вероятно, что они получили свои особенности от испанцев из Флориды. Мистер Ши считает, что миссии были основаны среди них еще в 1566 и 1643 годах (*Hist. of Catholic Missions in the U. S.*, pp. 58, 73). Конечно, во второй половине семнадцатого века испанцы вели горные работы на их территории (см. *Am. Hist. Mag.*, x. p. 137).
- 129-1 Sprague, *Hist. of the Florida War*, p. 328.
- 129-2 Basanier, *Histoire Notable de la Floride*, p. 10.
- 130-1 Sahagun, *Hist. de la Nueva España*, lib. iii. app. cap. i.; Meyen, *Ueber die Ureinwohner von Peru*, p. 29.
- 130-2 Gabriel Thomas, *Hist. of West New Jersey*, p. 6: London, 1698.
- 131-1 Gama, *Des. de las dos Piedras*, etc., i. p. 36.
- 131-2 Garcia, *Or. de los Indios*, p. 109.
- 131-3 Oviedo, *Rel. de la Prov. de Nicaragua*, p. 41. Это имя является калькой с ацтекского *Quiauhteotl*, Бог Дождя.
- 132-1 Gumilla, *Hist. del Orinoco*, ii. cap. 23.
- 132-2 Док. *Hist. of New York*, iv. p. 130.
- 132-3 Gama, *Des. de las dos Piedras*, ii. p. 41; Gallatin, *Trans. Am. Ethnol. Soc.*, i. p. 343.
- 133-1 Адриан Ван Хельмонт, *Workes*, p. 142, fol: London, 1662.

133-2 Луна - *нипа* или *нипаз*; *нипа* - я сплю; *нипави* - ночь; *нип* - я умираю; *непуа* - мертвый; *нипануэ* - холод. На эту странную связь впервые указал Вольней (Duponceau, *Langues de l'Amérique du Nord*, p. 317). Но родство этих слов со словами, обозначающими воду, *nip*, *nipi*, *peri*, ранее не было замечено. Это доказывает ассоциацию идей, на которую я делаю такой большой акцент в мифологии. Несколько похожая связь существует в ацтекском и однокоренных языках: *miqui* - умирать, *micqui* - мертвый, *mictlan* - царство смерти, *te-miqui* - видеть сны, *сес-miqui* - замерзнуть. Не слишком ли далеко мы зашли, чтобы связать их с *metzli*, луной? (См. Buschmann, *Spuren der Aztekischen Sprache im Nördlichen Mexico*, p. 80.)

133-3 Schoolcraft, *Ind. Tribes*, vol. iii. p. 485.

134-1 *Rel. de la Nouv. France*, 1634, p. 16.

134-2 Humboldt, *Vues des Cordillères*, p. 21.

134-3 Спикс и Мартиус, *Путешествия по Бразилии*, ii. p. 247.

134-4 *Hist. de la Médecine*, i. p. 34.

134-5 Gama, *Des. de las dos Piedras*, etc., ii. pp. 100-102. Сравните Sahagun, *Hist. de la Nueva España*, lib. i. cap. vi.

135-1 Кодекс Чимальпопока, в Brasseur, *Hist. du Mexique*, i. p. 183. Гама и другие переводят нанауатль словом *el buboso*, Брассер - *le syphilitique*, и последний основывает некоторые медицинские спекуляции на этом слове. Совершенно излишне говорить хирургу, что оно не могло иметь последнего значения, поскольку диагноз между вторичным или третичным сифилисом и другими подобными заболеваниями был неизвестен. То, что оно используется сейчас, не имеет никакого значения. Такой же или похожий миф был обнаружен в Центральной Америке и на острове Гаити.

136-1 *Rel. de la Nouv. France*, 1648, p. 75.

136-2 Шарлевуа ошибается, когда отождествляет Михабо с Духом Вод, и может быть исправлен на основании его собственных заявлений в других местах. Сравните его "*Исторический журнал*", стр. 281 и 344: изд. Paris, 1740.

137-1 Bradford, *American Antiquities*, p. 833; Martius, *Von dem Rechtszustande unter den Ureinwohnern Brasiliens*, p. 32; Schoolcraft, *Ind. Tribes*, i. p. 271.

138-1 La Vega, *Hist. des Incas*, liv. vi. cap. 9.

138-2 *Lett. sur les Superstitions du Pérou*, p. 111.

138-3 Schoolcraft, *Ind. Tribes*, iv. p. 224.

139-1 Чантико, по словам Гамы, означает "волчья голова", хотя я не могу проверить это по доступным мне словарям. Иногда его называют Кохуаксолотль Чантико, змей-слуга Чантико, рассматриваемый Гамой как одно, а Торквемадой - как два божества (см. Гама, *Des. de las dos Piedras*, etc., i. p. 12; ii. p. 66). Английское слово *cantico* во фразе, например, "to cut a cantico", хотя и является индейским словом, происходит не от него, а от алгонкинского делаварского *gentkehn*, танцевать священный танец. Голландцы описывают это как "религиозный обычай, соблюдаемый ими перед смертью" (*Doc. Hist. of New York*, iv. p. 63). Уильям Пенн говорит о ленапе, что "их культ состоит из двух частей, жертвоприношения и кантики", последняя "исполняется хороводами, иногда словами, иногда песнями, затем

криками; их позы очень античны и различны". (*Письмо в Вольное общество торговцев*, 1683 г., с. 21.)

139-2 Charlevoix, *Hist. Gén. de la Nouv. France*, i. p. 394: Paris, 1740. О различных видах собак, обитающих в Америке, см. заметку Алекса фон Гумбольдта, *Ansichten der Natur.*, i. p. 134. Можно заметить, что Чичимек, правильно Чичимекатль, название племени ацтеков, сменившего древних тольтеков в Мексике, означает буквально "люди собаки" и, вероятно, произошло от какой-то мифологической басни, связанной с этим животным.

140-1 *Narr. of the Captiv. of John Tanner*, p. 362. От слова, обозначающего огонь, во многих американских языках образовано прилагательное *красный*. Так, алгонкин, *skoda*, огонь, *miskoda*, красный; колош, *kan*, огонь, *kan*, красный; угаленц, *takak*, огонь, *takak-ueete*, красный; тахкали, *cūn*, огонь, *tenil-cūn*, красный; киче, *sak*, огонь, *sak*, красный, и т. д. От прилагательного "красный" часто происходит слово "кровь", и в символизме красный цвет может обозначать любую из этих идей. Он был королевским цветом инков, братьев солнца, а лама, наряженная в красную одежду, была перуанской жертвой огню (Garcia, *Or. de los Indios*, lib. iv. caps. 16, 19). С другой стороны, военный кипус, военный вампум и военная краска были этого оттенка, что означало их кровавое значение. Слово, обозначающее огонь в языке делаваров, нантикоков и соседних племен, вызывает у меня недоумение. Это *taenda* или *tinda*. Это шведское слово *taenda*, от корня которого происходит наше *tinder*. Однако оно встречается в словарях уже в 1650 году и повсеместно распространено до сих пор. Оно не имеет никакого сходства со словом "огонь" в чистом алгонкинском языке. Было ли оно заимствовано у шведов? Было ли оно привнесено странствующими викингами в далекие века? Или это всего лишь совпадение?

141-1 Сравните D'Orbigny, *L'Homme Américain*, i. p. 243, Müller, *Amer. Urreligionen*, p. 51, и Squier, *Serpent Symbol in America*, p. 111. Это яркий пример путаницы идей, вносимой ложными системами изучения, а также значительного заблуждения относительно американской мифологии, которое до сих пор преобладало.

142-1 La Hontan, *Voy. dans l'Amér. Sept.*, p. ii. 127; *Rel. Nouv. France*, 1637, p. 54.

142-2 Copway, *Trad. Hist. of the Ojibway Nation*, p. 165. Кесуч у алгонкинов означает одновременно небо и солнце (Duponceau, *Langues de l'Amér. du Nord*, p. 312). То же самое, по-видимому, означает "кин" у майя.

142-3 Рукописи Пейна, процитированные г-ном Сквайером в его "Символе змеи в Америке", были собраны в течение этого столетия, и приведенные выдержки не могут представлять большой ценности.

143-1 Слова, обозначающие огонь и солнце в американских языках, обычно происходят от разных корней, но кроме примера натчезов я могу привести в пример Колош из Британской Америки, в языке которых огонь - это *кан*, солнце - *какан* (*гаке*, великий), и Тезуке из Нью-Мексико, которые используют *тах* и для солнца, и для огня.

144-1 *Doc. Hist. of New York*, ii. p. 634.

144-2 Emory, *Milt'y Reconnoissance of New Mexico*, p. 30.

144-3 *Narrative of John Tanner*, p. 161.

144-4 Loskiel, *Ges. der Miss. der evang. Brüder*, p. 55.

144-5 *Nar. of John Tanner*, p. 351.

144-6 Sahagun, *Hist. Nueva España*, lib. vi. cap. 4.

145-1 Letts. *Edifiantes et Curieuses*, iv. p. 104, Овьедо; *Hist. du Nicaragua*, p. 49; Gumilla, *Hist. del Orinoco*, ii. cap. 2.

145-2 Овьедо, *Hist. Gen. de las Indias*, p. 16, в Barcia's *Hist. Прум.*

145-3 *Message and Docs. for 1851*, pt. iii. p. 506.

146-1 Sahagun, *Hist. de la Nueva España*, i. cap. 13.

147-1 *Voyage Pittoresque dans le Yucatan*, p. 49.

147-2 Davila Padilla, *Hist. de la Prov. de Santiago de Mexico*, lib. ii. cap. 88 (Brusselas, 1625); Palacios, *Des. de Guatemala*, p. 40; Garcia, *Or. de los Indios*, p. 124. Жрецы алгонкинских племен, живших вблизи острова Манхэттен, до такой степени соблюдали аскетизм, были такими бескомпромиссными целибатами, что, по авторитетному утверждению 1624 года, они никогда не принимали пищу, приготовленную замужней женщиной (*Doc. Hist. New York*, iv. p. 28).

149-1 Martius, *Von dem Rechtzustande unter den Ureinwohnern Brasiliens*, p. 28, дает много ссылок.

149-2 Id. *ibid.*, p. 61.

149-3 *Le Livre Sacré des Quichés*, Introd., pp. clxi., clxix.

149-4 *Путешествия по Юкатану*, i. p. 434.

150-1 Schoolcraft, *Ind. Tribes*, v. pp. 416, 417.

150-2 Миссис Истман, *Легенды сиу*, с. 161.

151-1 *Rel. de la Nouv. France*, 1634, p. 27; Schoolcraft, *Algic Researches*, ii. p. 116; *Ind. Tribes*, v. p. 420.

151-2 De Smet, *Western Missions*, p. 135; Schoolcraft, *Ind. Tribes*, i. p. 319.

151-3 Mrs. Eastman, *Legends of the Sioux*, p. 72. По другой легенде, они утверждали, что их предок получил свой огонь из искр, которые дружелюбная пантера выбила из скал, когда он взбирался на каменистый холм (McCoy, *Hist. of Baptist Indian Missions*, p. 364).

152-1 Миссис Истмен, *ubi sup.*, p. 158; Schoolcraft, *Ind. Tribes*, iv. p. 645.

152-2 Waitz, *Anthropologie*, iii. p. 417; Müller, *Am. Urrelig.*, p. 271.

154-1 О мифе о Катекиле см. в частности *Lettre sur les Superstitions du Pérou*, p. 95 sqq., и сравните Montesinos, *Ancien Pérou*, chaps. ii., xx. Буквы g и j не существуют в языке кичуа, поэтому Атагуджу, несомненно, следует читать как Ата-чучу, что означает повелитель, или правитель близнецов, от корня *ati* из *atini*, я в состоянии, я управляю, и *chuchu*, близнецы. Замена корня *ati* на *ata*, хотя и редко встречается в кичуа, происходит также в *ata-hualpa*, петух, от *ati* и *hualpa*, птица. Апо-Катекиль, или, как его называет Арриага, другой старый писатель о перуанском идолопоклонстве, Апокатекиль, я считаю, что правильно будет Апу-Ккатек-Килья, что буквально означает вождь последователей луны. Акоста упоминает, что туземцы называли различные созвездия *catachillay* или *catuchillay*, несомненно, искаженными от *scates quilla*, буквально "следующий за луной". Таким образом, Катекиль,

темный дух бури, был также повелителем ночи и звезд, и, возможно, в первую очередь. Пигуэрао, где снова появляется буква "г", вероятно, является соединением слов *piscu*, птица, и *uira*, белый. Гуахемины, очевидно, представляют собой слово *huachi*, луч света или стрела, с отрицательным суффиксом *utana*, что означает "без лучей", как в тексте, или же *utana* может означать как избыток, так и недостаток чего-либо сверх естественного, что дает значение "очень яркое сияние". (Holguín, *Arte de la Lengua Quichua*, p. 106: Cuzco, 1607.) Является ли эта их сестра Рассветом, который, как в Риг-Веде, ценой собственной жизни порождает белого и темного близнецов, День и Ночь, последний из которых гонит с небес далеко летящие стрелы света, чтобы вернуть к жизни свою мать? Ответ на этот вопрос можно пока отложить. По совпадению, стоит упомянуть, что монах Августин, который является нашим главным авторитетом для этой легенды, упоминает два других божества-близнеца, Ямо и Яма, чьи имена почти идентичны близнецам Яме и Ями из Веды.

155-1 *Hist. des Incas*, liv. ii. cap. 28, и исправлено в "Грамматике языка кичуа" Маркхэма.

155-2 Последнее является соединением *tici* или *ticcu*, вазы, и *ylla*, корня *yllani*, светить, *yllapantac*, гремит и светит. Первое происходит от *tici* и *sun* или *con*, откуда путем редупликации *sun-un-un-an* - гремит. От *sun* и *tura*, брат, вероятно, происходит *cuntur*, кондор, летящее грозное облако, на которое также смотрят как на большую птицу. Д-р Вайтц указывает, что арауканы называют титулом *con* гонца, созывающего их вождей на общий совет.

156-1 *Le Livre Sacré*, p. 9. Название молнии у киче - *sak ul ha*, буквально "огонь, выходящий из воды".

156-2 Morgan, *League of the Iroquois*, p. 158.

157-1 "El rayo, el relámpago, y el trueno". Гама, *Des. de las dos Piedras*, etc., ii. p. 76: Mexico, 1832.

157-2 Torquemada, *Monarquia Indiana*, lib. vi. cap. 23. Гама, *ubi sup.* ii. 76, 77.

158-1 Торквемада, там же, lib. vi. cap. 41.

158-2 Доклад Сената об индейских племенах, с. 358: Washington, 1867.

158-3 Brasseur, *Hist du Mexique*, i. p. 201, и о масштабах его поклонения Waitz, *Anthropol.*, iv. p. 144.

158-4 Oviedo, *Hist. du Nicaragua*, p. 47.

ГЛАВА VI.

ВЕРХОВНЫЕ БОГИ КРАСНОЙ РАСЫ.

Анализ мифов американской культуры. - Манибожо или Михабо у алгонкинов показан как олицетворение Света, героя Рассвета и их высшего божества. - Мифы Иоскеха у ирокезов, Виракоча у перуанцев и Кецалькоатль у тольтеков по сути те же, что и миф Михабо. Другие примеры. Пророчества анте-колумбийцев о приходе белой расы с востока в качестве завоевателей.

Философ Макиавелли, комментируя книги Ливия, утверждает как общую истину, что все формы и реформы были созданы одним человеком. С тех пор как безжалостная критика лишила лавров стольких героев, наша вера в максимум великого флорентийца колеблется, и возникает подозрение, что народная фантазия, олицетворяющая одну фигуру каждой социальной революции, - иллюзия. Она проистекает из той склонности к поклонению героям, неискоренимой в сердце расы, которая заставляет каждый народ иметь идеал, воображаемый автор его процветания, отец его страны и средоточие его легенд. Как уже было сказано, история не слишком дружелюбна к их славе и полностью рассеивает их, превращая в фантомы, или печально приглушает блеск их славы. Артур, яркая звезда рыцарства, превращается в валлийского подчиненного; Кид Кампеадор, защитник веры, продает свой меч мусульманину так же часто, как и христианину, и *продает* его всегда; а Зигфрид и Феридун исчезают в ничтожестве.

Как и во всем мире, так и в Америке многие племена должны были рассказать о таком человеке, о таком великом персонаже, который научил их тому, что они знали, - обработке земли, свойствам растений, искусству письма, секретам магии; который основал их институты и утвердил их религии, который долго управлял ими со славой за границей и миром дома; и, наконец, не умер, а, подобно Фридриху Барбароссе, Карлу Великому, королю Артуру и всем великим героям, таинственно исчез и до сих пор живет где-то, готовый в нужный момент вернуться к своему любимому народу и повести его к победе и счастью. У алгонкинов таким был Михабо или Манибожо, у ирокезов - Иоскеха, у чероки - Васи, у карибов - Тамои; у майя - Замна, у тольтеков - Кецалькоатль, у муисков - Немкетета; у аймара - Виракоча, у манданов - Нумок-мукенах, у ориноко - Амаливака; и этот список можно продолжать до бесконечности.

Не всегда легко судить об этих героях, принадлежат ли они к истории или мифологии, к поэзии или прозе своего народа. Приходя к выводу, мы должны помнить, что вымысел, построенный на идее, бесконечно более живуч, чем история, основанная на фактах. Кроме того, если в легендах о двух таких героях обнаружится поразительное сходство при обстоятельствах, не допускающих мысли о том, что один из них произошел от другого, то оба они, вероятно, являются мифическими. Если это происходит не в двух, а в полудюжине случаев, то вероятность равна уверенности, и единственная задача, которая остается, - объяснить такие повествования на последовательных мифологических принципах. Если после отсеивания всех посторонних и более поздних признаков окажется, что, когда эти герои были впервые известны европейцам, они обладали всеми атрибутами высшей божественности, были мнимыми создателями и правителями мира и могущественнейшими духовными силами, то их положение должно быть поставлено гораздо выше, чем положение обожествленных людей. Они должны быть приняты как верховные боги красной расы, аналоги Юпитера, Осириса и Одина на западном континенте, и все мнения, противоречащие этому, которые могли быть выдвинуты писателями и путешественниками, должны быть отнесены на счет того преобладающего невежества в американской мифологии, которое породило так много других ошибок. Чтобы разрешить эти запутанные вопросы, я выберу для анализа мифы культуры алгонкинов, ирокезов, мексиканских тольтеков и аймара или перуанцев, руководствуясь тем, что эти четыре семьи являются наиболее известными и, с многих точек зрения, наиболее важными на континенте.

От самых отдаленных диких мест северо-запада до побережья Атлантики, от южных границ Каролины до безрадостных болот Гудзонова залива алгонкины не уставали собираться у зимнего костра и повторять историю о Манибожо или Михабо, Великом Зайце. С полным единодушием их различные ветви - поватаны Виргинии, ленни-ленапе Делавэра,

воинственные орды Новой Англии, оттавы крайнего севера и, пожалуй, все без исключения западные племена - говорили об "этом химерическом звере", как называет его одна из старых миссий, как о своем общем предке. К тотему или клану, носившему его имя, относились с особым уважением. Во многих рассказах, сохранившихся у белых о Михабо, он предстает наполовину волшебником, наполовину простаком. Он полон проделок и хитростей, но часто не может наесться досыта; ему постоянно хочется испробовать свои магические искусства на огромных зверях, и часто он терпит смехотворные неудачи; он завидует силе других и постоянно стремится превзойти их в том, что у них получается лучше всего; словом, он не более чем злобный шут, наслаждающийся розыгрышами и злоупотребляющий своими сверхчеловеческими способностями в корыстных и неблагородных целях. Но это низкая, современная и искаженная версия характера Михабо, имеющая не больше сходства с его реальным и древним образом, чем язык и поступки Спасителя и апостолов в грубых мистериальных пьесах средневековья с теми, что записаны евангелистами.

Каким он был на самом деле, мы должны искать в рассказах старых путешественников, в воззваниях иосакидов или пророков и в той роли, которая отводилась ему в торжественных таинствах религии. В них он изображается как покровитель и основатель культа Меда, [162-1](#) изобретатель картинной письменности, отец и хранитель их нации, владыка ветров, даже создатель и хранитель мира, творец солнца и луны. Из песчинки, принесенной со дна первобытного океана, он создал пригодную для жизни землю и отправил ее в плавание по водам, пока она не выросла до таких размеров, что сильный молодой волк, постоянно бегая, умер от старости, не достигнув ее пределов. Под именем Михабо Овисакетчак, Великий Заяц, создавший Землю, он изначально был высшим божеством, признанным ими, "могущественным и благодетельным, превосходящим всех остальных, создателем небес и мира". Он был основателем медицинской охоты, во время которой после соответствующих церемоний и заклинаний индеец спит, а Мичабо является ему во сне и говорит, где он может легко убить дичь. Он сам был могучим охотником в древности; один его след измерялся восемью лигами, Великие озера были бобровыми плотинами, которые он строил, а когда катаракты мешали его продвижению, он вырывал их руками. Внимательно наблюдая за тем, как паук расстилает свою паутину, чтобы поймать в ловушку неуловимых мух, он придумал искусство вязания сетей для ловли рыбы, а знаки и чары, испытанные им и переданные потомкам, обладают удивительной эффективностью в погоне. Осенью, в "луну падающего листа", перед тем как погрузиться в зимний сон, он набивает свою большую трубку и пускает дым, подобный божественному. Блестящие облака плывут над холмами и лесами, наполняя воздух дымкой "бабьего лета".

Иногда говорили, что он обитает в небесах вместе со своим братом снегом или, как многие великие духи, построил свой вигвам на далеком севере на льдине в Северном Ледовитом океане, а чипевеи локализовали его место рождения и прежний дом на острове Мичилимакинак у выхода из озера Верхнее. Но в самых древних рассказах миссионеров утверждалось, что он живет на востоке, а в священных формулах ремесла меда, когда ветры призываются в лекарскую хижину, восток вызывается его именем, дверь открывается в этом направлении, и там, на краю земли, где восходит солнце, на берегу бесконечного океана, который окружает землю, он имеет свой дом и посылает светила в их ежедневные путешествия. [164-1](#)

Удивительно, что такое незначительное существо, как кролик, получило этот апофеоз. Ни одно объяснение этому не было предложено в наименее удовлетворительной форме. Некоторые указывают на то, что это бессмысленное, ничего не значащее поклонение

животным. Это наводит на подозрение, что здесь может скрываться одна из тех путаниц слов, которые так часто приводили к путанице идей в мифологии. Manibozho, Nanibojou, Missibizi, Michabo, Messou, все вариации одного и того же имени в разных диалектах, переданные в соответствии с различными орфографиями, внимательно изучите их, как мы можем, все они кажутся составленными в соответствии с хорошо установленными законами алгонкинской эвфонии из слов, соответствующих *великому* и *зайцу* или *кролику*, или первые два, возможно, из *слов дух* и *заяц* (*michi, great, wabos, hare, manito wabos, spirit hare*, диалект Chipeway), и так они неизменно переводились даже самими индейцами. Но если посмотреть более узко на второй член слова, то он явно способен на другое и совершенно иное толкование, на толкование, которое раскрывает одновременно происхождение и тайный смысл всей истории Мичабо, в свете которого она предстает уже не бессвязной басней дикарей, а настоящим мифом, инстинктивно связанным с природой, беременным материей, ничуть не уступающим тем, что завораживают в песнопениях Риг-Веды или на странных страницах Эдды.

На предыдущей странице я подчеркнул, что могло показаться излишним, насколько важное место в первобытной мифологии занимает восток, источник утра, дневной источник на вершине, кардинальная точка, определяющая и контролирующая все остальные. Но я не делал на этом такого большого акцента, как другие. "Вся теогония и философия древнего мира, - говорит Макс Мюллер, - сосредоточена в Рассвете, матери светлых богов, Солнца в его различных аспектах, утра, дня, весны; она сама - блестящий образ и облик бессмертия".¹⁶⁵⁻¹ При внимательном изучении алгонкинского корня *wab* выясняется, что он порождает слова самого разного значения, что, как и многие другие во всех языках, имея одну форму, он представляет идеи совершенно разного происхождения и применения, что на самом деле существует два разных корня с этим звуком. Один из них является начальным слогом слова, переводимого как заяц или кролик, а другой означает "*белый*", и от него произошли слова "восток", "заря", "свет", "день" и "утро".¹⁶⁵⁻² Несомненно, это соединение в именах Мичабо и Манибожо, которые, таким образом, означают Великий Свет, Дух Света, Рассвета или Востока, а в буквальном смысле слова - Великий Белый, как его иногда и называли.

В этом смысле все древние и достоверные мифы о нем просты и полны смысла. Они делятся на два разных цикла. В первом Мичабо - дух света, разгоняющий тьму; в другом, как глава кардинальных точек, он - повелитель ветров, князь сил воздуха, чей голос - гром, чье оружие - молния, верховная фигура в столкновении воздушных потоков, в бесконечном конфликте, который дакоты описывают как борьбу вод и ветров.

В первом случае он - внук Луны, его отец - Западный ветер, а мать, дева, умирает, родив его в момент зачатия. Ибо Луна - богиня ночи, Рассвет - ее дочь, которая рождает утро и сама погибает при этом, а Запад, дух тьмы, как Восток - света, предшествует и как бы порождает последнего, как вечер порождает утро. Однако сразу же, продолжает легенда, сын ищет противоестественного отца, чтобы отомстить за смерть матери, и тогда начинается долгая и отчаянная борьба. "Она началась в горах. Запад был вынужден уступить. Манабожо гнал его через реки, через горы и озера, и наконец он оказался на краю этого мира. "Стой, - кричал он, - сын мой, ты знаешь мою силу и то, что убить меня невозможно".¹⁶⁷⁻¹ Что это, как не дневная борьба света и тьмы, ведущаяся с тех пор, как "утро ясное встает на цыпочки на туманных вершинах гор", через весь мир до самого заката, борьба, которая не знает конца, ибо оба противника бессмертны?

Во втором, очевидно, более важном для туземного ума цикле легенд он представлен как один из четырех братьев, Север, Юг, Восток и Запад, родившихся в один день, чья мать

умерла при их появлении на свет; [167-2](#) ведь едва зажженный восток закрепил кардинальные точки, как он теряется и умирает в наступающем дне. Однако очевидно, что он был чем-то большим, чем олицетворением востока или восточного ветра, поскольку неоднократно говорится, что именно он назначил всем ветрам, как восточному, так и другим, их обязанности. Это смешение двух его характеров. И здесь его жизнь - это битва. Но уже не с отцом, а со своим братом Чакекеной пок, кремневым камнем, которого он разбил на куски и разбросал по земле, а его внутренности превратил в плодовые лозы. Конфликт был долгим и ужасным. Лицо природы было опустошено, как от торнадо, а гигантские валуны и рыхлые камни, встречающиеся в прериях, - это снаряды, брошенные могучими бойцами. Или его врагом был сверкающий князь змей, чьей обителью было озеро; или сияющий Манито, чей дом охраняли огненные змеи и глубокое море; или великий царь рыб - все это символы атмосферных вод, все образные описания войн стихий. В этих битвах гром и молния находятся в его распоряжении, и с их помощью он уничтожает своих врагов. По этой причине чипевайская пиктография изображает его с гремучей змеей, символом электрической вспышки, [168-1](#) а иногда они называли его Северо-Западным ветром, который в регионе их обитания обычно приносит грозы.

Как повелитель ветров он, подобно Кецалькоатлю, был отцом и защитником всех видов птиц, их символов. [168-2](#) Он покровительствовал охотникам, ведь их путь пролегает по кардинальным точкам. Поэтому при удачной охоте знахари в знак благодарности ему разбрасывали горсть крови животного в направлении каждого из них. [168-3](#) Поскольку дневной свет приносит зрение, а видеть - значит знать, не было басней, в которой он назван автором их искусств, их мудрости и их институтов.

В сущности, его история - это всемирная истина, завуалированная под тонкой оболочкой фантазии. Это всего лишь вариация той истории, которую должна рассказать каждая раса в знак благодарности благодетельному Отцу, который везде заботится о своих детях. Мичабо, даритель жизни и света, создатель и хранитель, - это не апофеоз благоразумного вождя, не выдумка праздной фантазии или задуманного жречества, но по происхождению, поступкам и имени - недостойное олицетворение самых чистых представлений, которыми они обладали об Отце всего сущего. К нему на ранней заре индеец простирает руки в молитве; и к небу или солнцу, как к своему дому, он первым направил трубу в своих церемониях, обряды которых путешественники часто неверно истолковывали как свидетельство поклонения солнцу. Как рассказывают более поздние наблюдатели, алгонкинский пророк и по сей день строит лекарственный домик лицом к восходу солнца и во имя Мичабо, у которого там свой дом, призывает духов четырех четвертей мира и Гижигуке, создателя дня, прийти к его огню и открыть сокровенные вещи далекого и будущего: Так, первые исследователи рассказывают, что когда они спрашивали туземных жрецов, кого они вызывают, каких демонов или знакомых, неизменным ответом было: "Кичигуаи, джиннов света, тех, кто создает день". [169-1](#)

Наши авторитеты по ирокезским традициям, хотя и достаточно многочисленны, не столь удовлетворительны. Лучшим, пожалуй, является отец Бребеф, миссионер-иезуит, который жил среди гуронов в 1626 году. Записанный им миф об их культуре поразительно похож на миф алгонкинов. В нем фигурируют два брата, Иоскеха и Тавискара, имена, которые в онейдском диалекте означают Белый и Темный. [170-1](#) Они близнецы, рожденные от матери-девственницы, которая умерла, дав им жизнь. Их бабушкой была Луна, которую гуроны называли Атаенсик - слово, означающее буквально "она купается" и происходящее, по мнению авторитетнейшего отца Бруяса, от слова "вода". [170-2](#)

Братья поссорились и в конце концов сошлись в поединке: первый использовал рога оленя, второй - дику розу. Тот, у кого оружие было слабее, естественно, был обескуражен и тяжело ранен. Кровь хлестала из него при каждом шаге и, падая, превращалась в кремневые камни. Победитель вернулся к своей бабушке и основал свое жилище на дальнем востоке, на границах великого океана, откуда приходит солнце. Со временем он стал отцом человечества и особым покровителем ирокезов. Сначала земля была засушливой и бесплодной, но он уничтожил гигантскую лягушку, поглотившую все воды, и направил потоки в гладкие ручьи и озера.¹⁷¹⁻¹ Леса он наполнил дичью, а научившись у великой черепахи, поддерживающей мир, добывать огонь, обучил этому незаменимому искусству своих детей, индейцев. Он следил и поливал их посевы; и действительно, без его помощи, говорит старый миссионер, совершенно потерявший терпение от подобных пакостей, "они думают, что не смогли бы сварить котелок". Иногда они говорили о нем как о солнце, но это только в переносном смысле.¹⁷¹⁻²

От других писателей раннего периода мы узнаем, что основные черты этого мифа были восприняты тускарорами и ирокезами, а поскольку имена двух братьев написаны на диалекте онейда, мы не можем ошибиться, считая эту легенду национальной легендой ирокезов. Существует большая вероятность того, что Таронхиавагон, тот, кто приходит с неба, из племени оондага, который был их верховным богом, говорил с ними во сне и в честь которого отмечался главный праздник их календаря в день зимнего солнцестояния, на самом деле был Иоскехой под другим именем.¹⁷²⁻¹ Что касается легенды о Добром и Злом Умах, приведенной Кусиком, на которую я ссылался в предыдущей главе, и более позднего и полностью поддельного мифа о Хиавате, впервые обнародованного мистером Кларком в его "Истории Оондага" (1849), и который, в изящной поэме Лонгфелло, теперь известен всему миру, то они являются лишь бледным и неверным отражением ранних местных традиций.

Сходство Иоскехи с Михабо столь сильно, что сказанного в объяснение последнего будет достаточно для обоих. И все же я не думаю, что одно из них было скопировано или заимствовано у другого. Мы не можем быть слишком осторожны в принятии такого заключения. Эти два народа были далеки друг от друга во всем, кроме географического положения. Я вспоминаю еще один похожий миф. В нем также говорится, что мать родила близнецов или пару близнецов и заплатила за них своей жизнью. И снова один из них описывается как светлый, а другой - как темный близнец; снова говорится, что они боролись друг с другом за господство. Ученые также интерпретировали мать как Рассвет, а близнецов - как Свет и Тьму или Четыре Ветра. Однако это не алгонкинская теология; она также не имеет ничего общего с теологией ирокезов. Это история Сарамы из Риг-Веды, написанная на санскрите под сенью Гималаев за много веков до Гомера.

Такое единообразие указывает не на общий источник в истории, а на психологию. Человек, познающий свою душу главным образом через органы чувств, с ужасом думал о ночи, которая лишала его возможности пользоваться одним из них и предвещала потерю всего. Поэтому *свет* и *жизнь* были для него синонимами; поэтому все религии обещают вести

"От ночи к свету,
От ночи к свету, от ночи к небесному свету".

Поэтому Тот, Кто спасает, всегда является светом мира; поэтому сказано: "Для праведных возникает свет во тьме"; поэтому везде горящий Восток, бледная заря - воплощение его надежд и центр его воспоминаний. Кто скажет, что инстинкт сбил его с пути? Ведь, по сути,

не зависит ли вся жизнь от света? Разве все эти чудесные и тонкие силы, известные старым химикам как невесомые элементы, без которых невозможен даже неорганический кристалл, не происходят из лучей света? Остережемся этой поверхностной науки, готовой воскликнуть "Эврика", и с благоговением признаем проявление таинственной интуиции, которая в сочетании с последними завоеваниями человеческого разума повторяет и подчеркивает ту весть, которую евангелист услышал от Духа и возвестил людям: "Бог есть Свет". 173-1

Оба этих героя, заметим, живут на крайнем востоке; оба являются мифическими отцами расы. Поэтому именно на восток должны были указывать эти народы в качестве своего первоначального места обитания. Так они и поступили вопреки истории. Кушич, который берется за историю ирокезов за тысячу лет до христианской эры, помещает их сначала в самый восточный регион, которым они когда-либо владели. В то время как алгонкины в один голос называли те из своих племен, которые жили ближе к восходящему солнцу, *абнаки*, наши предки на востоке, или на заре; буквально - наши *белые* предки. 174-1 Я намеренно подчеркиваю это буквальное значение. Оно напоминает о белом близнеце из ирокезской легенды и иллюстрирует, как белый цвет стал тесно ассоциироваться с утренним светом и его благотворным влиянием. Кроме того, цвет особым образом воздействует на разум; в нем есть музыка для глаза и для уха; а белый, вмещающий в себя все оттенки, располагает душу ко всем приятным и возвышенным эмоциям. 174-2 Не мода велит невесте украсить свое чело оранжевыми цветами, и не просто образное выражение побудило вдохновенного поэта назвать свою любовь "прекраснейшей из женщин" и пророчествовать о Мессии, "прекраснее сынов человеческих", исполнившееся в тот день, когда Он явился "в одеждах столь белых, что ни один мастер на земле не мог их выбелить". Ни один народ не свободен от власти этого закона. "Белый цвет", - замечает Адаир о южных индейцах, - "является для них неизменной эмблемой мира, дружбы, счастья, процветания, чистоты и святости". 175-1 Их жрецы одевались в белые одежды, как и жрецы Перу и Мексики; цари различных видов животных должны были быть белыми; 175-2 города-убежища, созданные чероки в качестве приютов для предполагаемых преступников на манер израильтян, назывались "белыми городами", а для жертвоприношений животные этого цвета всегда ценились наиболее высоко. Все эти чувства были связаны с рассветом. Об этом свидетельствует сам язык. Многие алгонкинские слова, обозначающие восток, утро, рассвет, день, свет, как мы уже видели, происходят от корня, обозначающего *белый*. Или же мы можем взять язык, который теперь является родственным языку киче, и найти в нем слова для востока, рассвета, утра, света, яркого, славного, счастливого, благородного - все они происходят *от zak* - белый. В их легендах о первых людях мы читаем, что они были "белыми детьми", "белыми сыновьями", ведущими "белую жизнь за рассветом", а само создание приписывается Рассвету, Белому, Белому Жертвеннику Крови. 175-3 Но зачем настаивать на этом, если в европейских языках рассвет называется *l'aube*, *alva*, от *albus* - белый? Достаточно для цели, если будет очевидна ошибка тех, кто в подобных выражениях будет искать поддержку любой теории древней европейской иммиграции; достаточно, если это покажет истинный смысл тех традиций о приходе благожелательных гостей со светлым цветом лица в доколумбовы времена, которые и алгонкины, и ирокезы 176-1 имели общие черты со многими другими племенами западного континента. Их объяснение можно найти не в летописях Японии, не в триадах кимрских бардов, не в сагах исландских скальдов, а в склонности человеческого разума приписывать свое происхождение и культуру тому белому сияющему Востоку, где солнце, луна и звезды ежедневно рождаются в обновленной славе, той прекрасной матери, которая ценой собственной жизни дарит свет и радость миру, блестящему чреву Авроры, сияющему лону Рассвета.

Даже сложная мифология Перу поддается разумному применению этих принципов интерпретации. Ее особая неясность обусловлена политикой инков, направленной на смешение религий завоеванных провинций со своей собственной. Так, около 1350 года инка Пачакутек покорил страну около Лимы, где преобладало поклонение Кону и Пачакаме. [176-2](#) Местный миф представлял их как отца и сына, или братьев, детей солнца. Они не имели ни плоти, ни крови, были бестелесными, невидимыми и невероятно быстрыми. Сначала Кон овладел землей, но Пачакама напал на него и прогнал на север. Раздраженный поражением, он забрал с собой дожди, и поэтому по сей день морское побережье Перу представляет собой в основном безводную пустыню. Теперь, когда нам сообщают, что южный ветер, то есть тот, что дует на север, является фактической причиной засухливости низменных земель, [177-1](#) и учитывая легкий и воздушный характер этих антагонистов, мы без колебаний принимаем это за миф о ветрах. Имя *Кон Тичи*, Громовой Вазы, действительно было применено к Виракоче в более поздние времена, но они никогда не были идентичны. Виракоча был культурным героем древних аймара-кичуа. В их вероучении он был творцом и обладателем всего сущего. Земли и стада отводились другим богам, чтобы поддержать их храмы, на их алтари возлагались подношения, но ему - ни одного. Ибо, спрашивали инки: "Разве Владыке и Хозяину всего мира нужны от нас эти вещи?" Ему, говорит Акоста, "они приписывали главную власть и управление над всеми вещами"; и в другом месте "во всем этом царстве главным идолом, которому они поклонялись, был Виракоча, а *после него* - Солнце". [178-1](#)

Еще до появления солнца или луны он поднялся из лона озера Титикака и руководил возведением тех чудесных городов, руины которых до сих пор усеивают его острова и западные берега и история которых полностью теряется в ночи времени. Он сам построил эти светила и поместил их в небо, а затем заселил землю ее нынешними обитателями. От озера он отправился на запад, не без приключений, так как на него с убийственными намерениями напали созданные им существа. Однако, когда, презрев столь неравный бой, он продемонстрировал свою силу, обрушив молнии на склоны холмов и уничтожив леса, они признали своего создателя и смирились перед ним. Он примирился с ними и научил их искусству и земледелию, установлениям и религии, заслужив титул, который они дали ему - *Пачайачич*, учитель всего сущего. Наконец он исчез в западном океане. С ним были тесно связаны четыре человека, спутники или сыновья. Они поднялись вместе с ним из озера, или же были его первыми творениями. Это четыре мифических цивилизатора Перу, которые, как утверждает другая легенда, вышли из пещеры Пакарин Тампу - Жилища Рассвета. [179-1](#) Им Виракоча отдал землю, одному - север, другому - юг, третьему - восток, четвертому - запад. Их имена называются очень по-разному, но поскольку они уже были отождествлены с четырьмя ветрами, мы можем опустить их рассмотрение здесь. [179-2](#) Традиция, как справедливо заметил инка Гарсилассо де ла Вега, [179-3](#) передала часть истории о Виракоче Манко Капаку, первому из исторических инков. Король Манко, однако, был реальным персонажем, Рудольфом Габсбургом из их царствующей семьи, и процветал примерно в одиннадцатом веке.

Существует общее сходство между этой историей и историей Михабо. Оба предшествуют солнцу и создают его, оба путешествуют на запад, преодолевая сопротивление с помощью молнии, оба делят мир между четырьмя ветрами, оба были отцами, богами и учителями своих народов. На этом история не заканчивается. Михабо, как я уже показал, - это белый дух Рассвета. Виракоча все авторитеты переводят как "жир или пена морская". Идея передается белизной, а пена называется жиром из-за своего цвета. [180-1](#) Это настолько верно, что и сегодня в Перу белых людей называют *виракочами*, а первые исследователи постоянно получали тот же эпитет. [180-2](#) Это название - метафора. Рассвет поднимается над

горизонтом, как снежная пена на поверхности озера. Как алгонкины говорили об абнаках, своих белых предках, как в мексиканских легендах ранние тольтеки были светлокожими, так и аймарасы иногда называли первых четырех братьев *виракочами*, белыми людьми.¹⁸⁰⁻³ Это древняя история о том, как

"Свет

Возник из глубин, и с родного востока

Путешествовать начал сквозь воздушный мрак".

Центральной фигурой мифологии тольтеков является Кецалькоатль. Не автор книг о древней Мексике, но ему есть что рассказать о славных днях, когда он правил этой землей. Никто не отрицает, что он был богом, богом воздуха, высшим божеством тольтеков, в честь которого была воздвигнута пирамида Чолула, величайший памятник их расы. Но многие настаивают на том, что сначала он был человеком, неким обожествленным царем. На самом деле Кецалькоатлей было много, ведь его верховный жрец всегда носил его имя, но сам он - чистое порождение фантазии, и вся его предполагаемая история - не более чем миф.

Его эмблематическое имя, Птица-змея, и его ребус и крест в Паленке, я уже объяснял. Другие его титулы: Эхекатль - воздух; Йолкуат - гремучая змея; Тохиль - грохочущий; Уэмак - сильная рука; Нани хекатль - повелитель четырех ветров. В нем вновь проявляется тот же дуализм, что и в других его аналогах: он одновременно повелитель восточного света и ветров.

Как первый, он родился от девственницы в стране Тула или Тлапаллана, на далеком Востоке, и был верховным жрецом этого счастливого царства. Его символом была утренняя звезда, а храм в Чолуле был посвящен именно ему как автору света.¹⁸¹⁻¹ Поскольку по дням мы измеряем время, он был предполагаемым изобретателем календаря. Как и все герои рассвета, он тоже представлялся белокожим, одетым в длинные белые одежды и, как большинство ацтекских богов, с полной и ниспадающей бородой.¹⁸¹⁻² Когда его земные дела были закончены, он тоже вернулся на восток, объяснив это тем, что солнце, правитель Тлапаллана, требовало его присутствия. Но на самом деле его одолел Тескатлипока, иначе называемый Йоаллихекатль, ветер или дух ночи, который спустился с небес на паутине и угостил своего соперника напитком, якобы дарующим бессмертие, но на самом деле вызывающим неудержимую тоску по дому. Ведь и ветер, и свет уходят с наступлением сумерек, когда тучи раскидывают свои темные и тенистые сети по горам и проливают живительный дождь на поля.

В другом своем образе он был порожден дыханием Тонакатеотля, бога нашей плоти или существования,¹⁸²⁻¹ или (согласно Гомаре) был сыном Ицтака Микскоатля, белого облачного змея, духа торнадо. Посланник Тлалока, бога дождей, он, по образному выражению, подметал для него дорогу, поскольку в этой стране сильные ветры являются предвестниками влажных сезонов. Куда бы он ни отправился, ему составляли компанию всевозможные певчие птицы, олицетворяющие свистящий бриз. Когда он наконец исчез на дальнем Востоке, то отправил обратно четырех надежных юношей, которые всегда разделяли его удачу, "несравненно быстрых и легких", с указанием разделить между ними землю и править ею, пока он не вернется и не восстановит свою власть. Когда он объявлял свои указы, его глашатай провозглашал их с Цацитепека, холма криков, таким могучим голосом, что его было слышно на сто лиг вокруг. Стрелы, которые он выпускал, скрепляли огромные деревья, камни, которые он бросал, выравнивали леса, а когда он прикладывал руки к камням, след оставался неизгладимым. Олицетворяя собой грозу, он в полной мере обладал и ее лучшими качествами. Потряхивая своими сандалиями, он давал людям огонь, а

мир, изобилие и богатство благословляли его подданных. По преданию, он построил множество храмов Миктлантеукли, ацтекскому Плутону, а при сотворении солнца убил всех остальных богов, ибо наступающий рассвет рассеивает призрачные формы ночи, но вся его живительная сила приводит лишь к увеличению числа обреченных пасть перед неумолимым ударом смерти.¹⁸³⁻¹

Его символами были птица, змея, крест и кремь, представляющие облака, молнию, четыре ветра и громовую молнию. Возможно, как Уэмак, Сильная Рука, он был богом землетрясений. Сапотеки поклонялись такому божеству под изображением этого члена, вырезанного из драгоценного камня,¹⁸³⁻² вызывая в памяти "Каб-уль", Рабочую руку, которую обожали майя,¹⁸³⁻³ и которая, как говорят, была одним из образов Замны, их бога-героя. Человеческая рука, "этот божественный инструмент", как ее называли, вполне может рассматриваться рефлексирующим умом как учитель искусств и амулет, чья магическая сила завоевала для человека то преимущество, которое он получил в своей долгой борьбе с природой и своими собратьями.

Далее я мог бы обсудить миф о культуре муисков, чей герой Бочика или Немкетеба носил другое имя Суа, Белый, День, Восток, которое они также дали европейцам по их прибытии. В далекие времена он научил их изготавливать одежду, строить дома, возделывать землю и считать время. Когда он исчез, то разделил землю между четырьмя вождями и установил множество мельчайших правил управления, которые впоследствии соблюдались религиозно.¹⁸⁴⁻¹ Или я мог бы выбрать историю карибов, чей покровитель Таму, называемый Дедом и Небесным Стариком, был человеком со светлым лицом, который в давние времена приходил с востока, обучал их земледелию и искусствам и исчезал в том же направлении, обещая им помощь в будущем, и что после смерти он примет их души на вершине священного дерева и благополучно перенесет их в свой дом на небе.¹⁸⁴⁻² Или же из более фрагментарной мифологии более грубых народов можно извлечь доказательства того, что эти основополагающие взгляды были приняты практически повсеместно. Например, когда манданы из верховьев Миссури говорят о своем первопредке как о сыне Запада, который сохранил их во время потопа и чье одеяние всегда состояло из четырех молочно-белых волчьих шкур;¹⁸⁵⁻¹ и когда пимосы, народ из долины Рио-Гила, рассказывают, что их место рождения было там, где восходит солнце, что там в течение многих поколений они вели радостную жизнь, пока их благодетельный первопредок не исчез в небесах. С тех пор, говорят они, Бог потерял их из виду, и они скитались на запад, и дальше на запад, пока не достигли своих нынешних мест.¹⁸⁵⁻² Или я могу привести в пример бразильских тупи, которые были названы в честь первого из людей, Тупы, того, кто один пережил потоп, был одним из четырех братьев, которого описывают как старика со светлым лицом, *un vieillard blanc*,¹⁸⁵⁻³ и который теперь является их высшим божеством, повелителем молний и бурь, чей голос - гром, и который является хранителем их народа. Но разве не очевидно, что эти и все подобные легенды - лишь вариации уже проанализированных?

Снимая таким образом одну за другой оболочки символизма и выставляя в центре и на вершине этих различных верований Того, кто престол на небе, кто приходит с рассветом, кто проявляет себя в свете и буре, и чьими служителями являются четыре ветра, я не устанавливаю нового бога. Древние израильтяне молились тому, кто восседал над небосводом, кто повелевал утром и заставлял дневную весну знать свое место, кто отвечал из вихря, и чьими посланниками были четыре ветра, четыре херувима, описанные с таким богатством образов во введении к книге Иезекииля. Магометане поклоняются "милостивому и милосердному Господу рассвета", чья звезда находится на востоке, кто ездит на буре и чье

дыхание - ветер. Первобытный человек в Новом Свете также ассоциировал эти физические явления как порождения невидимой силы, воплощенной в человеческом облике, называемой по имени, которой поклонялись как единому целому и о которой все рассказывали один и тот же миф, различаясь лишь в незначительных отрывках. Такова была первобытная религия. Это был не монотеизм, поскольку существовало множество других богов; не пантеизм, поскольку не было смешения причины со следствиями; тем более не фетишизм, поклонение чувственным объектам, поскольку они признавались следствиями. Она учит нас, что идея Бога не возникла из феноменального мира и не утонула в нем, как это принято считать в неглубокой теории, а является, по определению Канта, убеждением в существовании высшего и первого принципа, который связывает все явления в единое целое.

Один момент в этих легендах заслуживает более пристального внимания из-за того влияния, которое он оказал на историческую судьбу расы. Герои рассвета представлялись светлокожими, могучими в войне, и хотя они отсутствовали какое-то время, им было суждено вернуться и вернуть себе древнюю власть. Это было одно из тех неосознанных пророчеств, указывающих на приход белой расы с востока, которые написали гибель краснокожих огненными буквами. Историки удивлялись мгновенному краху империй Мексики, Перу, майя и натчезов перед горсткой испанских филистеров. Дело в том, что где бы ни появлялись белые, они были связаны с этими древними предсказаниями о духе рассвета, возвращающемся, чтобы потребовать свое. Непонятные и зловещие пророчества, "тексты телесных песен", воскресали в памяти туземцев и парализовали их руки.

"Уже очень давно, - сказал Монтесума во время своей первой встречи с Кортесом, - передавалось, что мы не являемся исконными хозяевами этой земли, а пришли сюда из далеких краев под руководством правителя, который затем покинул нас и вернулся. Мы всегда верили, что когда-нибудь его потомки придут и вновь станут властвовать над нами. Поскольку ты родом из того края, который находится в направлении восхода солнца, и служишь столь великому царю, как ты описываешь, мы верим, что он также является нашим естественным владыкой, и готовы подчиниться ему". [187-1](#)

В его ушах звенели мрачные слова Незауалькойотля, бывшего князя Тескуко, предсказывавшего приход с востока белых и бородатых людей, которые вырвут власть из рук законных правителей и в один день разрушат многовековую постройку. Но они не были столь мрачными для умов его измученных подданных, ведь этот день должен был освободить их от рабства. Поэтому, впервые увидев светлокожих испанцев, они бросились в воду, чтобы обхватить носы своих кораблей, и разослали по всей земле гонцов, чтобы возвестить о возвращении Кецалькоатля. [188-1](#)

Благородный мексиканец был не одинок в своих предчувствиях. Когда Эрнандо де Сото, высадившись в Перу, впервые встретился с инкой Уаскаром, тот поведал ему древнее пророчество, которое его отец Уайна Капак повторил на смертном одре: в царствование тринадцатого инки от их отца Солнца придут белые люди (*виракочи*), превосходящие по силе и доблести, и подчинят своей власти народы мира. "Я повелеваю вам, - сказал умирающий монарх, - оказывать им почтение и повиновение, ибо они будут иметь природу, превосходящую нашу". [188-2](#)

Туземцы Гаити рассказывали Колумбу о подобных предсказаниях задолго до его прибытия. [188-3](#) И отец Лизана сохранил на языке майя несколько таких предвещающих песнопений. Несомненно, он несколько адаптировал их для прозелитических целей, но очень похоже, что они являются близкими копиями подлинных песен аборигенов, в которых

говорится о возвращении Замны или Кукулькана, повелителя рассвета и четырех ветров, которому поклоняются на Косумеле и в Паленке под знаком креста. Выдержка из них покажет их характер: - "В конце тридцатого года в Косумеле и Паленке поклонялись Замне и Кукулькану под знаком креста.

"В конце тринадцатой эпохи мира,
Когда города Ица и Танка еще процветали,
Появится знак Владыки Неба,
Свет зари озарит землю,
И крест увидят народы людей.
Отцом вам будет Он, Ицаланос,
И братом вам, уроженцы Танки;
Примите хорошо бородатых гостей, которые идут,
Приносящих знамение Господа с рассветом,
Владыки неба, столь ясного, но могущественного". [189-1](#)

Более древние авторы, Гомара, Коголлудо, Вильягутьерре, постарались собрать другие примеры этого предчувствия прихода и господства белой расы. Более поздние историки, модно недоверчиво относящиеся к тому, что они не могут объяснить, обошли их молчанием. То, что они существовали, не подлежит сомнению, а то, что они возникли именно так, как я изложил, почти доказывается тем фактом, что в Мексике, Боготе и Перу белых сразу же стали называть по именам героев Рассвета, *Суаса*, *Виракоча* и *Кецалькоатля*.

Когда римская церковь безжалостно сокрушила религии Мексики и Перу, вся надежда на возвращение Кецалькоатля и Виракочи погибла вместе с институтами, мифическими основателями которых они являлись. Но им предстояло возродиться лишь в новых воплощениях и под новыми именами. Так же как и запрет сердцу юности распускаться в нежной любви, а угнетенным народам - лелеять веру в то, что некий идеальный герой, некий царственный человек еще восстанет, разобьет оковы и поведет их к славе и чести.

Когда имя Кецалькоатля перестало звучать из теокалли Чолулы, его место занял Монтесума. От океана до океана, от реки Гила до Никарагуанского озера почти каждый аборигенный народ до сих пор хранит память о Монтесуме, но не как о последнем несчастном правителе исчезнувшего государства, а как о принце их золотого века, их сатурнианской эпохи, повелителе ветров и вод и основателе их институтов. Когда в глубине тропических лесов антиквар откопывает какую-нибудь статую с серьезным лицом, туземцы шепчут друг другу: "Монтесума! Монтесума!" [190-1](#) В легендах Нью-Мексико он является основателем пуэбло и вверяет их попечению священный огонь. Уходя, он посадил дерево и велел им хорошо следить за ним, потому что, когда дерево упадет и огонь потухнет, он вернется с далекого Востока и поведет свой верный народ к победе и могуществу. Когда нынешнее поколение увидело, как миля за милей их земля переходит в хищные руки янки, когда новые и странные болезни опустошают их дома, и наконец, когда в 1846 году священное дерево было повержено, а хранитель священного огня найден мертвым на его холодном пепелище, Тогда они решили, что настал час избавления, и каждое утро с самым ранним рассветом на верхушки домов поднимались наблюдатели и долго и тревожно вглядывались в светлеющий восток, надеясь увидеть благородный облик Монтесумы, продвигающегося утренним лучам во главе завоевательной армии. [191-1](#)

Перуанцы, стонущие под железной властью испанцев, не могли поверить, что последний из инков погиб изгнанником и скитальцем в лесах Кордильер. Веками они придерживались

убеждения, что он лишь удалился в другое могущественное королевство за горами, а в свое время вернется и сметет надменных кастильцев обратно в океан. В 1781 году метис Хосе Габриэль Кондорканки из провинции Тинта воспользовался этим сильным заблуждением и, повязав на лоб алое филе инков, провозгласил себя давно потерянным инкой Тупаком Амару, истинным дитем солнца. Тысячи индейцев стекались под его знамена, и во главе их он вышел на поле боя, поклявшись истребить каждую душу ненавистной расы. Схваченный, наконец, испанцами и приговоренный к публичной казни, он вызывал у своих последователей такое глубокое благоговение, так верил в свои права, что, не поддавшись угрозам солдат, они склонили свои лица перед этим последним из детей солнца, когда он шел на преступную смерть. [191-2](#)

Эти причудливые воспоминания, эти беспочвенные надежды, такие смутные, такие детские, пусть никто не считает их лепетом невежества. Рассматриваемые в самом широком смысле как характеристики человеческой расы, они имеют интерес выше любой истории, выше любой поэзии. Они указывают на признанное несоответствие между тем, чем человек является, и тем, чем, по его мнению, он должен быть, обязан быть; это возмущенные протесты расы против попустительства мировому злу как мировому закону; это бессвязные изречения той тоски по более благородным условиям существования, которую не могут полностью погасить ни дикость, ни невежество, ни что-либо иное, кроме ложного и лживого просвещения.

[162-1](#) Поклонение меду - обычный религиозный ритуал алгонкинов. Он состоит главным образом в демонстрации фокусов, а также в вызывании и изгнании демонов. *Джосакид* - это вдохновенный пророк, который получает свою силу непосредственно от высших духов, а не как *медавины*, путем обучения и практики.

[164-1](#) Эти сведения см. в *Rel. de la Nouv. France*, 1667, p. 12, 1670, p. 93; Charlevoix, *Journal Historique*, p. 344; Schoolcraft, *Indian Tribes*, v. pp. 420 sqq., и Alex. Генри, *Путешествия по Канаде и Инд. Territories*, pp. 212 sqq. Это, безусловно, лучшие ссылки из многих, которые можно было бы предоставить. Можно также обратиться к "*Истории индейцев оджибвеев*" Питера Джонса, стр. 35.

[165-1](#) *Наука о языке*, вторая серия, с. 518.

[165-2](#) Диалектические формы в алгонкинском языке для обозначения белого цвета - *ваби, вапе, вомпи, ваубиш, оппай*; для утра - *вапан, вапане, опа*; для востока - *вапа, вабун, ваубамо*; для рассвета - *вапа, вабун*; для дня - *вомпан, оппан*; для света - *оппунг*; и многие другие подобные. В диалекте абнаки, *wanbighen*, это белый, является обычной идиомой для выражения наступления дня (Vetromile, *The Abnakis and their History*, p. 27: New York, 1866). Утрата в составе гласного звука, представленного английским w, а у французских писателей - цифрой 8, подтверждается частыми аналогиями.

[167-1](#) Schoolcraft, *Algic Researches*, i. pp. 135-142.

[167-2](#) Имена четырех братьев, Вабун, Кабун, Кабибонокка и Шавано, выражают в алгонкинском языке как кардинальные точки, так и ветры, дующие от них. В другом варианте легенды, впервые сообщенном отцом Де Сметом и процитированном Школкрафтом без признания, это Нанабуджу, Чипиапус, Вабоссо и Чакенапок. В поддержку текста см. Schoolcraft, *Algic Res.*, ii. p. 214; De Smet, *Oregon Missions*, p. 347.

[168-1](#) Рассказ Джона Таннера, p. 351.

[168-2](#) Schoolcraft, *Algic Res.*, i. p. 216.

168-3 Рассказ Джона Таннера, с. 354.

169-1 Сравните *Rel. de la Nouv. France*, 1634, p. 14, 1637, p. 46, с *Schoolcraft, Ind. Tribes*, v. p. 419. Кичигуай - то же слово, что и Гижигуке, но в другой орфографии.

170-1 Названия *I8skeha* и *Ta8iscara* я осмеливаюсь отождествить с онейдскими *owisske* или *owiska*, белыми, и *tetiucalas* (*tyokaras*, *tewhgarlars*, Mohawk), темными или мрачными. Приставка *i* к *owisske* - это безличное третье лицо единственного числа; суффикс *ha* придает будущий смысл, так что *i-owisske-ha* или *iouškeha* означает "он станет белым". Бребеф приводит аналогичный пример с *gaon* - старый; *a-gaon-ha, il va devenir vieux* (*Rel. Nouv. France*, 1636, p. 99). Но "он станет белым" означало для ирокезов, что скоро появится рассвет, так же как *wanbighen*, он белый, для абнаков (см. примечание на стр. 166), и как эскимосы говорят *kau ma wok*, он белый, чтобы выразить, что уже рассвело (*Richardson's Vocab. of Labrador Eskimo in his Arctic Expedition*). Поэтому то, что Иоскеха - это олицетворение рассветного света, не подлежит сомнению.

170-2 Орфография Бребефа является *аатентической*. Это можно проанализировать следующим образом: корень *aouen*, вода; приставка *at, il y a quelque chose là dedans; ataouen, se baigner*; от которой происходит форма *ataouensere*. (См. Bruyas, *Rad. Verb. Iroquæor.*, pp. 30, 31.) Здесь снова отчетливо проявляется мифологическая роль луны как богини воды.

171-1 Это пример единообразия, которое преобладало в символизме Нового Света. Ацтеки почитали богиню воды в образе лягушки, вырезанной из одного изумруда; или в человеческом облике, но держащей в руке лист водяной лилии, украшенный лягушками. (*Brasseur, Hist. du Mexique*, i. p. 324.)

171-2 *Rel. de la Nouv. France*, 1636, p. 101.

172-1 *Rel. de la Nouv. France*, 1671, p. 17. Кушич пишет его как *Tarenyawagon* и переводит как Держатель Небес. Но это имя, очевидно, является соединением *garonhia*, небо, смягченного в диалекте онондага до *taronhia* (см. Gallatin's Vocab. под словом небо), и *wagin*, я пришел.

173-1 Ὁ Θεὸς φῶς ἐστὶ, Первое общее послание Иоанна, i. 5. Любопытную аналогию этим мифам составляют мифы эскимосов Гренландии. В начале, рассказывают они, было два брата, один из которых сказал: "Будет ночь и будет день, и люди будут умирать один за другим". Второй же сказал: "Дня не будет, а будет только ночь, и люди будут жить вечно". Они долго боролись, но в очередной раз тот, кто любил тьму, а не свет, был побежден, и день восторжествовал. (*Nachrichten von Grönland aus einem Tagebuche vom Bischof Paul Egede*, p. 157: Kopenhagen, 1790. Дата записи - 1738 год).

174-1 Я без колебаний принимаю производное этого слова, предложенное и отстаиваемое выдающимся алгонкинским ученым, преподобным Евгением Ветромилом, от *wanb*, белый или восточный, и предков *naghi* (*The Abnakis and their History*, p. 29: New York, 1866).

174-2 Белый свет, замечает Гете, несет в себе что-то радостное и облагораживающее; он обладает "eine heitere, muntere, sanft reizende Eigenschaft". *Farbenlehre*, sec's 766, 770.

175-1 *Hist. of the N. Am. Indians*, p. 159.

175-2 *La Hontan, Voy. dans l'Amér. Sept.*, ii. p. 42.

175-3 "Blanco pizote", Ximenes, p. 4, *Vocabulario Quiché*, s. v. *zak*. На крайнем севере эскимосский язык представляет ту же аналогию. День, утро, яркий, свет, молния - все они

происходят от одного корня (*kau*), означающего белый (Richardson, Vocab. of Labrador Eskimo).

176-1 Некоторые их фрагменты можно найти в Campanius, *Acc. of New Sweden*, 1650, book iii. chap. 11, и в Byrd, *The Westover Manuscripts*, 1733, p. 82. В обоих случаях утверждается, что они были белыми и бородатыми людьми, причем последнее, вероятно, является более поздней чертой легенды.

176-2 *Con* или *Cun* я уже объяснял как гром, *Con tici* - мифическая громовая ваза. *Pachacamà* - это, несомненно, как предположил М. Леонс Ангран, от *ppacha*, источник, и *samà*, все, Источник всех вещей (Desjardins, *Le Pérou avant la Conq. Espagnole*, p. 23, примечание). Но он и все другие авторы ошибаются, считая это слово идентичным *Pachacámas*, и последнее не может означать "создатель мира", как его постоянно переводят. Это причастное прилагательное от *pacha*, место, особенно мир, и *samas*, причастие настоящего времени от *samaní*, я одушевляю, от которого также происходит *satakenç*, душа, и означает одушевление мира. Оно никогда не использовалось как имя собственное. Следующие трохаические строки из поэмы кичуа, переведенной в предыдущей главе, показывают ее истинное значение и правильное ударение: -

Pāchă rūrăc, Мир создающий,
Pāchă sāmăc, оживляющий мир,
Виракоча, Виракоча,
Камасунки, Он оживляет тебя.

Последнее слово - это второй переход, настоящее время, от *samaní*, а *samas* - причастие настоящего времени.

177-1 Ulloa, *Mémoires Philosophiques sur l'Amérique*, i. p. 105.

178-1 Акоста, *История Нового Света*, кн. v. гл. 4, bk. vi. chap. 19, Eng. trans., 1704.

179-1 Название происходит от *tampu*, испорченного испанцами в *tambo*, постоялый двор, и *rassari* morning, или *rassarín*, it dawn, что также имеет переносное значение, it is born. Таким образом, оно может означать либо "Жилище рассвета", либо, как обычно переводили испанцы, "Дом рождения", либо "Производство", *Casa de Producimiento*.

179-2 Бальбоа (*Hist. du Pérou*, p. 4) и Монтесинос (*Ancien Pérou*, p. 5) дают следующие названия: Манко, Кача, Аука, Учу. Значение Манко неизвестно. Остальные означают, в порядке убывания, посланника, врага или предателя и маленького. Миф о Виракоче в наиболее древней форме приводится Хуаном де Бетансосом в "*Истории инков*", составленной в первые годы завоевания на основе оригинальных песен и легенд. Она цитируется в García, *Origen de los Indios*, lib. v. cap. 7. Бальбоа, Монтесинос, Акоста и другие также предоставили мне некоторые случаи. Вопрос о том, не был ли Атачучу, упомянутый в последней главе, другим именем Виракочи, вполне может быть поставлен под сомнение. Это вполне вероятно.

179-3 *Hist. des Incas*, liv. iii. chap. 25.

180-1 Оно образовано из *vira* - жир, пена (что, возможно, родственно *yuras* - белый) и *socha* - пруд или озеро.

180-2 См. Desjardins, *Le Pérou avant la Conq. Espagnole*, p. 67.

180-3 Gomara, *Hist. de las Indias*, cap. 119, in Müller.

181-1 Brasseur, *Hist. du Mexique*, i. p. 302.

181-2 Нет оснований придавать особое значение этой особенности. Борода не была чем-то необычным у ацтеков и многих других народов Нового Света. Считалось, что она придает внешности достоинство, поэтому Сахагун в своем описании мексиканских идолов неоднократно упоминает их бороды, а Мюллер цитирует различные авторитеты, чтобы показать, что жрецы носили их длинными и объемными (*Amer. Urreligionen*, p. 429). Мало того, что сам Кецалькоатль, как сообщается, был светлокожим - действительно, белокожим, - но креольский историк Икстлильксочитль говорит, что в старых легендах утверждается, что все тольтеки, уроженцы Толлана, или Тулы, как означает их название, были такими же. Более того, Ацтлан, традиционный дом науа, или собственно ацтеков, означает буквально белую землю, согласно одному из наших лучших авторитетов (Buschmann, *Ueber die Aztekischen Ortsnamen*, 612: Berlin, 1852).

182-1 Kingsborough, *Antiquities of Mexico*, v. p. 109.

183-1 Миф о Кецалькоатле я взял в основном из Саагуна, *Hist. de la Nueva España*, lib. i. cap. 5; lib. iii. cap. 3, 13, 14; lib. x. cap. 29; и Торквемада, "*Монархия Индианы*", lib. vi. cap. 24. Следует помнить, что в легендах киче он положительно отождествляется с тохилем Центральной Америки (*Le Livre Sacré*, p. 247).

183-2 Padilla Davila, *Hist. de la Prov. de Santiago de Mexico*, lib. ii. cap. 89.

183-3 Cogolludo, *Hist. de Yucathan*, lib. iv. cap. 8.

184-1 Его также называют Идакансас и Немтерекетаба. Некоторые проводят различие между Бохикой и Суа, которое, однако, не доказано. Лучшими авторитетами по мифологии муисков являются Пьедрахита, *Hist. de las Conq. del Nuevo Reyno de Granada*, 1668 (его копирует Гумбольдт, *Vues des Cordillères*, pp. 246 sqq.), и Симон, *Noticias de Tierra Firme*, Parte ii., в Kingsborough's *Mexico*.

184-2 D'Orbigny, *L'Homme Américain*, ii. p. 319, и Rochefort, *Hist. des Isles Antilles*, p. 482 (Waitz). Название имеет различные варианты правописания: Таму, Тамöi, Тамou, Itamoulou и т. д. Возможно, Ама-ливака индейцев Ориноко - это другая форма. Этот персонаж во многих моментах даже минимально соответствует Таму островных карибов.

185-1 Катлин, *Письма и заметки*, письмо 22.

185-2 Дневник капитана Джонсона, в Emory, *Reconnaissance of New Mexico*, p. 601.

185-3 М. де Шаренси, в *Revue Américaine*, ii. p. 317. Тула, как можно заметить, означает на языке кичуа "повелитель" или "королевский". Отец Ольгин приводит в качестве примера *â tupa Dios*, O Lord God (*Vocabulario Quichua*, p. 348: Ciudad de los Reyes, 1608). В диалектах киче телеу является одним из распространенных обращений к божеству и также переводится как господин или правитель. Мы еще не настолько продвинулись в изучении американской филологии, чтобы делать какие-либо выводы из этих сходств, но их не следует упускать из виду.

187-1 Кортес, *Carta Primera*, pp. 113, 114.

188-1 Sahagun, *Hist. de la Nueva España*, lib. xii. caps. 2, 3.

188-2 La Vega, *Hist. des Incas*, lib. ix. cap. 15.

188-3 Петр Мученик, *De Reb. Oceanicis*, Dec. iii. lib. vii.

189-1 Lizana, *Hist. de Nuestra Señora de Itzamal*, lib. ii. cap. i. in Brasseur, *Hist. du Mexique*, ii. p. 605. Пророчества относятся к жрецу, который носил титул - не имя - Чилан Балам, и чьими обязанностями были гадание и астрология. Стих датируется примерно 1450 годом и, как утверждается, был очень хорошо известен по всему Юкатану. Число тринадцать, которое во многих из этих пророчеств является предполагаемым пределом нынешнего порядка вещей, несомненно, вытекает из наблюдения, что тринадцать лун завершают один солнечный год.

190-1 Squier, *Travels in Nicaragua*, ii. p. 35.

191-1 Уиппл, *Отчет о племенах индейцев*, с. 36. *Tribes*, p. 36. Emory, *Recon. of New Mexico*, p. 64. Последний добавляет, что среди индейцев пуэбло, апачей и навахо имя Монтесумы "так же знакомо, как для нас Вашингтон". Это тем более любопытно, что ни индейцы пуэбло, ни другие племена не имеют никакого отношения к расе ацтеков по языку, как показал д-р Бушман, *Die Voelker und Sprachen Neu Mexico's*, p. 262.

191-2 Гумбольдт, *Очерк о Новой Испании*, кн. II. гл. VI, англ. перевод; *Ansichten der Natur*, ii. стр. 357, 386.

ГЛАВА VII.

МИФЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА, ПОТОПЕ, ЭПОХАХ ПРИРОДЫ И ПОСЛЕДНЕМ ДНЕ.

Космогонии обычно изображают действие Духа над водами - такие, как у маскогов, атапасков, киче, миштеков, ирокезов, алгонкинов и других.- Миф о потопе - бессознательная попытка примирить творение во времени с вечностью материи.- Доказательство тому - американская мифология.- Характеристики американских мифов о потопе.- Спасенный человек обычно первый человек. Число семь.- Их арараты.- Роль птиц.- Путаница языков.- Ацтеки, киче, алгонкины, тупи и самые ранние санскритские мифы о потопе.- Вера в эпохи природы - дальнейший результат этой попытки примирения.- Ее формы у перуанцев, майя и ацтеков.- Ожидание конца света - следствие этой веры.- Взгляды различных народов.

Если бы разум мог довольствоваться верой в то, что Вселенная всегда была такой, какая она есть сейчас, это сэкономило бы много мозгов. Таково комфортное состояние эскимосов, калифорнийских корнекопателей, самых грубых образцов человечества повсюду. Тщетно допытываться у них истории сотворения мира, ибо, подобно ножевику, прославившемуся в борьбе с Якобином, им нечего рассказывать. Им и в голову не приходит, что у земли есть начало или что она претерпевает какие-то большие изменения, чем смена времен года. 193-1 Но не раньше, чем ум начнет размышлять, интеллект - заниматься более высокими темами, чем потребности тела, закон причинности проявит свою силу, и человек, из тех материалов, которые у него есть под рукой, создаст для себя Теорию Вещей.

Что это были за материалы, было показано в нескольких последних главах. Простая первобытная субстанция, божество, которое ее вылепит, - таковы требования каждой космогонии. Относительно первого ни один народ никогда не колебался. Все согласны с тем, что до начала времен вода удерживала все остальное в растворе, покрывала и скрывала все. Причины этого предполагаемого приоритета воды уже были затронуты. Если племя обитало

вблизи какого-нибудь великого моря, можно представить и другие. Суша ограничена, заселена, стабильна; океан изменчив, пуст, безбрежен. Он ненасытно поглощает все дожди и реки, гасит солнце и луну в своих темных покоех и неистовствует, как хищный зверь. Трепет и страх - вот чувства, которые она внушает; в арийских языках ее синонимы - *пустыня* и *ночь*.¹⁹⁴⁻¹ Он производит впечатление необъятности, бесконечности, бесформенности и бесплодной изменчивости, хорошо подходящее для представления о хаосе. Она бесплодна, принимает все вещи, но ничего не производит. Отсюда вытекает необходимость творческой силы, которая бы действовала на него, как бы оплодотворяя его бесплодные зародыши. В одних космогониях это происходит в одном, в других - в другом олицетворении божества. Чаще всего встречается олицетворение ветра или его эмблемы - птицы, типа дыхания жизни.

Так, достопамятная запись в Бытие, переведенная в авторизованной версии "и двинулся Дух Божий по лицу вод", может быть с равной правильностью переведена как "и подул сильный ветер по поверхности вод", представляя картину первобытного океана, оплодотворяемого ветром в виде птицы.¹⁹⁵⁻¹ Орел, который в финском эпосе о Калевале парил над волнами и высиживал землю, яйцо, которое в китайской легенде плавало туда-сюда, пока не выросло в континент, великан Ймир, шелестящий (как ветер в деревьях), из плоти которого, говорится в Эдде, был сделан наш земной шар и отправлен плавать как пятнышко в огромном море между Муспелем и Нифльхеймом, - все это одна и та же история, повторенная разными народами в разные века. Но зачем брать иллюстрации из старого мира, если их так много в новом?

До сотворения мира, говорят мускоги, был виден один лишь огромный водоем. Два голубя летали туда-сюда над его волнами и наконец заметили травинку, поднявшуюся над поверхностью. Постепенно появилась суша, а острова и континенты приобрели свои нынешние очертания.¹⁹⁵⁻² Является ли это подлинным мифом аборигенов, не подлежит сомнению. Нет таких сомнений и в отношении мифа об атапасках. С необычайным единодушием большинство северо-западных ветвей этого народа ведут свое происхождение от ворона, "могучей птицы, чьи глаза были огнем, взгляд - светом, а хлопанье крыльев - громом". Когда он спустился к океану, земля мгновенно поднялась и осталась на поверхности воды. Затем эта всемогущая птица призвала все разнообразие животных".¹⁹⁶⁻¹

Очень похожей, но с большей поэтической отделкой, является легенда киче: - "Это первое слово и первое слово, и первое слово, и первое слово, и первое слово."

"Это первое слово и первая речь. Не было ни людей, ни животных; ни птиц, ни рыб, ни крабов, ни палок, ни камней, ни долин, ни гор, ни жнивья, ни лесов, ничего, кроме неба. Лицо земли было скрыто. Не было ничего, кроме безмолвного моря и неба. Ничто не соединялось, ни один звук, ни одна вещь не шевелилась; ни один человек не делал зла, ни один не гремел в небесах, ни один не ходил пешком; только тихие воды, только умиротворенный океан, только он в своем спокойствии. Не было ничего, кроме неподвижности, покоя, тьмы и ночи; ничего, кроме Создателя и Формовщика, Гурлера, Птицы-Змеи. В водах, в прозрачном полумраке, покрытые зелеными перьями, спали матери и отцы".¹⁹⁶⁻²

Над ними пронесся Хуракан, могучий ветер, и позвал Землю! И сразу же появилась твердая земля".

В рисуночных письменах миштеков сохранилась похожая космогония: "В год и в день облаков, до того, как появились годы и дни, мир лежал во тьме; все вещи были без порядка, и вода покрывала слизь и тину, которой тогда была земля". Усилиями двух ветров, названных

по астрологическим ассоциациям Девятью Змеями и Девятью Пещерами, олицетворенных один в виде птицы, а другой - в виде крылатого змея, воды улеглись и земля высохла. [197-1](#)

В птицах, играющих здесь столь заметную роль, мы не можем не узнать ветры и облака, но особенно темную грозовую тучу, парящую в пространстве в самом начале событий, наиболее яркую эмблему воздушных сил. Они являются символами божества, которое воздействовало на пассивные и бесплодные воды, в результате чего возникла вселенная. Можно было бы использовать и другие символы божественного, и смысл остался бы тем же. Если же фантазия была слишком беспомощна, чтобы предложить какие-либо символы, можно было обойтись без них, заменив их чисто природными средствами. Так, не обладающие воображением ирокезы рассказывали, что, когда их первобытную женщину-прародительницу сбросил с неба ее разгневанный супруг, земли, которая могла бы ее принять, еще не было, но она "внезапно вспучилась под ее ногами и стала еще больше, так что вскоре на ней появилась целая страна". [197-2](#) Или же некоторые земноводные животные, бобр, выдра и ондатра, увидев ее спуск, поспешили нырнуть и принести достаточно грязи, чтобы построить остров для ее проживания. [197-3](#) Ондатра также является простым механизмом в космогонии такалов северо-западного побережья, осагов и некоторых алгонкинских племен.

Последние, правда, были достаточно проницательны, чтобы понять, что на самом деле в таком рассказе нет никакого *сотворения мира*. Суши не было, но земля была, хотя и скрытая безбрежными водами. Поэтому о действиях ондатры, поднявших ее на поверхность, они говорили лишь как о создании. Михабо направил его, и из грязи образовались острова и суша. Но когда речь заходила о сотворении мира, они отвечали, что ничего об этом не знают, или же прямо отвечали вопрошающему, что он говорит глупости. [198-1](#) Их миф, почти идентичный мифу их соседей, был признан ими не построением, а только реконструкцией; это очень разумное различие, но оно имеет очень важное следствие. Реконструкция предполагает предшествующее существование. Они чувствовали это, и им было что сказать о Земле, предшествующей нашей, но не имеющей ни света, ни людей. Озеро разорвало свои границы и затопило ее целиком. Очевидно, что это всего лишь скудная выдумка, придуманная для объяснения происхождения первобытного океана. Но запомните это, ведь это зародыш тех чудесных мифов об эпохах природы, катастрофах вселенной, потопах воды и огня, которые так прочно завладели человеческой фантазией во всех странах и во все века.

Цель, с которой было сделано это дополнение к более простой легенде, достаточно ясна. Оно было сделано для того, чтобы избежать дилеммы сотворения из ничего, с одной стороны, и вечности материи - с другой. *Ex nihilo nihil* - апофегма, которую одобряют и самые глубокие метафизики, и самые грубые дикари. Но другой рог был не легче. Избежать принятия теории о том, что мир когда-либо был таким, какой он есть сейчас, было единственной целью легенды о его формировании. Поскольку любая из этих лемм противоречит фундаментальным законам мышления, этот выход был охотно принят, и, по меткому выражению Прескотта, люди "искали облегчения от гнетущей идеи вечности, разбивая ее на отдельные циклы или периоды времени". [199-1](#) Тщетная, но характерная попытка амбициозного человеческого разума! Индусский философ примиряет свой разум с зависанием мира в пространстве, представляя его поддерживаемым слоном, слона - черепахой, а черепаху - змеей. Мы смеемся над индусами и воображаем, что уменьшаем трудности, объясняя, что он вращается вокруг солнца, а солнце - вокруг какой-то далекой звезды. Точно так же общий разум человечества находит некоторое удовлетворение в предположении о существовании мира или ряда миров, предшествующих нынешнему, и

таким образом избегает неразрешимой загадки творения, удаляясь от нее на неопределенное время.

Поддержку этих взглядов наличием морских раковин на высоких землях или слабыми воспоминаниями о местных геологических конвульсиях я оцениваю очень низко. Дикари - не индуктивные философы, и не иначе как чудом они могли бы сохранить память даже о самой ужасной катастрофе на протяжении нескольких поколений. В истории не было ни одной такой катастрофы достаточной величины, чтобы произвести постоянное или широкое впечатление. Не физика, а метафизика является возбуждающей причиной этих верований в периодические конвульсии земного шара. Идея материи не может быть отделена от идеи времени, а время и вечность - противоречивые понятия. Обычные слова показывают эту связь. Мир, например, в старом языке *waereld*, от корня *to wear*, по производной означает век или цикл (Гримм).

В сущности, миф о сотворении мира нигде не встречается у первобытных народов. Он кажется противным их разуму. Суша и одушевленная жизнь имели начало, но не материя. Для них удобно предположить серию построек и разрушений. Аналогия природы, проявляющаяся в весенних цветах, появляющихся после зимнего запустения, в саженце, прорастающем из упавшего ствола, в жизни, повсеместно восстающей из смерти, подсказывает такой взгляд. Отсюда возникла вера в эпохи природы, развитая древними философами в циклы стоиков, Великие дни Брахмы, длительные периоды времени, завершающиеся грандиозными разрушениями, катаклизмами и экпирамидами Вселенной. Одни считали, что в них погибали все существа, другие - что выживали немногие.²⁰⁰⁻¹ Последняя и более распространенная точка зрения лежит в основе мифа о потопе. О том, насколько знакомы были подобные рассуждения аборигенам Америки, свидетельствуют многочисленные факты.

В ранних алгонкинских легендах не говорится ни об антидилuviанской расе, ни о какой-либо семье, спасшейся от вод. Мичабо, дух рассвета, их верховное божество, существовал один, и его сила сформировала и заселила Америку. Их соседи, дакоты, хотя и были твердо убеждены, что земной шар когда-то был уничтожен водами, не предполагали, что кому-то удалось спастись.²⁰¹⁻¹ Такого же мнения придерживались никарагуанцы²⁰¹⁻² и бразильские ботокудо. Последние приписывали его разрушение луне, время от времени падающей на землю.²⁰¹⁻³

Однако самым распространенным мнением было то, что несколько человек спаслись от опустошающей стихии одним из тех способов, которые наиболее знакомы рассказчику: поднявшись на гору, на плоту или каноэ, в пещере или даже взобравшись на дерево. Несомненно, некоторые из этих легенд были изменены христианскими учениями; но многие из них настолько связаны с местными особенностями и древними религиозными церемониями, что ни один непредвзятый студент не сможет полностью приписать их этому источнику, как это сделал профессор Ватер, даже если бы авторитеты многих из них были менее надежными, чем они есть. В традиционных преданиях красной расы нет более распространенных реликвий. Почти каждый старый автор цитирует одну или несколько из них. Они отличаются большим единообразием очертаний, и вместо того, чтобы заниматься повторениями, не представляющими особого интереса, их можно с большей пользой изучить в совокупности, чем в деталях.

Большинство из них считают, что последнее разрушение мира произошло по воде. Однако некоторые из них, например, такахлис с северного побережья Тихого океана, юрукарес из Боливийских Кордильер и мбо коби из Парагвая, приписывают его всеобщему пожару,

который пронесся над землей, уничтожив все живое, кроме тех немногих, кто укрылся в глубокой пещере.[202-1](#) Более распространенное мнение о затоплении породило традиции о всеобщем потопе, о котором так часто пишут путешественники и который многие считают воспоминанием о Ноевом.

Действительно, между мифами о потопе в Азии и Америке есть некоторые моменты поразительного сходства. Особенностью последних называют то, что в них спасенный всегда является первым человеком. Это, хотя и не без исключений, но, безусловно, общее правило. Но эти первые люди обычно были высшими божествами, известными их народам, единственными создателями мира и хранителями расы.[202-2](#)

Более того, в древнейшей санскритской легенде о потопе в "Затапатха-брахмане" Ману также является первым человеком и своими собственными усилиями создает потомство.[202-3](#)

В более позднем санскритском произведении Ману приписываются семь Ричи, или сияющих, в качестве спутников. Семь человек было и в Ноевом ковчеге. Как ни странно, один мексиканский и один ранний перуанский мифы называют именно семь человек, спасшихся во время потопа.[203-1](#) Это совпадение объясняется мистическими силами, связанными с числом семь, которое часто встречается в астрологии. Доказательством тому служит сравнение более поздних и более древних версий этого мифа, либо в книге Бытия, где последняя отличается использованием слова Элохим вместо Иегова,[203-2](#) либо санскритского рассказа в Затапатха Брахмане с теми, что содержатся в поздних Пуранах.[203-3](#) В обоих случаях число семь почти или совсем не встречается в самой древней версии, в то время как в более поздних оно постоянно повторяется.

Как гора или, скорее, горная цепь Арарата почиталась везде, где были известны семитские сказания, так и в Америке высоты указывались со все большим почтением как те, на которых сохранились немногие выжившие после ужасных сцен потопа. По словам доктора Сибли, на реке Ред-Ривер возле деревни кэддоев находилась одна из таких высот, небольшая естественная возвышенность, "которой все индейские племена на большом расстоянии вокруг воздают благочестивые почести". [203-4](#) Серро-Нацтарни на Рио-Гранде, пик Старой Зуньи в Нью-Мексико, Колхуакан на побережье Тихого океана, гора Апоала в Верхней Микстеке и гора Неба в провинции Гуайми - вот некоторые из многих возвышенностей, которые, как утверждают соседние народы, были местом убежища для их предков, когда били фонтаны великой глубины.

Одна из мексиканских традиций, переданная Торквемадой, отождествляет эту гору с горой Тлалок в земном раю и добавляет, что один из семи спасшихся полубогов начал строительство пирамиды Чолула в память о ней. Он намеревался, чтобы ее вершина достигла облаков, но боги, разгневанные его самонадеянностью, прогнали строителей молнией. В этом есть подозрительное сходство с библейскими историями. Не менее сказочным было отступление арауканцев. Это была трехвершинная гора, обладавшая свойством плавать на воде и называвшаяся Тег-Тег, Громовержец. Они верили, что это сохранит их в следующем, как и в последнем катаклизме, а поскольку единственным неудобством было то, что она слишком близко подходит к солнцу, они всегда держали под рукой деревянные чаши, чтобы использовать их как зонтики.[204-1](#)

Тесная связь, существовавшая когда-то между мифами о потопе и о сотворении мира, иллюстрируется тем, что во многих из них птицам отводится особая роль. Они летают над волнами, прежде чем появляется земля, хотя в значительной степени утрачивают значение ее появления на свет, которое придавалось им в космогониях как эмблемам божественного

духа. Голубь в древнееврейском рассказе предстает в рассказе алгонкинов как ворон, которого Михабо отправил на поиски земли, прежде чем ондатра принесла его со дна. В мифе атапасков ворон также спас их предков от всеобщего потопа, и в этом случае он четко отождествляется с могучей птицей-громовержцем, которая в самом начале повелела земле подняться из глубин. Подобно Прометею, она принесла огонь с небес и спасла их от второй смерти от холода.[205-1](#) Точно такие же благодетельные действия нэтчеzy приписывали маленькой красной кардинальской птице[205-2](#), а манданы и чероки активное участие в событиях приписывали диким голубям. Навахо и ацтеки считали, что вместо того, чтобы быть утопленными водами, люди превратились в птиц и таким образом спаслись. Во всех этих и подобных легендах птица является реликтом космогонического мифа, который объяснял происхождение мира действием ветров, под образом птицы, на первобытный океан.

В мексиканском кодексе Ватиканус № 3738 после картины потопа изображена птица, сидящая на вершине дерева, а у ее подножия - люди в походном порядке. Это было истолковано так, что после потопа люди были немые, пока голубь не передал им дар речи. Новомексиканские племена рассказывали, что все, кроме вождя тех, кто убежал в горы, потеряли дар речи от ужаса,[205-3](#) а киче - что допотопная раса была "куклами, людьми из дерева, без разума и языка". Эти истории, так напоминающие о смешении языков на Вавилонской башне или в Борсиппе, сомнительной достоверности. Первая - совершенно ошибочная интерпретация, как показал сеньор Рамирес, директор Музея древностей в Мексике. Название птицы на языке ацтеков было идентично слову "уход", и именно такое значение оно имеет на картине.[206-1](#)

Истории о гигантах былых времен, фигурах могучих размеров, вырисовывающихся сквозь туман веков, присущи всем народам. Они есть и у мексиканцев, и у перуанцев, и у других народов, но их связь с легендами о потопе и сотворении мира случайна и вторична. Если бы дело обстояло иначе, это не дало бы никаких дополнительных точек сходства с древнееврейским мифом, поскольку слово, обозначающее *гигантов* во фразе "и были гиганты в те дни", не имеет такого значения в оригинале. Это ошибка, которая вкралась в Септуагинту и с тех пор сохранилась, как и многие другие ошибки в принятом тексте.

Несколько примеров могут служить примерами всех этих американских мифов о потопе. Аббат Брассер перевел один из них из Кодекса Чимальпопока, работы на языке науатль Древней Мексики, написанной примерно через полвека после завоевания. Он выглядит следующим образом.

"И этот год был годом Се-калли, и в первый же день все было потеряно. Сама гора погрузилась в воду, и вода оставалась спокойной в течение пятидесяти двух весен.

К концу года Титлауан предупредил человека по имени Ната и его жену по имени Нена, сказав: "Не делайте больше пудьке, а сразу выдолбите большой кипарис и войдите в него, когда в месяц Тозоцтли вода поднимется к небу". Они вошли туда, и когда Титлауан закрыл дверь, он сказал: "Ты должен съесть только один колос маиса, и жена твоя тоже только один".

"Как только они закончили [есть], они вышли, и вода была спокойна, потому что бревно больше не двигалось; открыв его, они увидели много рыбы.

"Тогда они развели костер, скрепив куски дерева, и зажарили рыбу. Боги Цитлаллиникуэ и Цитлалатонак, глядя вниз, воскликнули: "Божественный Господь, что означает этот огонь внизу? Почему они так коптят небеса?"

Сразу же спустился Титлакауан Тескатлипока и начал браниться, говоря: "Что делает здесь этот огонь? И, схватив рыб, он вылепил их задние части и изменил их головы, и они сразу же превратились в собак".[207-1](#)

В часто цитируемых легендах киче говорится следующее.

"Тогда по воле Сердца Небесного воды вздыбились, и на манникинов из дерева обрушился великий потоп. Ибо они не думали и не говорили о Творце, который создал их и который вызвал их рождение. Они утонули, а с неба упала густая смола.

"Птица Ксекотковач вырвала им глаза; птица Камулац отрубила им головы; птица Коцбалам пожрала их плоть; птица Текумбалам переломала их кости и сухожилия и измельчила их в порошок".[207-2](#)

"Поскольку они не думали о своей Матери и Отце, Сердце Небес, чье имя Хуракан, поэтому лицо земли потемнело, и начался проливной дождь, ливень днем и дождь ночью.

"Тогда собрались всевозможные существа, малые и великие, чтобы поиздеваться над людьми в лицо; и все говорили, их жернова, их тарелки, их чашки, их собаки, их куры.

Собаки и куры сказали: "Очень плохо вы с нами обращались и кусали нас. Теперь мы кусаем вас в свою очередь".

"Сказали жернова: "Очень мучились мы от вас, и ежедневно, ежедневно, ночью и днем, *пищали, пищали, пищали, пищали, пищали*, ради вас. Теперь вы сами почувствуете нашу силу, и мы перемолем вашу плоть, и сделаем из ваших тел еду", - сказали жернова.[208-1](#)

И вот что сказали собаки: "Почему вы не дали нам еды? Не успели мы подойти, как вы нас прогнали, а палка всегда была под рукой, когда вы ели, потому что мы не умели говорить. Теперь мы воспользуемся нашими зубами и съедим тебя", - сказали собаки, раздирая морды.

А чашки и тарелки сказали: "Боль и страдание причинили вы нам, коптя наши верхушки и бока, готовя нас огне, обжигая и причиняя нам боль, как будто у нас не было чувств.[209-1](#) Теперь ваша очередь, и вы будете гореть", - обиженно сказали чашки.

"В отчаянии люди бегали туда-сюда. Они взбирались на крыши домов, но дома рушились под их ногами; они пытались взобраться на верхушки деревьев, но деревья отбрасывали их далеко от себя; они искали убежища в пещерах, но пещеры закрывались перед ними.

"Так была погублена эта раса, которой суждено было быть уничтоженной и поверженной; так они были преданы разрушению и презрению. И говорят, что их потомство - это те маленькие обезьянки, которые живут в лесах".[209-2](#)

На традицию алгонкинов часто ссылались. Сохранилось множество его версий, самой старой и достоверной из которых является та, что была переведена с диалекта Монтанье отцом ле Жене в 1634 году.

"Однажды, когда Мессю охотился, волки, которых он использовал в качестве собак, зашли в большое озеро и задержались там.

Мессу искал их повсюду, но одна птица сказала ему: "Я вижу их в середине этого озера".

"Он вошел в озеро, чтобы спасти их, но озеро, переполнившись, покрыло землю и разрушило мир.

"Мессу, очень удивленный этим, послал ворона найти кусок земли, чтобы заново землю, но птица не смогла его найти; тогда он приказал выдре нырнуть за землей, но животное вернулось пустым; наконец, он спустил ондатру, которая вернулась с очень маленьким куском, которого, однако, было достаточно, чтобы Мессу сформировал землю, на которой мы находимся.

"Деревья потеряли свои ветви, он пустил стрелы в их голые стволы, которые стали их конечностями, отомстил тем, кто задержал его волков, и, женившись на ондатре, заселил ею мир".

В заключение можно привести скучную легенду о бразильских тупи, услышанную от Ганса Штадена, находившегося среди них в плену около 1550 года, и Кореала, более позднего путешественника. В их древних песнях рассказывается, что давным-давно некий очень могущественный Маир, то есть чужеземец, который люто ненавидел их предков, подверг их уничтожению в результате сильного наводнения. Лишь немногим удалось спастись: одни забрались на деревья, другие - в пещеры. Когда воды спали, остатки собрались вместе и постепенно заселили мир.[210-1](#)

Или же не менее древний авторитет сообщает следующее: "Монан, без начала и конца.

"Монан, без начала и конца, автор всего сущего, видя неблагодарность людей и их презрение к тому, кто сделал их такими радостными, удалился от них и послал на них *тата*, божественный огонь, который сжег все, что было на поверхности земли. Он разметал огонь так, что в одних местах воздвиг горы, а в других вырыл долины. Из всех людей спасся один-единственный Ирин Монж, которого Монан унес на небо. Он, видя, что все уничтожено, обратился к Монану с такими словами: "Неужели ты уничтожишь и небеса с их убранством? Увы! Где отныне будет наш дом? Зачем мне жить, если нет другого такого, как я? Тогда Монан преисполнился жалости и пролил на землю проливной дождь, который угасил огонь и, стекая со всех сторон, образовал океан, который мы называем *парана*, горькие воды".[211-1](#)

В этих рассказах я не пытался смягчить остроты и скрыть детскость, которая сквозит в них. Но нет повода удивляться этим особенностям или основывать на них какое-либо неблагоприятное мнение об умственных способностях их авторов и верующих. Мы можем вернуться к колыбели нашей собственной расы в Центральной Азии и найти традиции, ничуть не уступающие младенческим. Я не могу воздержаться от добавления самого раннего арийского мифа о том же великом происшествии, как он передан нам в древней санскритской литературе. Будет видно, что он мало чем, если вообще чем-нибудь, превосходит только что приведенные.

"Рано утром Ману принесли воду, чтобы он омылся; когда он хорошо умылся, в его руки попала рыба.

"Она сказала ему такие слова: "Береги меня, я спасу тебя". От чего ты меня спасешь?" - "Потоп унесет всех существ; я хочу, чтобы ты спасся". Но как мне позаботиться о тебе?

Рыба ответила: "Пока мы маленькие, есть не одна смертельная опасность, ведь одна рыба проглатывает другую. Прежде всего, ты должна поместить меня в вазу. Затем, когда я

превышу ее по размеру, ты должен вырыть глубокий ров и поместить меня в него. Когда же я стану слишком велик для нее, брось меня в море, ибо тогда я буду вне опасности смерти".

"Вскоре она превратилась в огромную рыбу; она выросла просто поразительно. Тогда она сказала Ману: "В такой-то год наступит потоп. Ты должен построить судно, а затем воздать мне почести". Когда воды потопа поднимутся, войди в судно. Я спасу тебя".

"Позабывшись таким образом о рыбе, Ману опустил ее в море. В тот же год, когда рыба сказала, в этот же год, построив судно, он воздал рыбе почести. После потопа он вошел в судно. Рыба плавала рядом с ним. К ее рогу Ману прикрепил корабельный канат, с помощью которого рыба миновала Северную гору.

Рыба сказала: "Видишь! Я спасла тебя. Привяжи судно к дереву, чтобы вода не унесла тебя дальше, когда ты окажешься на вершине горы. По мере того как вода будет убывать, ты будешь понемногу спускаться вниз". Так Ману постепенно спустился вниз. Поэтому гора на севере так и называется - Спуск Ману. Потоп уничтожил все существа, выжил только Ману".[.213-1](#)

До сих пор я рассказывал только о последнем потопе, прокатившемся по лицу земного шара, и лишь об одном цикле, предшествовавшем нынешнему. Большинство диких племен довольствовались этим, но поучительно наблюдать, как по мере развития культуры и более пристального внимания к великим проблемам Жизни и Времени их побуждали все дальше и дальше отодвигать туманное и загадочное Начало. Перуанцы представляли, что *произошло* два уничтожения: первое - голодом, второе - наводнением: по мнению некоторых, спаслись лишь немногие, но, согласно более распространенному мнению, это сопровождалось абсолютным исчезновением расы. Из трех яиц, упавших с небес, вылупилась нынешняя раса; одно из золота, из которого вышли жрецы; одно из серебра, из которого появились воины; и последнее из меди, источник простого народа.[.213-2](#)

Майя Юкатана увеличили предыдущие миры на один, сделав нынешний *четвертым*. Два цикла завершились разрушительной чумой. Их называли "внезапными смертями", поскольку, как говорили, вредители были настолько быстрыми и смертоносными, что канюки и другие поганые птицы поселялись в домах городов и поедали тела их бывших хозяев. Третья закрывалась либо ураганом, который дул сразу со всех четырех сторон, либо, как говорили другие, наводнением, которое прокатывалось по всему миру, поглощая все вещи в своих горных потоках.[.214-1](#)

Как и следовало ожидать, энергичный интеллект ацтеков придал этому мифу четкость очертаний, не встречавшуюся больше нигде на континенте, и тесно вплел его в свои астрологические грезы и религиозные теории. Не зная о его распространенности в более рудиментарных формах на всем континенте, Александр фон Гумбольдт заметил, что "из всех черт аналогии, которые можно указать между памятниками, нравами и традициями Азии и Америки, наиболее поразительной является та, которую предлагает мексиканская мифология в космогоническом вымысле о периодических разрушениях и возрождениях вселенной".[.215-1](#) Однако это всего лишь тот же самый вымысел, который существовал и в других местах, только несколько более определенно очерченный. Существуют большие расхождения между различными авторитетами, как в отношении количества ацтекских эпох или Солнц, как их называли, так и в отношении их продолжительности, их окончания и их названий. Перевес свидетельств в пользу *четырех* предшествующих циклов, а нынешний *является пятым*. Интервал от первого творения до начала нынешней эпохи, из-за двусмысленного значения цифровых знаков, выражающих его в картинных письменах, мог составлять либо 15228, либо 2316, либо 1404 солнечных года. Почему были выбраны именно

эти числа, никто не угадал. Его искали в комбинациях чисел, связанных с календарем, но пока безрезультатно.

Хотя большинство авторитетов сходятся во мнении о характере разрушений, прекращавших существование солнц, они сильно расходятся в их последовательности. Вода, ветры, огонь и голод - вот агентства, и в одном кодексе (Vaticanus) они происходят именно в таком порядке. Гама дает последовательность: голод, ветры, огонь и вода; Гумбольдт - голод, огонь, ветры и вода; Ботурини - вода, голод, ветры, огонь. Поскольку цикл, заканчивающийся голодом, называется веком Земли, Терно-Компанс, выдающийся французский *американист*, предположил, что четыре Солнца мистически соответствуют господству, осуществляемому в свою очередь над миром четырьмя составляющими его элементами. Но не хватает доказательств того, что ацтекские философы знали теорию, на которую опирается это объяснение.

Барон Гумбольдт предположил, что солнца были "выдумками мифологической астрономии, измененными либо неясными воспоминаниями о каком-то великом перевороте, пережитом нашей планетой, либо физическими гипотезами, подсказанными видом морских окаменелостей и ископаемых останков"[216-1](#), а аббат Брассёр в своих поздних работах о древней Мексике интерпретирует их как преувеличенные ссылки на исторические события. Поскольку нельзя принять ни одного решения, которое не было бы в равной степени применимо к одному и тому же мифу, как он появляется в Юкатане, Перу и у охотничьих племен, и к точно параллельным учениям Эдды,[216-2](#) стоиков, кельтов и брахманов, оба эти варианта должны быть отвергнуты. И хотя индуистская легенда настолько близка к ацтекской, что тоже определяет четыре эпохи, каждая из которых заканчивается общей катастрофой, и каждая катастрофа точно такая же в обеих[216-3](#), это вовсе не свидетельствует о происхождении от одного оригинала, а просто иллюстрирует, как человеческий разум, под воздействием одних и тех же интеллектуальных влечений, приводит к похожим результатам. Что это за стремления, уже было показано.

Причина принятия четырех возрастов, в результате чего стал пятым, вероятно, связана с сакральностью этого числа в целом; но непосредственно с тем, что именно столько светских дней было в мексиканской неделе. Параллель предлагает древнееврейское повествование. В нем шесть эпох или дней предшествуют седьмому или настоящему циклу, в котором покоится творческая сила. Этот последний день соответствует еврейской субботе, дню отдыха; и в мексиканском календаре каждый пятый день также был днем отдыха, занятым маркетингом и удовольствиями.

Несомненно, теория о веках мира долгое время была в ходу у ацтеков, прежде чем приобрела ту определенную форму, в которой мы имеем ее сейчас; а поскольку она была получена задолго до того, как был установлен календарь, вполне вероятно, что последний использовался в качестве руководства для первого. Эчеваррия, хороший авторитет в таких вопросах, говорит, что число Солнц было согласовано на конгрессе астрологов, не выходящем за рамки традиции.[217-1](#) Теперь в календаре эти знаки располагаются в порядке: земля, воздух, вода, огонь, что соответствует дням, обозначаемым символами дом, кролик, тростник и кремьень. Эта последовательность, начинающаяся с Тохтли (кролик, воздух), является той, которая приводится как последовательность Солнц в Кодексе Чимальпопока, переведенном Брассером, хотя кажется, что в ней есть отпечаток европейского учения, когда добавляется, что на *седьмой* день творения был сформирован человек.[217-2](#)

Ни евреи, ни ацтеки, ни вообще какой-либо американский народ, похоже, не предполагали, как некоторые из старых философов, что нынешний цикл является точным повторением предыдущих,[218-1](#) а скорее, что каждый из них является улучшением предыдущего, шагом в бесконечном прогрессе. Ни один из них не связывал эти убеждения с астрономическими грезами о великом годе, определяемом возвращением небесных тел в одно относительно положение на небосводе. Последнее представляется характерным для реализма Европы, первое - для идеализма Востока; и то и другое несовместимо со скудной астрономией и еще более скудной метафизикой красной расы.

Ожидание конца света является естественным дополнением к вере в периодические разрушения нашего земного шара. Как в некоторые времена прошлого равновесие природы было утрачено, и стихии, нарушая цепь связывающих их законов, буйствовали во вселенной, вовлекая все живое в один безумный хаос и опустошение, так и в будущем мы должны ожидать того рокового дня, когда океанские приливы и отливы не будут подчиняться никаким берегам, или огонь, ныне клокочущий в вулканических кратерах и дымящихся источниках, выплеснется на леса и луга, окутывая все вокруг извилистым пламенем и растапливая самые стихии яростным жаром. Тогда, говоря языком норвежской пророчицы, "солнце потемнеет, земля утонет в водах, яркие звезды погаснут, а высокое пламя поднимется к самому небу".
[218-2](#) Эти страшные предчувствия бросают свою мрачную тень на любую литературу. Северная провидица лишь в более диких красках рисует ужасные картины Сенеки,[219-1](#) а сивилла Капитолия лишь повторяет вдохновенные предсказания Малахии. Хорошо сказал христианский поэт: "Dies iræ, dies illæ".

*Dies iræ, dies illa,
Solvat sæclum in favillâ,
Testis David cum Sibyllâ.*

Дикие расы, изолированные в непроходимых лесах другого континента, не могли избежать этого страшного предчувствия грядущей гибели. Оно угнетало их души, словно свинцовый груз. В последнюю ночь каждого цикла из пятидесяти двух лет ацтеки гасили все костры и торжественной процессией направлялись к какому-нибудь священному месту. Затем жрецы с трепетом и благоговением пытались разжечь новый огонь с помощью трения. Это начинание было крайне важным, ведь в случае неудачи их отцы учили их, что назавтра не взойдет солнце, и тьма, смерть и воды навсегда опустятся в этот прекрасный мир.

Тот же ужас внушало перуанцам каждое затмение, ибо однажды, учили амауты, тень навсегда заслонит солнце, и земля, луна и звезды окажутся в вихре пожирающего пламени, не знающего возрождения; Или засуха увянет всякая полевая трава, высосет воды и оставит род погибать до последнего существа; или луна упадет со своего места в небесах и вовлечет все вещи в свою гибель, что означает, что воды затопят землю.[220-1](#) В тот страшный день, думали алгонкины, когда в гнев Миабо пошлет смертельный мор, чтобы уничтожить народы, или, топнув ногой по земле, вспыхнет пламя, чтобы поглотить пригодную для жизни землю, только пару или, самое большее, тех, кто сохранил в неприкосновенности предписанные им институты, он защитит и сохранит для обитания в новом мире, который он затем создаст. Поэтому они не говорят об этой катастрофе как о конце света, а используют одно из тех приятных грамматических различий, которые так часто встречаются в языках американских аборигенов и которые можно только имитировать, а не интерпретировать в наших, означающих "когда он будет близок к своему концу", "когда он больше не будет доступен для человека".[220-2](#)

Древнее пророчество, переданное от предков, предупреждает виннебаго, что их нация будет уничтожена в конце тринадцатого поколения. Десять уже прошло, и ныне живущие назначили церемонии, чтобы умиловить небесные силы и смягчить свой суровый указ.²²⁰⁻³ И пусть они не сомневаются в этом, ведь есть мрачная вероятность того, что предупреждение исходило не от лжепророка. Немногие племена были лишены подобных предчувствий. Чикасоу, манданы на Миссури, индейцы пуэбло в Нью-Мексико, муиски в Боготе, ботокудо в Бразилии, арауканы в Чили, как утверждают свидетельства, не оставляющие места для скептицизма, питали подобные предчувствия с незапамятных времен. Вполне достаточно для этой цели, если завершить список предсказанием жреца майя, которое жители Юкатана лелеяли задолго до того, как испанцы опустошили их величественные города. Это одно из тех, которые сохранил отец Лизана, куратор Ицамаля, и оригинал которого он приводит. Другие свидетели сообщают нам, что у этого народа "была традиция, что мир закончится"²²¹⁻¹, и, вероятно, как греки и ацтеки, они предполагали, что боги погибнут вместе с ним.

"В конце веков было постановлено,
Должен погибнуть и исчезнуть каждый слабый бог людей,
И мир будет очищен яростным огнем.
Счастлив тот человек в тот страшный день,
Кто с раскаяньем сокрушается о грехах своей жизни,²²¹⁻²
И без колебаний встретит огненное испытание".

¹⁹³⁻¹ Насколько это относится к эскимосам, можно поставить под сомнение на основании авторитета Пауля Эггеде, чья ценная *knura* "*Nachrichten von Grönland*" содержит несколько мифов о потопе и т. д. Но эти эскимосы на протяжении многих поколений общались с европейскими миссионерами и мореплавателями, а поскольку другие племена, принадлежащие к их роду, в высшей степени лишены соответствующих традиций, вполне вероятно, что в Гренландии они имеют иностранное происхождение.

¹⁹⁴⁻¹ Pictet, *Origines Indo-Européennes* в Michelet, *La Mer*. У последнего есть много красноречивых и поразительных замечаний о впечатлениях, оставленных великим океаном.

¹⁹⁵⁻¹ "Spiritus Dei incubuit superficei aquarum" - так переводит один писатель. Слово "дух" на иврите, как и на латыни, первоначально означало ветер, как я уже отмечал ранее.

¹⁹⁵⁻² Schoolcraft, *Ind. Tribes*, i. p. 266.

¹⁹⁶⁻¹ Mackenzie, *Hist. of the Fur Trade*, p. 83; Richardson, *Arctic Expedition*, p. 239.

¹⁹⁶⁻² Ximenes, *Or. de los Ind. de Guat.*, pp. 5-7. Я перевожу вольно, следуя Ксименесу, а не Брассеру.

¹⁹⁷⁻¹ Garcia, *Or. de los Indios*, lib. v. cap. 4.

¹⁹⁷⁻² *Doc. Hist. of New York*, iv. p. 130 (ок. 1650 г.).

¹⁹⁷⁻³ *Rel. de la Nouv. France*, An 1636, p. 101.

¹⁹⁸⁻¹ *Rel. de la Nouv. France*, An 1634, p. 13.

¹⁹⁹⁻¹ *Завоевание Мексики*, i. p. 61.

200-1 Например, Эпиктет поддерживает мнение, что во время солнцестояний великого года уничтожаются не только все люди, но и боги, и размышляет, не чувствует ли себя в это время одиноким Юпитер (*Discourses*, bk. iii. chap. 13). Макробий, отнюдь не совпадая с ним, объясняет великую древность египетской цивилизации гипотезой, что эта страна так удачно расположена между полюсом и экватором, что избежала и потопа, и пожара великого цикла (*Somnium Scipionis*, lib. ii. cap. 10).

201-1 Schoolcraft, *Ind. Tribes*, iii. p. 263, iv. p. 230.

201-2 Oviedo, *Hist. du Nicaragua*, pp. 22, 27.

201-3 Müller, *Amer. Urrelig.*, p. 254, от Макса и Дениса.

202-1 Morse, *Rep. on the Ind. Tribes*, App. p. 346; D'Orbigny, *Frag. d'un Voyage dans l'Amér. Mérid.*, p. 512.

202-2 Когда, как в случае с одним из мексиканских Ноев, Кокскоксом, это не подтверждается, это, вероятно, связано с потерей реальной формы мифа. Кокскокс также известен под именем Сипактли, бог-рыба, и Huehue tonaca cipactli, Старый бог-рыба нашей плоти.

202-3 Мои знания о санскритской форме мифа о потопе почерпнуты главным образом из диссертации профессора Феликса Неве, озаглавленной *La Tradition Indienne du Deluge dans sa Forme la plus ancienne*, Paris, 1851. В древнейших версиях нет четкого упоминания о доэдилувианской расе, а в Индии Ману по общему согласию является Адамом, а также Ноем в их легендах.

203-1 Prescott, *Conquest of Peru*, i. p. 88; *Codex Vaticanus*, No. 3776, in Kingsborough.

203-2 А также различные особенности стиля и языка, утерянные при переводе. Два рассказа о потопе приводятся рядом в *Словаре Библии* д-ра Смита под словом Пятикнижие.

203-3 См. диссертацию профессора Неве, упомянутую выше.

203-4 *American State Papers*, Indian Affairs, i. p. 729. Дата легенды - 1801 год.

204-1 Molina, *Hist. of Chili*, ii. p. 82.

205-1 Richardson, *Arctic Expedition*, p. 239.

205-2 Дюмон, *Mems. Hist. sur la Louisiane*, i. p. 163.

205-3 Schoolcraft, *Ind. Tribes*, v. p. 686.

206-1 Desjardins, *Le Pérou avant la Conq. Espagn.*, p. 27.

207-1 Код. Chimalpopоса, в Brasseur, *Hist. du Mexique*, Pièces Justificatives.

207-2 Эти четыре птицы, чьи имена утратили свое значение, несомненно, представляют четыре ветра или четыре реки, которые, как и во многих других легендах, являются активными агентами, разрушающими мир во время его великих кризисов.

208-1 Слово "мельничный камень" в оригинале означает те большие полые камни, на которых женщины привыкли сбивать маис. Подражательные звуки, которые я заменил другими английскими, в языке киче звучат так: *холи, холи, хуки, хуки*.

209-1 Брассер переводит "quoique nous ne sentissions rien", а Сименес: "nos quemasteis, y sentimos el dolor". Насколько я могу судить по оригиналу, это отрицательное условное наклонение, как я и привел его в тексте.

209-2 *Le Livre Sacré*, p. 27; Ximenes, *Or. de los Indios*, p. 13.

210-1 Американские народы, среди которых был обнаружен отчетливый и хорошо подтвержденный миф о потопе, следующие: атапаски, алгонкины, ирокезы, чероки, чикасо, каддо, натчез, дакоты, апачи, навахо, манданы, индейцы пуэбло, ацтеки, миштеки, сапотечи, тласкаланы, Мечоаканцы, тольтеки, науа, майя, киче, гаитяне, уроженцы Дарьена и Попояна, муискас, кичуа, тупинамбас, ачагуа, арауканы и, несомненно, другие. Статья М. де Шаренси в *Revue Américaine*, *Le Deluge, d'après les Traditions Indiennes de l'Amérique du Nord*, содержит несколько ценных выдержек, но омрачена отсутствием критики источников, не делает попыток анализа и не предлагает рационального объяснения их существования.

211-1 *Une Fête Brésilienne célébré à Rouen en 1550, par M. Ferdinand Denis*, p. 82 (цитируется по *Revue Américaine*, ii. p. 317). Родные слова в этом рассказе гарантируют его подлинность. В языке тупи *tama* означает огонь; *парана* - океан; монан, возможно, от *monáne* - смешивать, закалять, как гончар глину (*Dias, Diccionario da Lingua Tupy*: Lipsia, 1858). *Irin monge* может быть старой формой от *mongat-iron*, приводить в порядок, восстанавливать, улучшать (*Martius, Beiträge zur Ethnographie und Sprachenkunde Amerika's*, ii. p. 70).

213-1 Профессор Нев, *ubi supra*, из Затапатха Брахманы.

213-2 Авендано, *Проповеди*, Лима, 1648, в Риверо и Тшуди, *Перув. Antiqs.*, p. 114. В 1600 году Оньяте обнаружил на побережье Калифорнии племя, идол которого держал в одной руке скорлупу, содержащую три яйца, в другой - колос маиса, а перед ним стояла чаша с водой. Вискаино, посетивший тот же народ через несколько лет после этого, упоминает, что они держали в своих храмах прирученных ворон и считали их священными птицами (*Torquemada, Mon. Ind.*, lib. v. cap. 40 in Waitz). Таким образом, во всех частях континента мы находим птицу, как символ облаков, связанную с дождями и урожаем.

214-1 Потоп назывался *hun yecil*, что, согласно Коголлудо, означает *затопление деревьев*, поскольку все леса были сметены (*Hist. de Yucathan*, lib. iv. cap. 5). Епископ Ланда в подтверждение легенды добавляет, что все леса полуострова выглядят так, будто их посадили в одно время, и, глядя на них, можно сказать, что их подстригали ножницами (*Rel. de las Cosas de Yucatan*, 58, 60).

215-1 *Vues des Cordillères*, p. 202.

216-1 *Ubi sup.*, p. 207.

216-2 Скандинавы верили, что Вселенная была уничтожена девять раз: - Ni Verdener yeg husus.

Ni Verdener yeg husker,
Og ni Himle,

говорит волуспа (i. 2, в Klee, *Le Deluge*, p. 220). Я заметил, что некоторые английские писатели на основании этих строк предполагают, что северяне верили в существование девяти обителей для блаженных. Это не соответствует смыслу оригинала.

216-3 По крайней мере, такова доктрина одной из шаштр. Род, учит она, был уничтожен четыре раза: сначала водой, затем ветрами, в третий раз земля поглотила их, а в последний раз огонь уничтожил их (Sepp., *Heidenthum und Christenthum*, i. p. 191).

217-1 Echevarria y Veitia, *Hist. de la Nueva España*, lib. i. cap. 4, in Waitz.

217-2 Brasseur, *Hist. du Mexique*, iii. p. 495.

218-1 Из таких выражений автора книги Екклесиаста, как "то, что было, есть сейчас, а то, что будет, уже было" (гл. iii. 15) и т. п., действительно можно сделать вывод об обратном, но они могут быть применены исключительно субъективно.

218-2 Voluspa, xiv. 51, в Klee, *Le Deluge*.

219-1 *Natur. Quæstiones*, iii. cap. 27.

220-1 Velasco, *Hist. du Royaume du Quito*, p. 105; Navarrete, *Viages*, iii. p. 444.

220-2 *Rel. de la Nouv. France*, An 1637, p. 54; Schoolcraft, *Ind. Tribes*, i. p. 319, iv. p. 420.

220-3 Schoolcraft, *ibid.*, iv. p. 240.

221-1 Cogolludo, *Hist. de Yucathan*, lib. iv. cap. 7.

221-2 Испанский язык Лизаны таков.

"En la ultima edad, segun esta determinado,
Завершится культ ваносов;
И мир очистится от огня.
El que esto viere sera callamado dichoso
Si con dolor lloraré sus pecados."

(*Hist. de Nuestra Señora de Itzamal*, in Brasseur, *Hist. du Mexique*, ii. p. 603). Я попытался получить более буквальный перевод из оригинала майя, но не преуспел.

ГЛАВА VIII.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

Обычно человек рождается на Земле, как в языке, так и в мифах. - Иллюстрации из легенд карибов, апалачей, ирокезов, кичуа, ацтеков и других. - Подземный мир. - Человек - продукт одной из первичных творческих сил, Духа или Воды, в мифах атапасков, эскимосов, моксосов и других. - Никогда буквально не происходит от низшего вида.

Ни один человек не может избежать назойливого вопроса: "Откуда я? Первые ответы на него представляют для вдумчивого человека интерес, превосходящий интерес к простым басням. Они иллюстрируют положение в творении, на которое претендует наша раса, и ранние проявления самосознания. Часто самые древние термины, обозначающие человека, являются синопсисами этих ответов и заслуживают более чем беглого рассмотрения.

Семя скрыто в земле. Согретое солнцем, политое дождем, оно в скором времени вырывается из своей темной тюрьмы, разворачивает свои нежные листья, распускается и созревает плод. Закончив свою работу, земля снова притягивает его к себе, возвращает различные структуры в их первоначальную форму, и бесконечный круг возобновляется.

Именно этот чудесный процесс поражал первобытный ум. Из Земли возникает жизнь, в нее же она и возвращается. Именно она охраняет все микроорганизмы, питает все существа. Ацтеки рисовали ее в виде женщины с бесчисленными грудями, перуанцы называли ее Мама Allpa, мать-Земля. *Homo, Adam, chamaigenēs* - что означают все эти слова, кроме как рожденный землей, сын земли, повторенный в поэтическом языке Аттики в *anthropos*, тот, кто распускается как цветок?

Слово, соответствующее латинскому *homo* в американских языках, имеет такое необычное единообразие во многих из них, что мы могли бы склониться к тому, чтобы считать его фрагментом какого-то древнего и общего языка, их родительского ствола. У эскимосов это *inuk, innuk*, множественное число *innuit*; у атапасков - *dinni, tenné*; у алгонкинов - *inini, lenni, inwi*; у ирокезов - *onwi, eniha*; у отоми в Мексике - *n-aniehe*; у майя - *inic, winic, winak*; все в Северной Америке, и число их можно продолжить. Из них только последнее упомянутое можно правдоподобно отнести к радикалу (если только ирокезское *onwi* не происходит от *onpha* - жизнь, *onphe* - жить). Отец Ксименес выводит его от *win*, означающего расти, набирать, увеличиваться,[223-1](#) , в котором аналогия с растительной жизнью не так уж далека, аналогия, усиленная мифом о том, что первые люди были сформированы из муки маиса.[223-2](#)

Во многих других случаях религиозная легенда воплощает эту идею. Мифический предок карибов создал свое потомство, засеяв землю камнями или плодами маврикийской пальмы, которые проросли в мужчин и женщин,[224-1](#) а юрукаре, большая часть мифологии которых, возможно, была заимствована у перуанцев, облекали этот грубый постулат в несколько более поэтическую форму, рассказывая, что вначале первые из людей были заколочены, подобно Ариэлю, в узловатые внутренности огромной дыры, пока бог Тири - второй Просперо - не освободил их, расщепив ее надвое.[224-2](#)

Как в восточных легендах происхождение человека из земли скрывалось под рассказом о том, что он был отпрыском какой-то горы, оплодотворенной объятиями Митры или Юпитера, так и индейцы часто указывали на какую-то высоту или пещеру, как на место, откуда первые люди вышли, взрослые и вооруженные, из чрева Всематери-Земли. Древнейшее название гор Аллегани - Пемотинк или Пемолник, алгонкинское слово, значение которого, как говорят, "происхождение индейцев".[224-3](#)

У витчитас, которые жили на Красной реке среди гор, названных в их честь, есть предание, что их прародители вышли из скал около их домов,[225-1](#) и многие другие племена, например, тахкали, навахо, койотерас и гаитяне, выдвинули это утверждение, чтобы быть автохтонами. Большинство авторов интерпретируют это просто как то, что они вообще ничего не знали о своем происхождении, или что они придумали эти басни только для того, чтобы укрепить право собственности на территорию, которую они населяли, когда увидели, что белые жадно отбирают ее под любым предлогом. Несомненно, в этом есть доля правды, но если внимательно изучить эти мифы, то иногда в них можно найти глубокий исторический смысл, который до сих пор ускользал от внимания студентов. В качестве примера можно привести нашу страну.

Все те племена, крики, семинолы, чокто, чикасо и натчез, которые, согласно традиции, в далекие времена были объединены в одну общую конфедерацию под предводительством

последнего из них, единодушно определили свое самое раннее происхождение вблизи искусственной возвышенности в долине Большой Черной реки, в стране натчез, откуда они, как утверждается, и появились. К счастью, у нас есть описание, хотя и краткое, этого интересного памятника из уст умного путешественника. Он описывается как "возвышение земли площадью около полумили и высотой пятнадцать или двадцать футов. От северо-восточного угла стена такой же высоты тянется почти на полмили к возвышенности". Это был Нунне Чаха или Нунне Хамгех, Высокий холм или Изгибающийся холм, известный в рассказах чокто, который, как обнаружил капитан Грегг, они еще не забыли в своем западном доме. По легенде, в его центре была пещера, дом Мастера Дыхания. Здесь он создал первых людей из глины, которая была вокруг него, а поскольку в то время воды покрывали землю, он поднял стену, чтобы высушить их. Когда мягкая грязь затвердела, превратившись в упругую плоть и прочную кость, он изгнал воды в их каналы и русла, а сухую землю отдал своим созданиям.²²⁶⁻¹ Когда в 1826 году Альберт Галлатин получил от вождей племени натчез словарь их языка, они дали ему в качестве слова, обозначающего холм, точно такое же слово, которое за столетие с четвертью до этого французы нашли среди них в качестве высшего термина для обозначения Бога;²²⁶⁻² обратный пример древних греков, которые со временем стали говорить об Олимпе, сначала являвшемся собственным именем пика в Фессалии, как о синониме небес и Юве.

Параллель этой южной легенде встречается среди шести наций севера. Они с единодушным согласием, если верить рассказу Кушича, смотрели на гору у впадения реки Освего в штате Нью-Йорк как на место, где их праотцы впервые увидели свет дня, и о том, что у них была такая легенда, свидетельствует название Онейда, люди камня.

Пещера Пакари Тампу, "Жилище Рассвета", находилась в пяти лигах от Куско, была окружена священной рощей и обнесена храмами великой древности. Из ее священных недр вышли мифические цивилизаторы Перу, первые из людей, и в ней во время потопа остатки расы спаслись от ярости волн.²²⁷⁻¹ Говорят, что там обитал сам Виракоча, хотя вряд ли нужны такие доказательства, чтобы убедиться, что эта освященная пещера - лишь локализация общего мифа о рассвете, восходящем из глубины. В качестве прототипа он отсылает нас к аллегории аймаера об утреннем свете, бросающем свои лучи, как белоснежную пену, на волны озера Титикака.

Согласно древней легенде, ацтеки вывели свою нацию из места под названием Чикомозток, "Семь пещер", расположенного к северу от Мексики. Антиквары строят всевозможные догадки о том, что это значит. Саагун объясняет это как долину, названную таким образом; Клавигеро предполагает, что это был город; Гамильтон Смит, а за ним и Школькрафт, считают, что пещеры - это фигура речи, обозначающая *лодки*, на которых первые американцы переправлялись из Азии(!); аббат Брассер смешивает его с Ацтланом, и очень многие обнаружили в нем явную ссылку на сказочные "семь городов Киболы" и Касас Грандес, руины больших зданий из необожженного кирпича в долине реки Гила. Из этой истории возникло предполагаемое семикратное деление нахуа - деление, которое никогда не существовало, кроме как в воображении европейцев. Когда Торквемада добавляет, что *семь* богов-героев правили в Чикомозтоке и были прародителями всех его жителей, когда один из них оказывается Селхуа, великаном, который вместе с шестью другими спасся от потопа, поднявшись на гору Тлалок в земном раю, и после этого построил пирамиду Чолула, А если вспомнить, что в одном из мифов о потопе говорится о *семи* спасшихся от воды, то все повествование приобретает сказочный аспект, который исключает его из истории и причисляет к тем вымыслам о происхождении человека из земли, которые так характерны для этой расы. Выдумки, но все же правды; ведь пещеры и полые деревья на самом деле

были домами и храмами наших первых родителей, и из них они отправились покорять и украшать мир; а из неорганических составляющих почвы, на которые воздействовал Свет, которых коснулась Божественная сила, которых оживил Дух, на самом деле произошли первые люди.

Эта пещера, смутно сохранившаяся в памяти народов, время от времени расширялась, превращаясь в неземной мир, который, как считается, лежит под нашим, и до сих пор населен существами нашего вида, которым так и не посчастливилось обнаружить его выход. Манданы и миннетари на реке Миссури полагали, что этот выход находится возле определенного холма на их территории, и поскольку он был как бы чревом земли, ему приписывалась та же сила, которая в древние времена наделяла некоторые святыни такими чарами; и туда часто совершали паломничество бесплодные жены их народа, когда хотели стать матерями.²²⁹⁻¹ Манданы добавили несколько грубоватую басню о том, что средством подъема была виноградная лоза, по которой многие поднимались и спускались, пока однажды неумеренно толстая старуха, желая взглянуть на верхнюю землю, не сломала ее своим весом и не предотвратила дальнейшее общение.

Подобные рассказы о подземном мире очень часты среди индейцев и являются естественным следствием буквальной веры в то, что раса рождена на земле.

Человек действительно подобен траве, которая вырастает и вскоре увядает; но он и нечто большее. Квинтэссенция пыли, он - сын богов, а также сын земли. Он - прямой продукт великой творческой силы; поэтому все племена атапасков к западу от Скалистых гор - кенаи, колуши и атнаи - утверждают, что происходят от ворона - от той самой могучей птицы-облака, которая в начале времен овладела стихиями и вывела мир из бездны первобытного океана. Представители того же рода, живущие восточнее, - догрибы, чепевянцы, индейцы харе, а также эскимосы западного побережья и аборигены Алеутских островов - считают, что произошли от собаки.²²⁹⁻² Последнее животное, как мы уже видели, и в старом, и в новом мире было неизменным символом водной богини. Поэтому в этих мифах, которые встречаются на стольких тысячах квадратных лиг, мы не можем ошибиться, увидев рефлекс уже обсуждавшихся космогонических традиций, в которых от ветров и вод, представленных здесь под своими эмблемами птицы и собаки, происходила вся одушевленная жизнь.

Без этой символической окраски у племени к югу от них, группы миннетареев, существовало грубое предание о том, что их первый прародитель вышел из вод, неся в руке колос маиса,²³⁰⁻¹ очень похоже на то, как Виракоча и его спутники поднялись из священных волн озера Титикака, или как моксос представляли, что они произошли от озер и рек, на берегах которых были расположены их деревни.

Эти и многие другие мифы намекают на общие представления о жизни и мире, на широко распространенные теории древнего происхождения, таких, каких мы не привыкли ожидать у диких народов, таких, которые могут вызвать вполне оправданное сомнение в их исконном происхождении, но это сомнение безошибочно рассеивается при тщательном сравнении лучших авторитетов. Неужели до сих пор, гордясь своей интеллектуальной культурой, мы не отдавали должное мыслительным способностям тех, кого мы называем варварами? Или же мы должны принять другую альтернативу, что это неоцененные реликвии, завещанные грубой расе периодом высшей цивилизации, давно угасшей из-за постоянных войн и непрекращающегося страха? Мы еще не готовы ответить на эти вопросы. С почти единодушного согласия последний вариант был принят в качестве истинного решения, но скорее исходя из предвзятой теории о состоянии первобытной цивилизации, из которого человек пал, чем из установленных фактов.

Возможно, было бы слишком далеко заходить в символизме, чтобы объяснять как эмблему первобытных вод койота, который, по мнению калифорнийских корнекопателей, привел их предков в мир; или волка, который, по мнению ленни-ленапе, освободил человечество из темных недр земли, выцарапав почву. Скорее их следует интерпретировать на основе любопытного обычая тукавеев, дикого народа в Техасе, хищного и непокорного. Они отмечают свое происхождение грандиозным ежегодным танцем. Один из них, обнаженный, как и родился, закапывается в землю. Остальные, одетые в волчьи шкуры, ходят над ним, воркуют вокруг него, воют по-люпины и, наконец, выкапывают его своими когтями. Затем главный волк торжественно вкладывает ему в руки лук и стрелы и на его вопрос о том, чем он должен зарабатывать на жизнь, по-отечески советует ему "делать то, что делают волки - грабить, убивать, кочевать с места на место и никогда не возделывать землю".²³¹⁻¹ Мудрый и отеческий совет! Но что нового под солнцем? Три тысячи лет назад Гирпини, или Волки, древнее сабинское племя, собирались на горе Соракте и совершали там определенные обряды в память об оракуле, предсказавшем их вымирание, когда они перестанут добывать себе пропитание насилием и грабежом. Поэтому они одевались в волчьи шкуры, бегали с лаем и воем по горящим углям и по-волчьи грызли все, что могли захватить.²³¹⁻²

Хотя поспешные писатели часто говорили, что индейские племена утверждают буквальное происхождение от различных диких зверей, вероятно, во всех других случаях, как и в этом, при рассмотрении окажется, что это ошибка, основанная на заблуждении, возникающем из-за привычки туземцев принимать в качестве своего тотема или кланового знака фигуру и имя какого-либо животного, или же из-за незнания одушевленных символов, используемых с таким заметным предпочтением красной расой для выражения абстрактных идей. В некоторых случаях, несомненно, сами туземцы со временем путали символ с идеей, в результате знакомого процесса олицетворения и последующего развенчания, примером которого является история каждой религии; но я не верю, что можно найти хоть один пример, когда в индейском племени существовала традиция, истинная цель которой заключалась в том, что человек произошел естественным путем от предка-животного.

Размышляющий ум не будет оскорблен противоречиями в этих различных мифах, ведь миф - это, в одном смысле, теория природных явлений, изложенная в форме рассказа. Часто несколько объяснений одного и того же факта кажутся одинаково удовлетворительными, и разум колеблется в выборе, скорее принимая их все, чем отвергая какое-либо. Затем, опять же, выражение, существующее как метафора, постепенно кристаллизуется в догму и становится ядром нового мифологического роста. Эти процессы хорошо знакомы тем, кто занимается подобными исследованиями, и не влекут за собой логических противоречий, поскольку их никогда не нужно примирять.

²²³⁻¹ *Vocabulario Quiche*, s. v., ed. Brasseur, Paris, 1862.

²²³⁻² Эскимосское *иннук*, человек, означает также собственника или владельца; желток яйца; гной нарыва (Egede, *Nachrichten von Grönland*, p. 106). От него происходит *innuwok* - жить, жизнь. Вероятно, *иннук* также означает мужскую сперму, и в его отождествлении с гноем не кроется ли разгадка той странной загадки, которая в стольких мифах Вест-Индии и Центральной Америки заставляет первого из людей быть "гнойным"? (См. выше, с. 135.)

²²⁴⁻¹ Müller, *Amer. Urrelig.*, pp. 109, 229.

²²⁴⁻² D'Orbigny, *Frag. d'une Voy. dans l'Amér. Mérid.*, p. 512. До сих пор остается спорным вопрос, откуда Шекспир взял сюжет "Бури". Упоминаемое в тексте совпадение некоторых его

частей с южноамериканской мифологией не одиноко. Калибан, дикий и жестокий уроженец острова, - это, несомненно, слово Кариб, часто произносимое как Карибани, а у старых авторов - Калибани; а его "бог плотины Сетевос" был верховным божеством патагонцев, когда их впервые посетил Магеллан. (Pigafetta, *Viaggio intorno al Globo*, Germ. Trans.: Gotha, 1801, p. 247.)

224-3 И Ледерер, и Джон Бартрам придают ему это значение. Галлатин приводит в диалекте паухатан слово "гора" как *romottinke*, что, несомненно, является другой формой того же слова.

225-1 Marcy, *Exploration of the Red River*, p. 69.

226-1 Сравните Romans, *Hist. of Florida*, pp. 58, 71; Adair, *Hist. of the North Am. Indians*, p. 195; и Gregg, *Commerce of the Prairies*, ii. p. 235. Описание кургана дано майором Хертон в *Trans. of the Am. Philos. Soc.*, iii. p. 216. (1-я серия.)

226-2 Французские авторы обозначают Великого Духа *койокопчилем*; Галлатин - холмом, *квея коопсель*. Смешение этих двух идей, на первый взгляд столь далеких, достаточно легко объяснить, если вспомнить, что на "небесном холме" во всех религиях располагается трон могущественнейшего из существ. Слово начез можно проанализировать следующим образом: *sel, sil*, или *chill*, великий; *cop*, окончание, очень частое в их языке, по-видимому, означающее существование; *kweya, соуо*, от *куе уа*, от майя *куе*, бог; великий живой Бог. Язык тарахумара в Соноре предлагает почти параллельный пример. В нем *regui*, это выше, вверх, над, *reguiki*, небо, *reguiguiki*, холм или гора (Buschmann, *Spuren der Aztek. Sprache im nörd. Mexico*, p. 244). В диалектах киче *тепеу* означает "господин", "правитель" и часто применяется к Высшему существу. С некоторой вероятностью Брассёр выводит его из ацтекского *tepetl*, гора (*Hist. du Mexique*, i. p. 106).

227-1 Бальбоа, *Hist. du Pérou*, p. 4.

229-1 Long's *Expedition to the Rocky Mountains*, i. p. 274; Catlin's *Letters*, i. p. 178.

229-2 Richardson, *Arctic Expedition*, pp. 239, 247; Klemm, *Culturgeschichte der Menschheit*, ii. p. 316.

230-1 Long, *Exped. to the Rocky Mountains*, i. p. 326.

231-1 Schoolcraft, *Ind. Tribes*, v. p. 683.

231-2 Schwarz, *Ursprung der Mythologie*, p. 121.

ГЛАВА IX.

ДУША И ЕЕ СУДЬБА.

Универсальность веры в душу и будущее состояние показана языками аборигенов, выраженными мнениями и погребальными обрядами. - Будущий мир никогда не был местом наград и наказаний. - Дом Солнца - рай краснокожих. - Земной рай и подземный мир. - Чупай. - Ксибальба. - Миктлан. - Метемпсихоз? - Вера в воскресение мертвых почти универсальна.

Миссионер Шарлевуа написал несколько прекрасных работ об Америке в начале прошлого века, и его часто цитировали более поздние авторы; но, вероятно, ни одно из его высказываний не удостоилось такой чести, как это: "Вера, которая лучше всего укоренилась среди наших американцев, - это вера в бессмертие души".²³³⁻¹ Огромная ставка, которую каждый из нас делает на истинность этой догмы, делает весьма приятным убеждение в том, что ни один человек не желает жить полностью без нее. Конечно, исключения очень редки, и большинство из тех, которые философы-материалисты так старательно собирают, основаны на недоразумениях или поверхностном наблюдении.

В новом мире я знаю только один достоверный случай, когда все представления о будущем состоянии полностью отсутствуют, и это у довольно небольшого клана, Нижних Пенд-д'Орейлов из Орегона. У этого народа не было ни погребальных церемоний, ни понятия о будущей жизни, ни слова о душе, духовном существовании или жизненном принципе. Они считали, что когда они умирают, то это их последняя смерть. Католические миссионеры, взявшие на себя бесперспективную задачу обратить их в христианство, поначалу были вынуждены полагаться на несовершенные переводы полукровок. Они "разъясняли слушателям идею души, говоря им, что у них есть кишки, которые никогда не гниют, и что это их живой принцип!". Однако даже они не были лишены религиозных представлений. Ни одно племя не было более пристрастно к наблюдению за чарами, приметами, снами и духами-хранителями, и они верили, что болезни и несчастья обычно являются следствием гнева сказочной старухи.²³⁴⁻¹ Аборигены Калифорнийского полуострова были так близки к зверям, как никогда не становились люди. Миссионеры уподобляли их "стадам свиней, которые не поклонялись истинному и единственному Богу и не обожествляли ложные божества". Тем не менее, они, должно быть, имели какое-то смутное представление о загробном мире, поскольку писатель, рисуя самую мрачную картину их состояния, замечает: "Я видел, как они часто надевали обувь на ноги умерших, что, по-видимому, указывает на то, что они имеют представление о путешествии после смерти".²³⁴⁻²

Доказательства мнения Шарлевуа можно почерпнуть из трех независимых источников. Можно изучить язык аборигенов на предмет наличия терминов, соответствующих слову "душа", можно процитировать мнения самих индейцев и определить значение обрядов погребения как свидетельства веры в жизнь после смерти.

Наиболее удовлетворительным является первое из них. Мы называем душу призраком или духом, а часто и тенью. В этих словах *дыхание* и *тьень* - это чувственные восприятия, перенесенные на нематериальный объект нашей мысли. Почему был выбран первый вариант, я уже объяснил; а для второго достаточно очевидных причин, что он является нематериальным образом человека, его постоянным спутником и имеет природу, сходную с тьмой, землей и ночью.

В американских языках эти же тропы повторяются в той же связи. Племена Новой Англии называют душу *хемунг*, тень, а в языке киче *натуб*, в эскимосском *тарнак*, выражают обе эти идеи. В языке могавков *атонриц*, душа, происходит от *атонрион*, дышать, и другие примеры с той же целью уже приводились.²³⁵⁻¹

Конечно, никому не нужно требовать, чтобы к этим словам прилагалась строгая нематериальность. Такой бесцветной отрицательной абстракции для них не существовало, как не существует ее и для нас, хотя мы обманываем себя, полагая, что она существует. Душа для них была невидимым человеком, материальным, как всегда, но потерянным для восприятия чувств.

Пусть никто не удивляется, если сомневаются в ее единстве и полагают, что в одном теле обитает несколько. Это не более чем грубая форма доктрины, которой придерживается большинство вероучений и большинство философий. Она кажется самым простым решением некоторых психологических загадок и, насколько нам известно, может быть инстинктом факта. Раввины учили о трояком делении - *нефеш*, животное, *руах*, человек, и *нешама*, божественная душа, что соответствует платоновскому делению на *тумос*, *эпитумию* и *нус*. И даже святой Павел, похоже, признавал такую присущую ему множественность, когда в Послании к римлянам он проводит различие между телесной душой, интеллектуальной душой и духовным даром. Среди краснокожих не следует ожидать подобных утонченностей; но можно рассматривать либо как зачатки этих учений, либо как постепенное низведение их до грубого и материального выражения, что среди ирокезов и алгонкинов было распространено старое и широко распространенное представление о том, что у человека две души, одна растительного характера, которая дает телесную жизнь и остается с трупом после смерти, пока не будет призвана войти в другое тело; другая - более бесплотная, которая при жизни может покидать тело во сне или трансе и странствовать по миру, а после смерти отправляется напрямик в страну духов.[236-1](#)

Сиу расширили это число до платоновского, и, как говорят, ожидали, что один отправится в холодное место, другой - в теплую и уютную страну, а третий будет следить за телом. Безусловно, это самое беспристрастное распределение наград и наказаний.[237-1](#) Некоторые другие племена дакота разделяли их взгляды на этот счет, но чаще всего, несомненно, из-за священности числа, представляли себе *четыре* души с отдельными судьбами: одна будет скитаться по миру, другая - следить за телом, третья - витать вокруг деревни, а высшая - отправится в страну духов.[237-2](#) Даже это число умножается некоторыми племенами Орегона, которые считают, что в каждом члене тела живет по одному человеку; а карибы Мартиники, которые везде, где они могли обнаружить пульсацию, находили дух, подчиненный, однако, верховному духу, сидящему на троне в сердце, который один только и может быть перенесен на небо после смерти.[237-3](#) Ведь сердце, которое так постоянно сопереживает нашим эмоциям и поступкам, на большинстве языков и у большинства народов считается местом жизни; и когда жрецы кровавых религий вырывали сердце жертвы и приносили его в жертву идолу, оно было эмблемой жизни, которая таким образом вырывалась с поля этого мира и посвящалась правителям следующего.

Различные мотивы побуждают живых относиться с уважением к телу, из которого ушла жизнь. Самый низкий из них - суеверный страх перед смертью и мертвыми. Стоицизм индейцев, особенно северных племен, перед лицом смерти часто становился темой для поэтов, и часто интерпретировался как бесстрашие перед этим событием. Это отнюдь не так. Дикари испытывают ужасный страх перед смертью, она для них - худшее из зол, и именно по этой причине они считают, что встретить ее, не дрогнув, - высшее доказательство мужества. Во многих племенах все, что было связано с покойным, избегалось с суеверным ужасом. Его имя не упоминалось, его имущество оставалось нетронутым, все упоминания о нем тщательно избегались. Племя тупи сразу же спешило к ближайшей воде и бросало тело в воду; аканзы оставляли его в домике и сжигали над ним жилище и содержимое; алгонкины выносили его через отверстие, прорубленное напротив двери, и били палками по стенам, чтобы отпугнуть затаившегося призрака. Мест захоронения всегда избегали, и принимали все меры, чтобы духи ушедших не оказывали вредоносного влияния на оставшихся.

Эти безрассудные страхи свидетельствуют о естественном отвращении животных к прекращению существования и проистекают из инстинкта самосохранения, необходимого для органической жизни. Другие обряды, совершаемые явно ради души, доказывают и

иллюстрируют простую, но непоколебимую веру в ее дальнейшее существование после распада тела.

Ни один из них не является более распространенным или более естественным, чем тот, который приписывает освобожденному духу те же желания, которые он испытывал, находясь на земле, и с любящей предусмотрительностью обеспечивает их удовлетворение. Одежда и утварь войны и погони в древности равномерно помещались рядом с телом, под впечатлением, что они будут полезны ушедшему в его новом доме. Некоторые племена на крайнем западе до сих пор сохранили этот обычай, но большинство из них вскоре были осмеяны и стали пренебрегать им или были вынуждены отказаться от него в результате разгрома могил, который практиковали развращенные белые в надежде на выгоду. К этим безобидным подношениям северные племена часто добавляли собаку, убитую на могиле; несомненно, скелеты этих животных во многих гробницах Мексики и Перу указывают на схожие обычаи. Это не имело более глубокого смысла, чем дать духу спутника в его долгом и тоскливом путешествии в далекую страну теней. Особая уместность собаки объясняется не только ее охраной при жизни, но и символическим значением, которое она так часто имела как представительница богини ночи и могилы.

Там, где деспотическая форма правления низводила подданных почти до уровня рабов, а правителя возвышала почти до уровня высшего существа, не только животных, но и мужчин, женщин и детей часто сжигали у могилы касика. Территория, охватываемая нашей страной, не лишена примеров этого ужасного обычая. В низовьях Миссисипи индейцы племени натчез принесли его с собой из Центральной Америки во всей его жестокости. Когда умирал солнце или вождь, одну или несколько его жен и высших чиновников били по голове и хоронили вместе с ним, и в такие моменты варварская привилегия позволяла любому из низшей касты сразу же получить допуск к высшей путем преднамеренного убийства собственных детей на погребальном костре - привилегия, которой, как говорят уважаемые писатели, люди были достаточно низменны, чтобы воспользоваться.[239-1](#)

Овьедо рассказывает, что в провинции Гуатаро в Гватемале среди людей существовало настоящее соперничество за то, кто будет убит при смерти своего касика, поскольку их учили, что только те, кто пойдет с ним, смогут попасть в рай усопших.[240-1](#) Поэтому их мотивы были в некоторой степени эгоистичными, и только в некоторых частях Перу, где преобладало многоженство и действовало правило, согласно которому в жертву приносилась только одна жена, поведение мужей, похоже, было настолько достойным, что их вдовы фактически оспаривали друг у друга право быть заживо погребенными вместе с мертвым телом и сопровождать своего супруга в мир иной.[240-2](#) Жены, которым мало найдется аналогов со времен знаменитой матроны из Эфеса!

Костер, разводимый ночью на могиле, должен был освещать дух в его путешествии. По совпадению, которое можно объяснить всеобщей святостью этого числа, и алгонкины, и мексиканцы поддерживали его *четыре* ночи подряд. Первые рассказывали, что один из их предков вернулся из страны духов и сообщил своему народу, что путь туда занимает всего *четыре* дня, и что сбор топлива каждую ночь добавляет много труда и усталости душе, от которых можно избавиться, если родственники будут разжигать огонь на могиле каждую ночь. Или вот как об этом рассказал Лонгфелло: "Четыре дня - это дух.

"Четыре дня длится путь духа
В страну призраков и теней,

Четыре его одиноких ночных лагеря".
Поэтому, когда мертвые похоронены,
Пусть костер с наступлением ночи
Четыре раза на могиле разжигается,
Чтоб душа в пути своем
Не блуждала во тьме".

Столько же времени, говорят навахо, душа умершего блуждает по мрачному болоту, прежде чем обнаружит лестницу, ведущую в мир внизу, где находятся дома заходящего и восходящего солнца, земля роскошного изобилия, изобилующая дичью и покрытая кукурузой. В эту землю, говорят они, опускаются все потерянные семена и зародыши, которые падают на землю и не прорастают. Там, внизу, они пускают корни, распускаются и созревают плоды.[241-1](#)

Через четыре дня, опять же по суевериям гренландских эскимосов, душа, на этот срок после смерти заключенная в теле, наконец-то вырывается из своей темницы и либо поднимается в небо, чтобы танцевать в бореальном сиянии, либо опускается в приятную землю под землей, в зависимости от способа смерти.[241-2](#)

То, что в этой вере и этих церемониях есть логические противоречия, что огонь всегда находится на одном и том же месте, что оружие и утварь не уносятся ушедшим и что пища, поставленная для его пропитания, остается нетронутой, - это совершенно верно. Но тех, кто поэтому утверждает, что они не предназначены для блага души, и ищет в них какой-то более глубокий смысл как в "бессознательных эмблемах борющейся веры или выражениях внутренних эмоций",[242-1](#) сбивает с пути сама простота их истинного намерения. Где та вера, где та наука, которая не содержит логических противоречий, столь же грубых, как эти? Они терпимы для нас только потому, что мы привыкли к ним. Какое значение имеют свидетельства органов чувств против религиозной веры? Никакой. Пусть это камень преткновения для материалиста, но это универсальная истина, и как таковую ее следует принять как экспериментальный факт.

Предвзятые мнения, которые видели в метеорологических мифах индейцев конфликт между Духом Добра и Духом Зла, с такой же неосознанной ошибкой фальсифицировали его доктрину будущей жизни и почти без исключения нарисовали ее более или менее похожей на христианские рай, ад и чистилище. В Новом Свете видны очень слабые следы какой-либо подобной веры, за исключением тех, что были получены от миссионеров. Нигде не было четко сформулированной доктрины о том, что моральные пороки осуждаются и наказываются в мире ином. Не существует контраста между местом мучений и царством радости; в худшем случае лжеца, труса или скупца ожидает лишь негативное наказание. Типичная вера племен Соединенных Штатов была хорошо выражена в ответе Исау Хаджо, великого вождя медалей и докладчика от нации криков в Национальном совете, на вопрос: "Верят ли краснокожие в будущее состояние наград и наказаний? "У нас есть мнение, что те, кто вел себя хорошо, попадают под опеку Эсаугетуха Эмиси и получают помощь; а те, кто вел себя плохо, оставлены на произвол судьбы; и что другого наказания не существует".[243-1](#)

Ни прелести рая, с одной стороны, ни ужасы ада, с другой, никогда не приводились жрецами или мудрецами в качестве стимула к добрым делам или предупреждения для недоброжелателей. Разные судьбы, конечно, ожидали ушедшие души, но они редко, если вообще когда-либо, определялись их поведением во плоти, а не способом смерти, пунктуальностью, с которой родственники выполняли определенные погребальные обряды,

или другими подобными произвольными обстоятельствами, не зависящими от человека. Это мнение, которое, как я хорошо знаю, прямо противоречит мнению всех предыдущих авторов, может быть показано как естественное для некультурного интеллекта во всем мире и как реальное толкование верований Америки. Не были ли эти произвольные обстоятельства истолкованы в знак решения Божественного разума относительно жизни этого человека - это более глубокий вопрос, для решения которого нет никаких средств.

Те, кто жалуется на безнадежную путаницу американских религий, лишь доказывают недостаточность своих собственных средств их анализа. Единообразие, которое они демонстрируют во многих пунктах, нигде не проявляется более полно, чем в единодушии, с которым все они указывают на *солнце* как на землю счастливых душ, царство блаженных, сцену радостных охотничьих угодий в будущем. Его вечная слава, его уютное тепло, его ежедневная аналогия с жизнью человека обозначают его обитель как самое приятное место во вселенной. Неважно, указывали ли восточные алгонкины на юг, другие представители их народа, ирокезы и крики, - на запад, или многие племена - на восток, как направление, по которому движется дух; все эти мифы означают, что его обитель - дом солнца, который, возможно, находится на Востоке, откуда он выходит, на Западе, где он устраивает свою постель, или на Юге, куда он уходит в холодную зиму. Там, где живет солнце, сообщали они самым первым иностранным гостям, находятся деревни умерших, а млечный путь, который ночью перекидывается через небесный свод, по их мнению, был дорогой, ведущей туда, и назывался путем душ (*le chemin des ames*).²⁴⁴⁻¹ По словам карибов, в *hueyu ku*, особняк солнца, душа переходит, когда смерть настигает тело.²⁴⁴⁻² Наши сведения о доктринах, которым учили инков относительно души, скудны, но мы знаем, что они обращались к солнцу, своему признанному повелителю и защитнику, как к тому, кто позаботится о них после смерти и примет их в свои дворцы. Там их ждали не утонченные радости, а жизнь в спокойствии, без труда, без сильных эмоций, своего рода материальная Нирвана.²⁴⁴⁻³ По этим причинам они, как и большинство других американских народов, погребли труп, лежащий на востоке и западе, а не так, как предположил путешественник Мейен,²⁴⁴⁻⁴ из воспоминаний о какой-то древней миграции. За Кордильерами, вплоть до побережья Бразилии, бесчисленные орды, бродившие по мрачным тропическим лесам этой огромной территории, также указывали на запад, на область за горами, как на землю, где души их предков жили в непоколебленном спокойствии; или, в более ярких фантазиях поздних поколений, в состоянии вечного опьянения, окруженные бесконечными бочками рома, и без белого человека, который бы им его выдавал.²⁴⁵⁻¹ Туземцы крайнего юга, Пампы и Патагонии, считают, что звезды - это души ушедших. Ночью они бродят по небу, а с восходом солнца спешат к веселому светилу, и их больше не видно, пока оно не скроется на западе. Так и эскимосы далекого севера в долгие зимние ночи, когда аврора заливают небо своими меняющимися оттенками и стреловидными валами света, верят, что видят духов своих предков, облаченных в небесные одеяния, которые развлекаются в отсутствие солнца, и называют это явление *танцем мертвых*.

Дом солнца был раем краснокожих, но в эту радостную обитель мог попасть не каждый без исключения, не всякая разношерстная толпа. Условия были столь же разнообразны, как и национальные темпераменты. Как свирепые боги северян не допускали на пиры Вальхаллы ни одной души, кроме тех, кто встретил "смерть от копья" в кровавой игре войны, и безжалостно закрывали доступ всем, кто слабо дышал в "соломенной смерти" на кушетке болезни, так и воинственные ацтеки в Никарагуа считали, что тени тех, кто умер в своей постели, уходят вниз и на нет; но тех, кто пал в бою за свою страну, - на восток, "туда, откуда приходит солнце".²⁴⁶⁻¹ В древней Мексике не только воины, принесенные таким образом в жертву на алтарь своей страны, но и с тонким и поэтическим чувством справедливости,

хорошо говорящим об утонченности расы, также и женщины, погибшие при родах, были допущены в дом солнца. Ибо разве они не героини в борьбе за жизнь? Разве не они также являются ее жертвами? И разве не они отдают свои жизни за страну и родных? Каждое утро, как представлялось, герои выходили в боевом строю и с криками, песнями и звоном оружия провожали солнце в зенит, где в полдень души матерей, чихуапицильти, принимали его с танцами, музыкой и цветами и проводили к западному ложу.²⁴⁶⁻² Кроме них, никто, за исключением, возможно, жертв, приносимых в жертву богам, но это сомнительно, не считался достойным высших небес.

Мягкое и невоинственное племя Гватемалы, напротив, было убеждено, что умереть любой другой смертью, кроме естественной, значит потерять всякую надежду на жизнь в будущем, и поэтому оставляло тела убитых на съедение зверям и стервятникам.

У мексиканцев было еще одно место счастья для ушедших душ, не обещающее вечной жизни, как дом солнца, но беззаботное наслаждение в течение определенного срока лет. Это был Тлалокан, царство бога дождей и вод, земной рай, откуда текли все реки земли и все пропитание расы. Болезни, от которых умирали люди, отмечали это предназначение. Утонувшие, пораженные молнией или страдающие от болезней, таких как водянка и проказа, по этим признакам становились подданными Тлалока. Для таких, говорили туземцы, "смерть - это начало другой жизни, это как пробуждение от сна, и душа уже не человеческая, а божественная (*teotl*)". Поэтому они обращались к своим умирающим в таких выражениях: "Господин или госпожа, проснитесь, проснитесь; уже показался рассвет; даже сейчас приближается свет; уже птицы с желтым оперением начинают приветствовать вас своими песнями; уже вокруг вас порхают бабочки с яркими цветами".²⁴⁷⁻¹

Прежде чем перейти к более мрачной части темы, к судьбе тех душ, которые не были избраны для лучшей части, я должен обратить внимание на любопытное совпадение в религиозных грезах многих народов, которое находит свое объяснение в вере в то, что дом солнца - это дом блаженных, и доказывает, что это было первой концепцией большинства естественных религий. Это видно в событиях и препятствиях на пути к счастливой земле. Повсюду мы слышим о воде, которую должна пересечь душа, и о противнике, либо собаке, либо злом духе, с которым ей приходится бороться. Мы все знакомы с псом Цербером (у Гомера он называется просто "собака"), который оспаривал прохождение реки Стикс, через которую должны переправиться души; а также с обычаем викингов хоронить себя в лодке, чтобы пересечь воды Гинунга-гапа к манящим прядям Годхейма. Реликвии этой веры можно найти в Коране, где описывается мост *Эль Сират*, тонкий, как волос, и острый, как сциметар, протянутый одним пролетом от неба до земли; в персидской легенде, где радужная арка Чиневад перекинута через мрачные глубины между этим миром и домом счастливых; и даже в современной христианской аллегории, которая представляет воды мифического Иордана, катящиеся между нами и Небесным Градом.

Как странно на первый взгляд кажется, что гуруны и ирокезы должны были рассказать первым миссионерам о том, что после смерти душа должна пересечь глубокую и стремительную реку по мосту, образованному одним-единственным стройным деревом с легкой опорой, где ей придется защищаться от нападения собаки?²⁴⁸⁻¹ Если бы они только высказали это убеждение, оно могло бы сойти за простое совпадение. Но атапаски (чепевинцы) также рассказывали о большой воде, которую душа должна пересечь в каменном каноэ; алгонкины и дакоты - о потоке, переброшенном через огромную змею или узкую и обрывистую скалу; арауканы Чили - о море на западе, при пересечении которого душа должна была заплатить дань злобной старухе. Если ей не везло, она лишала ее глаза.²⁴⁸⁻² У ацтеков эта вода называлась Чикунуапа, Девять рек. Ее охраняли собака и

зеленый дракон, для умиротворения которых умершим давали бумажные листки в качестве платы за проезд. Гренландские эскимосы считали, что воды ревут в бездонной пропасти, через которую нет другого моста, кроме скользкого от льда колеса, вечно вращающегося с ужасающей быстротой, или узкой, как шнур, тропинки, на которой не за что ухватиться. На другой стороне сидит ужасная старуха, скрежещущая зубами и рвущая на себе волосы от ярости. При приближении каждой души она поджигает ей под носом перо; если душа теряет сознание, она забирает ее в плен, но если дух-хранитель души может преодолеть ее, она проходит благополучно.[249-1](#)

Сходство с переходом души через Стикс и платой обола Харону в легенде ацтеков еще более поразительно, если вспомнить, что Стикс был девятой главой Океана (не считая Коцита, который часто является ответвлением Стикса). Девять рек, вероятно, относятся к девяти Владыкам Ночи, древним божествам ацтеков, охраняющим ночные часы и внесенным в их календарь. Тупи и карибы, майя и крики питали очень похожие надежды.

Объяснение этим широко распространенным теориям путешествия души мы должны искать в столь же распространенном постулате о том, что солнце является местом ее назначения и что это светило имеет свою обитель за океанским потоком, который во всех примитивных географиях катит свои волны вокруг обитаемой земли. Этот океанский поток - вода, которую все должны пытаться пройти, и горе тому, кого дух вод, представленный в виде старухи, дракона или собаки Гекаты, схватит и одолеет. В буйной фантазии Востока дух вод становится духом зла, океанский поток - адской бездной, а те, кто не сумел пройти, - проклятыми, обреченными на злые дела и бесконечные мучения.

Никакого этического значения мифу не придавали представители красной расы до того, как их научили европейцы. Отец Бребеф смог лишь выяснить, что души самоубийц и погибших на войне должны были жить отдельно от остальных; "но что касается душ негодяев, - добавляет он, - то они отнюдь не закрыты, а являются желанными гостями, хотя, если бы это было не так, их рай был бы полной пустыней, поскольку гурон и негодяй (*Huron et larron*) - одно и то же".[250-1](#) Когда миннетари рассказывали майору Лонгу и манники из Ла-Платы об иезуитах,[250-2](#) что души плохих людей падают в воду и уносятся прочь, это, без сомнения, объясняется либо ложным толкованием, либо христианским обучением. Среди дикарей такого различия нет. Бразильские аборигены делили мертвых на классы, полагая, что утопленники, убитые насилием и поддавшиеся болезни живут в отдельных регионах; но с этим, похоже, не было связано никаких этических причин.[250-3](#) Если бы концепция места морального возмездия была хоть сколько-нибудь известна расе, ее можно было бы легко обнаружить в Мексике, Юкатане или Перу. Но так называемые "ады" в их религиях не имеют такого значения, а духи зла, которых ранние писатели отождествляли с Сатаной, заслуживают этого названия не больше, чем греческий Плутон.

Чупай или Супай, Тень, в Перу должен был править страной теней в центре земли. К нему уходили все души, которым не суждено стать спутниками Солнца. Это все, что мы знаем о его свойствах; и утверждение Гарсилассо де ла Вега, что он был аналогом христианского дьявола и что его имя никогда не произносилось без плевков и проклятий в его адрес, может быть опровергнуто свидетельством более раннего и лучшего авторитета в религии Перу, который называет его богом дождей и добавляет, что знаменитый инка Уайна Капак был его верховным жрецом.[251-1](#)

"Дьявол, - говорит Коголлудо о майя, - называется у них Xibilha, что означает тот, кто исчезает или пропадает".[251-2](#) В легендах киче имя Ксибальба дается подземному миру, которым управляют мрачные владыки Одна Смерть и Семь Смертей. Название происходит от корня,

означающего "бояться", от которого в диалектах майя происходит термин "призрак" или "фантом".[251-3](#) Под влиянием столетия христианской катехизации легенды киче изображают это место как место мучений, а его правителей - злобными и могущественными; но, как я уже отмечал, они делают это, протестуя против того, что это не было древней верой, и не пропускают ни одного слова, свидетельствующего о том, что это место считалось местом, куда попадают морально плохие люди. Первоначальное значение имени, данного Коголлудо, безошибочно указывает на простой факт исчезновения из среды людей и по безобидности соответствует истинному смыслу таких страшных слов, как Схеол, Аид, Ад, обозначающих скрытое от глаз место и лишь наделенных более мрачными ассоциациями воображением последующих поколений.[252-1](#)

Миктлантеутли, владыка Миктлана, от слова, означающего смерть, был мексиканским Плутоном. Как и Чупай, он обитал в подземных областях, а его дворец назывался Тлалксико, пуп земли. Однако он также находился на крайнем севере, и в его честь были названы точка компаса и северный ветер. Те, кто спускался к нему, были угнетены темнотой его обители, но не подвергались никаким другим испытаниям; их не посылали туда в наказание, а просто потому, что они умирали от болезней, не подходящих для Тлалокана. Миктлантеутли считался самым могущественным из богов. Ибо кто может быть сильнее Смерти? И кто осмелится бросить вызов Могиле? Как скальд позволяет Одину сказать Браги: "Наш жребий неясен; даже на сонмы богов смотрит серый волк Фенрис".[252-2](#)

Различные обители, в которые отправлялся бесплотный человек, не всегда были его вечным домом. Следует помнить, что там, где верили в множественность душ, одна из них вскоре после смерти вселялась в другое тело, чтобы возобновить жизнь на земле. Действуя в соответствии с этим убеждением, женщины алгонкинов, желавшие стать матерями, стекались к кушетке тех, кто должен был умереть, в надежде, что жизненный принцип, выходя из тела, войдет в их и оплодотворит их бесплодные утробы; а когда среди семинолов Флориды мать умирала при родах, младенца держали над ее лицом, чтобы он принял ее прощальный дух и таким образом приобрел силу и знания для своего будущего использования.[253-1](#) Так и среди тахкали жрец имеет обыкновение класть руку на голову ближайшего родственника умершего и вдуть в него душу ушедшего, которая, как предполагается, оживет в его следующем ребенке.[253-2](#) Вероятно, ссылаясь на существующую традицию, которая приписывает происхождение человека земле и уподобляет его жизнь жизни растения, мексиканцы привыкли говорить, что когда-то все люди были камнями и что в конце концов все они вернутся в камни;[253-3](#) и, действуя буквально по этому убеждению, они погребали вместе с костями умерших маленький зеленый камень, который называли принципом жизни.

Принимали ли какие-либо народы доктрину метемпсихоза и думали ли они, что "души их бабушек могут, возможно, поселиться в куропатке", мы не можем знать. Ла Хонтан положительно отрицает это в отношении алгонкинов; но аборигены Попо яна отказывались убивать голубей, говорит Кореаль,[254-1](#) потому что считали их вдохновленными душами усопших. А отец Игнатий Чоме рассказывает, что слышал, как одна женщина из племени чирикауане в Буэнос-Айресе сказала о лисе: "Не дух ли это моей умершей дочери?".[254-2](#) Но прежде чем принять такое свидетельство как решающее, мы должны сначала выяснить, верили ли эти племена в множественность душ, имели ли эти животные символическое значение, а если нет, то не предполагалось ли, что душа просто облекается в эту форму в своем путешествии в страну будущего: вопросы, на которые нет ответа. Оставив, таким образом, открытым вопрос о том, были ли у мудреца Самоса ученики в новом мире, другую и

более плодотворную тему представляют их хорошо известные представления о воскресении мертвых.

Эта, казалось бы, необычная доктрина, которая, как утверждают некоторые, была совершенно неизвестна и невозможна для американских индейцев,²⁵⁴⁻³ на самом деле была одним из их наиболее глубоко укоренившихся и широко распространенных убеждений, особенно среди племен восточной части Соединенных Штатов. Оно неразрывно связано с их высочайшими теориями о будущей жизни, их погребальными церемониями и способами выражения. Моравские братья с большой ясностью излагают основания этой веры: "То, что они считают душу бессмертной и, возможно, думают, что тело воскреснет, они не дают понять, когда говорят: "Мы, индейцы, не умрем вовек; даже зерна кукурузы, которые мы кладем под землю, вырастают и становятся живыми существами". Они считают, что когда душа побывала некоторое время с Богом, она может, если захочет, вернуться на землю и родиться снова".²⁵⁵⁻¹ Это самое высокое и типичное вероучение аборигенов. Но вместо того чтобы просто родиться заново в обычном смысле этого слова, они думали, что душа вернется в кости, те облекутся плотью, и человек снова присоединится к своему племени. То, что это была реальная, хотя зачастую и неясно осознаваемая причина обычая сохранять кости умерших, можно доказать с помощью различных аргументов.

Эта практика была почти повсеместной. К востоку от Миссисипи почти каждый народ имел обыкновение в определенные периоды - обычно раз в восемь или десять лет - собирать и очищать костные останки тех из своих сородичей, кто умер за прошедшее время, и складывать их в одну общую усыпальницу, выстланную отборными мехами и отмеченную курганом из дерева, камня и земли. Таково происхождение тех огромных могил, заполненных останками погибших людей и поколений, которые антиквар с неумным любопытством так часто встречает во всех частях нашей территории. По всей Центральной Америке в различных местах существовал тот же обычай, о чем в изобилии свидетельствуют ранние писатели и существующие памятники. Вместо того чтобы захоранивать кости, если они принадлежали какому-нибудь выдающемуся вождю, их помещали в храмы или дома советов, обычно в небольших сундуках из трости или шипов. Таковы были те костехранилища, о которых так часто упоминают историки экспедиции Де Сото, и те самые "ковчеги", которые Адаир и другие авторы, пытавшиеся проследить происхождение индейцев от евреев, уподобляли тем, которые древние израильтяне несли с собой во время своих миграций. Вдова среди тахкали была обязана носить кости своего умершего мужа с собой, куда бы она ни пошла, в течение четырех лет, сохраняя их в такой шкатулке, красиво украшенной перьями.²⁵⁶⁻¹ Карибы материка переняли этот обычай у всех без исключения. Примерно через год после смерти кости чистили, отбеливали, красили, заворачивали в пахучие бальзамы, клали в плетеную корзину и держали подвешенными над дверью своего жилища.²⁵⁶⁻² Когда количество этих реликвий становилось обременительным, их уносили в какую-нибудь труднодоступную пещеру и хранили с благоговейной заботой. Такой была пещера Атаруипе, посещение которой так красноречиво описал Александр фон Гумбольдт в своих "Видах на природу".

Так велико было сыновнее уважение индейцев к этим останкам, что на Миссисипи, в Перу и других местах никакая тирания, никакая жестокость так не озлобляла коренных жителей против белых исследователей, как святотатственные поиски сокровищ среди могил прошлых поколений. Не понимая смысла столь глубокого чувства, столь чуждого европейцу, который, не задумываясь, превращает кладбище в общественную площадь или засеивает его пшеницей, миссионеры-иезуиты в Парагвае обвиняют туземцев в поклонении скелетам своих предков отцов,²⁵⁷⁻¹ а англичане в Виргинии повторяют это за паухатанами.

Вопрос о том, было ли известно и практиковалось ли в Америке искусство мумификации, обсуждался и получал различные ответы. Не вступая в дискуссию, можно с уверенностью сказать, что сохранение трупа путем длительного и тщательного процесса экзекуции на медленном огне не было чем-то необычным не только в Перу, Попояне, Карибских странах и Никарагуа, но и среди многих племен к северу от Мексиканского залива, как я уже показывал в другом месте.²⁵⁷⁻² Цель была в основном та же, что и при сохранении одних только костей; а в случае с правителями их трупам часто воздавалось такое же почтение, какое полагалось их живым телам.

В основе всех этих обычаев лежит мнение, что часть души или одна из душ обитает в костях; что это семена, которые, будучи посаженными в землю или сохраненными в безопасных местах, со временем вновь облекутся в плоть и прорастут в живых человеческих существ. Язык иллюстрирует эту необычную теорию. Ирокезское слово, обозначающее кость, - *это esken*, а душа - *atiskén*, буквально то, что находится внутри кости.²⁵⁷⁻³ В диалекте атапасков кость - это *yani*, душа - *i-yune*.²⁵⁷⁻⁴ Еврейские раввины учили, что в кости *lutz*, копчике, после смерти остается зародыш второй жизни, который в положенное время разовьется в очищенное тело, как растение из семени.

Но мифология и суеверия добавляют более убедительные свидетельства. Одна из легенд ацтеков о происхождении человека гласит, что после одного из разрушений мира боги вместе советовались, как обновить род. Было решено, что один из них, Ксолотль, должен спуститься в Миктлан, царство мертвых, и принести оттуда кость погибшей расы. Фрагменты этой кости они окропили кровью, и на четвертый день из нее вырос юноша, отец нынешней расы.²⁵⁸⁻¹ Глубокое мистическое значение этой легенды отражено в одной, рассказанной киче, в которой боги-герои Хунахпу и Ксбланке уступают владыкам Сибальбы, темным силам смерти. Их тела сжигают, а кости измельчают на мельнице и бросают в воду, чтобы они не ожили. Но и эта мера предосторожности оказывается недостаточной - "ведь прах не ушел далеко; он опустился на дно ручья, где в мгновение ока превратился в красивых юношей, и те же самые черты лица проявились заново. На пятый день они явили себя заново, и люди увидели их в воде"²⁵⁸⁻², откуда они вышли, чтобы победить и уничтожить силы смерти и ада (Xibalba).

Самые сильные аналогии этим мифам дают суеверные обряды далеких племен. Некоторые бразильские племена тупи имели обыкновение после смерти родственника высушивать и измельчать его кости, а затем смешивать их со своей пищей; эту тошнотворную практику они защищали, утверждая, что душа умершего остается в костях и снова живет в живых.²⁵⁹⁻¹ Даже низшие животные должны были следовать тому же закону. Почти ни одно из охотничьих племен, пока их исконные нравы не испортились под чужеземным влиянием, не позволяло ломать кости убитой во время погони дичи или небрежно оставлять их в лагере. Их собирали в кучи или бросали в воду. Миссис Истман отмечает, что даже сейчас дакоты считают предзнаменованием невезения на охоте, если собаки грызут кости или женщина по неосторожности наступает на них; а переводчик чипевеев Джон Таннер говорит о таком же страхе среди этого племени. Юрукары в Боливии довели его до такой степени, что тщательно хранят даже мелкие рыбьи кости, утверждая, что если этого не сделать, то рыба и дичь исчезнут из страны.²⁵⁹⁻² Путешественник в наших западных прериях часто замечает черепа бизонов, бесчисленное множество которых белеет на этих обширных равнинах, сложенных в круги и симметричные кучи заботливыми руками местных охотников. Объяснение, которое они дают этому обычаю, дает ключ ко всей теории и практике сохранения костных мощей мертвых, как людей, так и животных. Они говорят, что "в костях содержатся духи убитых животных, и что когда-нибудь в будущем они восстанут из земли, вновь обретут плоть и

заново заполняют прерии".²⁵⁹⁻³ Это объяснение, дошедшее до нас из неоспоримого авторитета, представляет в истинном свете веру красной расы в воскресение. Невозможно проследить ее в тех тонкостях, которыми теологи окружили ее как догму. Сама попытка была бы абсурдной. Они никогда не приходили в голову индейцу. Он считал, что душа, которая сейчас наслаждается прелестями счастливых охотничьих угодий, когда-нибудь вернется в кости, обретет плоть и снова будет жить. Именно о таком широко обсуждаемом утверждении говорит Гарсилассо де ла Вега, который часто слышал от коренных перуанцев. Он добавляет, что они настолько тщательно следили за тем, чтобы не потерять ни одной части тела, что сохраняли даже обрезки ногтей и стрижки волос.²⁶⁰⁻¹ В противоречие этому приводится цитата писателя Акосты, который говорит, что перуанцы бальзамировали своих мертвых, потому что "не знали, что тела должны воскреснуть вместе с душой".²⁶⁰⁻² Но при правильном понимании это является подтверждением рассказа Ла Веги. Акоста имеет в виду, что христианская доктрина о восстании тела из праха была неизвестна перуанцам (что совершенно верно), и они сохраняли тело таким, каким оно было, чтобы душа, вернувшись на землю, как все ожидали, не оказалась в затруднении с поиском дома из плоти.

Представления краснокожих о воскресении, сложившиеся таким образом, свойственны только им и не похожи ни на какие другие. Они не ожидали, что вторая жизнь будет лучше или хуже настоящей; они не рассматривали ее ни как награду, ни как наказание за возвращение в мир живых; нет удовлетворительных доказательств того, что она когда-либо была четко связана с моральной или физической теорией судьбы вселенной или даже с распространенным представлением о повторяющихся эпохах в ходе развития природы. Правда, писатель Адам Ходжсон, чья правдивость не вызывает сомнений, приводит древнюю традицию чокто, согласно которой нынешний мир будет уничтожен всеобщим пожаром, после чего он будет преобразован в лучшую сторону, чем сейчас, и тогда души умерших вернутся к костям в костяных курганах, плоть свяжет их расшатанные суставы, и они снова будут населять свою древнюю территорию.²⁶¹⁻¹

Подобное поверье существовало и у эскимосов. Они говорили, что со временем воды захлестнут землю, очистят ее от крови мертвых, растопят айсберги и смоют отвесные скалы. Затем ветер прогонит воды, и новая земля будет заселена оленями и молодыми тюленями. Затем он дул один раз на кости мужчин и два раза на кости женщин, после чего они сразу же начинали жить и в дальнейшем вели радостную жизнь.²⁶¹⁻²

Но хотя в этих рассказах нет ничего чуждого ходу мыслей туземцев, однако, поскольку дата первого из них недавняя (1820 год), поскольку они не подкреплены (насколько мне известно) аналогичными традициями в других местах и поскольку они могли возникнуть на основе христианских доктрин о тысячелетии, я оставляю их для будущего исследования.

Что нас больше всего поражает в этом анализе мнений красной расы о будущей жизни, так это ясная и позитивная надежда на будущее, в таком сильном контрасте со слабыми и смутными представлениями древних израильтян, греков и римлян, и при этом полная непоколебимость этой надежды в побуждении их к более чистой нравственной жизни. Это еще одно доказательство того, что исполнение долга по своей природе никак не связано с рассмотрением конечных личных последствий. Это еще одно доказательство того, что религиозные чувства полностью отличны от моральных, и что истоки этики не следует искать в связи с идеями божественности и ответственности.

234-1 *Rep. of the Commissioner of Ind. Affairs*, 1854, pp. 211, 212. Старуха вновь является олицетворением воды и луны.

234-2 Bærgert, *Acc. of the Aborig. Tribes of the Californian Peninsula*, translated by Chas. Rau, in *Ann. Rep. Smithson. Inst.*, 1866, p. 387.

235-1 О никарагуанцах Овьедо говорит: "Ce n'est pas leur cœur qui va en haut, mais ce qui les faisait vivre; c'est-à-dire, le souffle qui leur sort par la bouche, et que l'on nomme *Julio*" (*Hist. du Nicaragua*, p. 36). Слово должно быть *yulia*, родственное *yoli*, жить. (Buschmann, *Über die Aztekischen Ortsnamen*, p. 765.) В ацтекском и родственных языках мы уже видели, что *ehecatl* означает одновременно ветер, душу и тень (Buschmann, *Spuren der Aztek. Spr. in Nördlichen Mexico*, p. 74).

236-1 *Rel. de la Nouv. France*, An 1636, p. 104; "Keating's Narrative", i. pp. 232, 410.

237-1 French, *Hist. Colls. of Louisiana*, iii. p. 26.

237-2 Миссис Истман, "Легенды суу", с. 129.

237-3 *Voy. à la Louisiane fait en 1720*, p. 155: Paris, 1768.

239-1 Dupratz, *Hist. of Louisiana*, ii. p. 219; Dumont, *Mems. Hist. sur la Louisiane*, i. chap. 26.

240-1 *Rel. de la Prov. de Cueba*, p. 140.

240-2 Coreal, *Voyages aux Indes Occidentales*, ii. p. 94: Amsterdam, 1722.

241-1 *Senate Rep. on the Ind. Tribes*, p. 358: Wash. 1867.

241-2 Egede, *Nachrichten von Grönland*, p. 145.

242-1 Alger, *Hist. of the Doctrine of a Future Life*, p. 76.

243-1 Hawkins, *Sketch of the Creek Country*, p. 80.

244-1 *Rel. de la Nouv. France*, 1634, pp. 17, 18.

244-2 Müller, *Amer. Urreligionen*, p. 229.

244-3 La Vega, *Hist. des Incas.*, lib. ii. cap. 7.

244-4 *Ueber die Ureinwohner von Peru*, p. 41.

245-1 Coreal, *Voy. aux Indes Occident.*, i. p. 224; Müller, *Amer. Urrelig.*, p. 289.

246-1 Oviedo, *Hist. du Nicaragua*, p. 22.

246-2 Torquemada, *Monarquia Indiana*, lib. vi. cap. 27.

247-1 Sahagun, *Hist. de la Nueva España*, lib. x. cap. 29.

248-1 *Rel. de la Nouv. France*, 1636, p. 105.

248-2 Molina, *Hist. of Chili*, ii. p. 81, и другие в Waitz, *Anthropologie*, iii. p. 197.

249-1 *Nachrichten von Grönland aus dem Tagebuche vom Bischof Paul Egede*, p. 104: Kopenhagen, 1790.

250-1 *Rel. de la Nouv. France*, 1636, p. 105.

250-2 Экспедиция Лонга, i. p. 280; Waitz, *Anthropologie*, iii. p. 531.

250-3 Müller, *Amer. Urreligionen*, p. 287.

251-1 Сравните Garcilasso de la Vega, *Hist. des Incas.*, liv. ii. chap. ii., с *Lett. sur les Superstitions du Pérou*, p. 104. Чупай - это, несомненно, личная форма от Чупан, тень. (См. Holguin, *Vocab. de la Lengua Quichua*, p. 80: Cuzco, 1608.)

251-2 "El que desaparece ô desvanece", *Hist. de Yucathan*, lib. iv. cap. 7.

251-3 Ximenes, *Vocab. Quiché*, p. 224. Попытка аббата Брассера сделать из Сибальбы древнее известное королевство со столицей в Паленке настолько бездоказательна и дико гипотетична, что оправдывает шутливые выпады, которые так часто бросали в адрес антикваров.

252-1 Шеол - от древнееврейского слова, означающего копать, прятаться в земле. Аид означает *невидимый* мир. Ад Якоба Гримма происходит от *hilan*, скрывать в земле, и является однокоренным с *hole* и *hollow*.

252-2 Pennock, *Religion of the Northmen*, p. 148.

253-1 La Hontan, *Voy. dans l'Am. Sept.*, i. p. 232; *Narrative of Oceola Nikkanoche*, p. 75.

253-2 Morse, *Rep. on the Ind. Tribes*, App. p. 345.

253-3 Garcia, *Or. de los Indios*, lib. iv. cap. 26, p. 310.

254-1 *Voyages aux Indes Oc.*, ii. p. 132.

254-2 *Lettres Edif. et Cur.*, v. p. 203.

254-3 Alger, *Hist. of the Doctrine of a Future Life*, p. 72.

255-1 Loskiel, *Ges. der Miss. der evang. Brüder*, p. 49.

256-1 Richardson, *Arctic Expedition*, p. 260.

256-2 Gumilla, *Hist. del Orinoco*, i. pp. 199, 202, 204.

257-1 Ruis, *Conquista Espiritual del Paraguay*, p. 48, в Lafitau.

257-2 Заметки о Флоридском полуострове, с. 191 sqq.

257-3 Bruyas, *Rad. Verborum Iroquæorum*.

257-4 Buschmann, *Athapask. Sprachstamm*, pp. 182, 188.

258-1 Торквемада, *Монархия Индианы*, lib. vi. cap. 41.

258-2 *Le Livre Sacré des Quichés*, pp. 175-177.

259-1 Müller, *Amer. Urrelig.*, p. 290, после Спикса.

259-2 D'Orbigny, *Annuaire des Voyages*, 1845, p. 77.

259-3 Экспедиция Лонга, i. p. 278.

260-1 *Hist. des Incas*, lib. iii. chap. 7.

260-2 *Hist. of the New World*, bk. v. chap. 7.

261-1 *Путешествия по Северной Америке*, p. 280.

261-2 Egede, *Nachrichten von Grönland*, p. 156.

ГЛАВА X.

ТУЗЕМНОЕ СВЯЩЕНСТВО.

Их титулы.- Практикующие искусство исцеления сверхъестественными средствами.- Их сила, происходящая от естественной магии и применения ясновидящих и месмерических способностей.- Примеры.- Эпидемическая истерия.- Их социальное положение.- Их обязанности как религиозных функционеров.- Условия приема в священство.- Внутренняя организация у различных народов.- Их эзотерические языки и тайные общества.

Таким образом, мучительно копаясь в руинах расы, потерпевшей крушение много веков назад, отбрасывая чужеродный мусор и тщательно изучая каждый камень, лежащий вокруг, если мы и не сможем восстановить здание в его первозданной симметрии и красоте, то, по крайней мере, сможем разглядеть и проследить план и очертания фейна, воздвигнутого им для Бога. Прежде чем оставить это поле для более богатой отдачи более удачливых работников, не будет неуместным добавить очерк о служителях этих религий, служителях этого храма.

Их называли шаманами, фокусниками, колдунами, знахарями, чародеями и многими другими жестокими именами, но я буду называть их *жрецами*, ибо в своей бедности, как и любое другое священство, они ставили себя агентами богов и толкователями божественного. Ни одно племя не было настолько лишено религиозных чувств, чтобы обойтись без них. Их власть была ужасной, а использование - беспринципным. Ни люди, ни боги, ни смерть, ни жизнь, ни ветры, ни волны, не были им неподвластны. Подобно морским старикам, они вцепились в шею своих народов, заглушая все попытки прогресса, связывая их узами суеверия и распутства, увлекая за собой к нищете и смерти. Христианство и цивилизация встречают в них своих самых решительных, самых непримиримых врагов. Но что это, как не история священничества и нетерпимости повсюду, которую может повторить как Старая Испания, так и Новая Испания, как белая раса, так и красная? Слепые вожди слепых, обманутые и обманутые падают в канаву.

На своих языках они называются по-разному: у алгонкинов и дакотов - "знающие божественные вещи" и "мечтатели богов" (*manitousiou, wakanwacipi*); в Мексике - "мастера или хранители божественных вещей" (*teopixqui, teotecuhtli*); у чероки их титул означает "обладающие божественным огнем" (*atsilung kelawhi*); у ирокезов - "хранители веры" (*honundeunt*); у кичуа - "ученые" (*amauta*); у майя - "слушатели" (*cosome*). Популярный во французском и английском языках термин "знахари" - не такая уж ошибка, как можно было бы предположить. Благородная наука медицины связана с божеством не только у самого грубого дикаря, но и у самого глубокого философа, о чем уже говорилось. Когда на болезнь смотрят как на следствие гнева бога или как на злое проклятие колдуна, вполне естественно искать помощи у тех, кто берется управлять невидимым миром и влиять на судьбы Всевышнего. Избавление от болезней - самое доброе проявление божественной силы. Поэтому самые ранние каноны медицины в Индии и Египте приписываются не менее

выдающимся авторам, чем боги Брахма и Тот;²⁶⁵⁻¹ поэтому самыми первыми практиками искусства врачевания повсеместно являются служители религии.

Но каким бы достойным ни было такое происхождение медицины, ее партнерство с теологией не принесло ей особых преимуществ. Эти врачи-мистики разделяли презрение, до сих пор распространенное среди нас, к лечению, основанному на эксперименте и разуме, и относились к приему эметических и очистительных средств, ванн и мочегонных препаратов с презрением, вполне равным тому, которое испытывали ученики Ганемана. Последователи рациональной школы составляли отдельный класс среди индейцев и не имели ничего общего с амулетами, паувау или духами.²⁶⁵⁻² Они имели другое имя и положение, и хотя их ценили меньше, от них узнали о таких ценных дополнениях к фармакопее, как гваяк, цинхона и ипекакуана. Священство презирало такие неблагородные средства. Если их вызывали к больному, они заглушали его стоны варварским звоном инструментов, чтобы отпугнуть овладевшего им демона; они сосали и дули на больной орган, окропляли его водой и, поймав ее, снова бросали на землю, таким образом заглушая болезнь; Они растирали больное место руками и, показывая кость или занозу, утверждали, что извлекли ее из тела и что она была причиной болезни; они делали маленькое изображение духа болезни и со злобой разбивали его вдребезги, таким образом викарно уничтожая его прообраз; Они пели тоскливые и монотонные песнопения на вершине своих голосов, корчили отвратительные гримасы, скручивали свои тела в неслыханные деформации и, по общему мнению, делали все возможное, чтобы заслужить гонорар, который они требовали за свои услуги. Двойной мотив побуждал их не жалеть сил. Ведь если они терпели неудачу, то не только теряли репутацию, но и следующий вызванный специалист мог с такой традиционной для профессии урбанистичностью намекнуть, что болезнь на самом деле вызвана или значительно усилена антагонистической природой ранее использованных средств, и тогда жизнь врача оказывалась под большей угрозой, чем жизнь его любимого пациента.

Учитывая вероятный результат такого лечения, мы можем позволить себе усомниться в том, что в целом оно принесло большую пользу чести братства. Их сильные стороны скорее следует искать в настоящем знании, полученном в результате уединенной и размышляющей жизни, добросовестного изучения проявлений природы, а также тех намеков и лесных знаков, которые совершенно непонятны белому человеку и недоступны обычному пониманию туземца. Путешественники часто рассказывают об изменениях погоды, предсказанных ими с поразительной прозорливостью, и об информации необычайной точности и объема, полученной из самых скудных материалов. В этом нет ничего, что могло бы шокировать наше чувство вероятности, но многое возвышает наше мнение о проницательности туземцев. Они также были адептами ловких трюков и были знакомы с тем, что называется природной магией. Они позволяли связать себя по рукам и ногам бесчисленными узлами, а по знаку отряхивали их, как пушинки соломы; они плевали огнем и глотали раскаленные угли, выхватывали из пламени раскаленные камни, проходили голыми через огонь и совершенно безнаказанно погружали руки до плеч в котелки с кипящей водой.²⁶⁷⁻¹ Но и это еще не все. С мастерством, не уступающим жонглерам Индии, они могли вонзать ножи в жизненно важные части тела, извергать кровь или убивать друг друга, и при этом через несколько минут быть как всегда здоровыми; они могли поджигать предметы одежды и даже дома, и одним прикосновением своей магии мгновенно восстанавливать их в прежнем виде.²⁶⁷⁻² Если бы не было возможности увидеть большинство из этих чудес, совершенных в любую ночь в одном из наших больших городов хорошо одетым профессионалом, мы бы сразу же опровергли их возможность. Как бы то ни было, они удивляют нас слишком мало.

Одним из наиболее своеобразных и характерных проявлений их силы было вызывание духа для ответов на вопросы о будущем и об отсутствующих. Эта процедура очень похожа у всех северных племен, от эскимосов до мексиканцев. Круглый или конический домик из крепких жердей в количестве четырех или восьми штук, прочно установленных в землю, накрывался шкурами или циновками, оставлялось лишь небольшое отверстие для входа провидца. Войдя внутрь, он тщательно закрывал отверстие и начинал свои заклинания. Вскоре домик содрогается, крепкие столбы трясутся и гнутся, как от объединенной силы дюжины мужчин, а странные, неземные звуки, то далеко в воздухе, то глубоко в земле, с каждым днем приближающиеся все ближе и ближе, достигают ушей зрителей. Наконец священник объявляет, что дух присутствует и готов ответить на вопросы. Непременным предварительным условием любого расспроса является введение под шкуру горсти табака, нитки бус или какой-нибудь подобной мелочи, якобы для того, чтобы небесный гость, который, казалось бы, не может быть выше земных желаний и суеты. Полученные ответы, хотя иногда и бывают необычайно ясными и правильными, обычно имеют ту глубокую двусмысленность, которая оставляет озабоченного вопрошателя не более мудрым, чем он был до этого. Для всего этого достаточно объяснений - чрево вещание, хитрость и проницательное плутовство. Этому мнению не мешает и то, что обращенные индейцы, на правдивость которых мы можем безоговорочно положиться, неоднократно утверждали, что, совершая этот обряд, они сами не передвигали лекарственный домик; ведь нет ничего проще, чем в состоянии нервного возбуждения, в котором они тогда находились, быть обманутыми, как это иллюстрирует ныне известный феномен переворачивания стола.

Но есть нечто большее, чем эти вульгарные искусства, которые время от времени можно обнаружить. Есть утверждения, подкрепленные неоспоримыми свидетельствами, которые нельзя обойти молчанием, и все же я не могу не подойти к ним с сомнением. Они так противоречат законам точных наук, так чужды, я уже почти сказал, опыту нашей жизни. Но так ли это на самом деле, или же подобный опыт просто игнорируется и откладывается в сторону без серьезного рассмотрения? Разве нет в истории каждого из нас отрывков, которые поражают нашу ретроспективную мысль благоговением, почти ужасом? Разве почти в каждом сообществе нет людей, обладающих таинственной силой, относительно происхождения, способа действия и границ которой и мы, и они одинаково пребываем в неведении? Я имею в виду такие органические силы, которые принято объединять под словами "ясновидение", "месмеризм", "рабдомантия", "животный магнетизм", "физический спиритизм". Цивилизованные тысячи людей возлагают свою веру и надежду здесь и в будущем на истинность этих проявлений; рациональная медицина признает их существование, и хотя она приписывает их болезненным и исключительным влияниям, признается в отсутствии более точных знаний и воздерживается от бесплодных теоретизирований. Последуем ее примеру, и нам достаточно показать, что такие способности, какими бы они ни были, были известны и отечественному жречеству, и современным спиритуалистам, и чудотворцам Средневековья.

Их высшее развитие - это то, что наши предки называли "вторым зрением". То, что при определенных условиях знание может передаваться от одного разума к другому иначе, чем через обычные каналы органов чувств, хорошо видно на примере людей, находящихся в *состоянии раппорта*. Предел этого нам неизвестен, но не исключено, что на этом основано ясновидение или второе зрение. В своей автобиографии знаменитый вождь саков Черный Ястреб рассказывает, что его прадед "был вдохновлен верой в то, что по истечении четырех лет он увидит белого человека, который станет для него отцом". Под руководством этого видения он отправился на восток в определенное место и там, как и было предсказано, встретил француза, через которого народ был заключен в союз с Францией. 269-1 Никто из

людей, знакомых с характером индейцев, не усомнится в том, что эта легенда была рассказана и услышана с неподдельной верой. Но нам можно простить наш скептицизм, ведь здесь так много шансов ошибиться. Совсем иначе обстоит дело с анекдотом, рассказанным капитаном Джонатаном Карвером, хладнокровным английским торговцем, чья небольшая книга о путешествиях является непререкаемым авторитетом. В 1767 году он оказался среди киллистенцев в то время, когда они испытывали большие затруднения с продовольствием и рассчитывали, что прибытие торговцев спасет их от голодной смерти. Они уговорили главного священника посоветоваться с божествами о том, когда придет помощь. После обычных предварительных церемоний этот магнат объявил, что на следующий день, точно когда солнце достигнет зенита, придет каноэ с новыми вестями. В назначенный час вся деревня вместе с недоверчивым англичанином была на берегу, и, конечно же, в указанную минуту каноэ обогнуло далекую точку суши и, быстро приблизившись к берегу, принесло ожидаемые новости.[270-1](#)

Шарлевуа - писатель, заслуживающий почти такого же доверия, как и Карвер. Тем не менее он намеренно рассказывает о столь же необычном случае.[270-2](#)

Но эти примеры превосходят один, описанный в журнале *Atlantic Monthly* за июль 1866 года, автор которого, Джон Мейсон Браун, эсквайр, заверил меня в его точности во всех деталях. Несколько лет назад он во главе группы вояжеров отправился на поиски группы индейцев на обширных равнинах вдоль притоков рек Коппер-Майн и Маккензи. Опасности, разочарования и усталость от дороги заставляли одного за другим поворачивать назад, пока из первоначальных десяти человек не осталось только трое. Они тоже были на грани того, чтобы отказаться от, казалось бы, безнадежных поисков, когда их встретили несколько воинов из той самой группы, которую они искали. Один из знахарей отправил их на поиски трех белых, чьих лошадей, оружие, одежду и внешность он подробно описал, и это описание было повторено воинами мистеру Брауну, прежде чем они увидели двух его спутников. Когда после этого священника, честного и простодушного человека, попросили объяснить это необычное происшествие, он не смог предложить другого объяснения, кроме того, что "он видел, как они шли, и слышал их разговор во время путешествия".[271-1](#)

Путешественники записали множество подобных историй, и как бы они ни шокировали наше чувство правдоподобия, как хорошо подтвержденные свидетельства силы, которая поколебала индейский разум, и которая всегда так неизменно предопределяла его против христианства и цивилизации, их нельзя игнорировать. Являются ли они образцами утонченной хитрости, подстрекательствами дьявола или же их следует отнести к другим фактам, иллюстрирующим некоторые неясные и любопытные умственные способности, каждый может решить по склонности своего ума, ибо наука не выносит никаких решений.

Нервные состояния, связанные с именем Месмера, не были чем-то новым для индийских магов. Растирание и поглаживание больных, возложение рук были очень распространенными частями их клинических процедур, а при посвящении в члены их обществ их часто демонстрировали. Наблюдатели рассказывали, что у нез-персе в Орегоне новичка усыпляли песнями, заклинаниями и "определенными пассажами руки", а у дакотов его в заранее оговоренный момент легонько ударяли по груди, и он тут же "падал на лицо, его мышцы напрягались и дрожали всеми фибрами".[272-1](#)

Нет никаких оснований предполагать в этом обман. Он находит свою параллель в каждой расе и каждом веке, и опирается на характерную черту определенных эпох и определенных людей, которая заставляет их искать божественное не в задумчивом созерцании законов вселенной и фактов самосознания, а в полном погружении в них, погружении их собственной

индивидуальности в индивидуальность духов, чьего союза они ищут. Это является следствием того игнорирования универсальности Закона, которое относится к низшим стадиям просветления.[273-1](#) И поскольку это никогда не делается безнаказанно, а с железной уверенностью влечет за собой наказание, изучение вызванных таким образом психических состояний и вытекающих из них результатов представляет собой полезный предмет размышлений как для теолога, так и для врача. Ведь эти примеры нервной патологии одинаковы по своему характеру и одинаковы по последствиям, будь то свидетели в первобытных лесах Нового Света, среди конвульсионистов Святого Медарда или в возбужденных сценах религиозного возрождения в одной из наших собственных церквей.

Бессонница и воздержание, доведенные до предела человеческой выносливости, замкнутость и упорное заикливание ума на одном предмете - постоянное злорадство по поводу какой-нибудь болезненной фантазии - редко не приводили к галлюцинациям, облеченным во все одежды реальности. Врачам хорошо известно, что чем чаще искать эти болезненные состояния разума, тем охотнее они обнаруживаются. Кроме того, их часто вызывали опьяняющие и наркотические травы. Табак, магуэй, кока; в Калифорнии - чукуако; среди мексиканцев - змеиное растение, оллинхики или коаксихуитль; а среди южных племен нашей страны использовались кассин юпон и *iris versicolor*,[273-2](#) ; и, говорят, даже выращивались для этой цели. Провидец должен был довести себя до пророческой ярости или безмолвно лежать в кажущейся смерти, прежде чем ему откроется разум богов. Транс и экстаз были двумя известными ему путями к божеству; пост и уединение - средствами, используемыми для их открытия. Его идеалом был пророк, живущий вдали от людей, не нуждающийся в пище, в постоянном общении с божеством. Такой пророк, согласно легендам тупи, жил на горе, сверкающей золотом и серебром, у реки Уаупе, его единственным спутником была собака, а единственным занятием - мечты о богах. Однако когда приближалось затмение, собака лаяла, и тогда, приняв облик птицы, он облетал деревни и узнавал о произошедших изменениях.[274-1](#)

Но человек не может безнаказанно попираť законы своей физической жизни, и последствия этих лишений и болезненных возбуждений мозга предстают перед нами в страшных картинах. Нередко они доходили до мании бешенства, напоминая худшие формы берсеркерской ярости скандинавов или вакхической ярости Греции. Энтузиаст, обезумевший от причуд расстроенного рассудка, выходил из своего уединения в приступе демонического бешенства. Тогда горе собаке, ребенку, рабу или женщине, перешедшим ему дорогу; ведь ничто, кроме крови, не могло удовлетворить его неутолимую жажду, и они мгновенно становились жертвами его безумия. Но если это был сильный человек, он обнажал руку и позволял обезумевшему отшельнику впиться зубами в трепещущую плоть. Подобные сцены в наши дни нередки на северо-западном побережье, и мало кто из местных жителей в районе Милбанк-Саунд не имеет шрамов, ставших результатом этого ужасного обычая.[275-1](#)

Это безумие, достаточно ужасное в отдельных случаях, имело самые разрушительные последствия, когда с той особой способностью к заражению, которая характерна для истерических заболеваний, оно охватило целые деревни, превратив их в ночлежки, заполненные безудержными безумцами. Те, кто изучал странные и ужасные психические эпидемии, посещавшие Европу в средние века, такие как танец тарантула в Апулии, chorea Germanorum и великий танец святого Вита, будут готовы оценить природу сцены в гуронской деревне, описанной отцом ле Жене в 1639 году. Три дня и три ночи длился праздник, посвященный облегчению состояния женщины, которая, судя по описанию, страдала от какой-то непонятной нервной болезни. Ближе к концу этого бдения, которое на протяжении

всего времени было отмечено всевозможными распутствами и излишествами, все участники, казалось, внезапно были охвачены десятью тысячами дьяволов. Они с воем и криками носились по городу, ломали в хижинах все разрушаемое, убивали собак, избивали женщин и детей, рвали на них одежду и разбрасывали во все стороны костры голыми руками и ногами. Некоторые из них падали без чувств, чтобы надолго или навсегда лишиться рассудка, но другие продолжали до тех пор, пока не изнемогали от усталости. Отец узнал, что во время этих оргий нередко сгорали целые деревни, а некоторые семьи полностью вымирали. Неудивительно, что он видел в них дьявольские происки князя зла, но врач скорее склонен отнести их к случаям эпидемической истерии, обычным продуктам бурных и ненаправленных психических стимулов.[276-1](#)

Эти различные соображения неопровержимо доказывают, что власть священства отнюдь не основывалась исключительно на обмане. Они подтверждают и объясняют утверждения обращенных туземцев, что их власть как пророков была чем-то реальным и совершенно необъяснимым для них самих. И они позволяют понять, как потерпели неудачу те миссионеры, которые пытались убедить их в том, что вся эта хваленая сила была ложной. Более правильные взгляды, чем эти, должны были бы подсказать сами факты, ведь неоспоримо, что эти маги не стеснялись порой испытывать свои силы друг на друге. В этих странных *поединках* один садился напротив своего антагониста, окруженного таинственными эмблемами своего ремесла, и призывал своих богов одного за другим, чтобы поразить врага насмерть. Иногда, "собрав лекарство", как это называлось, чувствуя в себе ту скрытую силу воли, которая дает о себе знать даже без слов, он поднимался во весь рост и громким и суровым голосом приказывал своему противнику умереть! Тот сразу же падал замертво или, поддавшись подлому страху перед превосходящей волей, оставлял орудия своего искусства и с ужасом в сердце полз к своему ложу, отказывался от пищи и вскоре погибал. Еще более ужасной была тирания, которую они оказывали на суеверные умы масс. Если индейцу однажды внушить мысль, что он околдован, он наверняка откажется от любой пищи и погрузится в пучину призраков своей фантазии.

Насколько глубоко суеверное почитание этих людей пустило корни в душе индейца, цивилизованному уму трудно представить. В настоящее время считается, что их власть не имеет границ, "доходя до воскрешения мертвых и управления всеми законами природы".[277-1](#) Могила не может спастись от их всемогущих рук. Саксы и фоксы, алгонкинские племена, считают, что душа не может покинуть труп, пока не будет освобождена знахарями на их великом ежегодном празднике;[277-2](#) и пуэльчи из Буэнос-Айреса хранят глубокое молчание, проходя мимо могилы какого-нибудь известного некроманта, чтобы не нарушить его покой и не пострадать от его зловредного мастерства.[278-1](#)

Исследуя таким образом их реальную и предполагаемую власть над физическим и психическим миром, мы не затрагивали их сугубо жреческие функции, как исполнителей религиозных обрядов. Среди более грубых племен они, действительно, носили самый рудиментарный характер. Жертвоприношения, главным образом в форме пиров, где каждый набивается до отказа, танцы, часто заканчивающиеся самыми дикими сценами разврата, повторение длинных и монотонных песнопений, разжигание нового огня - вот церемонии, которые удовлетворяют религиозные потребности дикарей. Жрец находит еще одну сферу для своей деятельности в изготовлении и освящении амулетов от невезения, в толковании снов и особенно в снятии завесы с будущего. В Перу, например, они делились на классы, которые специализировались на различных способах гадания. Одни заставляли говорить идолов, другие извлекали свое предвидение из слов, произнесенных мертвыми, третьи предсказывали по листьям табака или зернам и соку какао, а для других были характерны

формы зерен маиса, взятых наугад, вид экскрементов животных, формы, которые принимал дым, поднимающийся от горящих жертв, внутренности и внутренности животных, ход определенного вида пауков, видения в пьяном виде, полеты птиц и направления падения фруктов - все это представляло собой множество отдельных областей предсказаний, профессора которых отличались различными чинами и титулами.[279-1](#)

Поскольку интеллектуальные силы нации были сосредоточены главным образом в этом классе, они стали признанными хранителями священных легенд, преподавателями искусства сохранения мысли; из их обязанности регулировать праздники возникли наблюдения за движением небесных тел, корректировка календарей и псевдонаука судебной астрологии. Последняя была доведена в Мексике до такой же тонкой степени изящества, как и в старом мире; значительная часть древних писателей посвящена объяснению метода, принятого местными астрологами для составления гороскопа и определения даты рождения новорожденного.

Как была получена эта высшая власть? Каковы были условия приема в этот привилегированный класс? В более грубых общинах власть была сугубо личной. Она открывалась ее обладателю по характеру видений, которые он воспринимал во время испытаний, через которые проходил по достижении половой зрелости; у северных народов считалось, что это проявление более сильного личного духа, чем обычный. Это была не способность, а вдохновение; не врожденная сила, а духовный дар. Любопытная теория дакотов, записанная преподобным мистером Пондом, гласит, что некромант сначала пробуждается к сознанию в виде крылатого семени, переносимого туда и сюда разумным действием Четырех ветров. В таком виде он посещает дома различных классов божеств, изучает песнопения, праздники и танцы, которые подобает соблюдать человеческой расе, искусство вездесущности или ясновидения, способы нанесения и исцеления болезней, а также оккультные тайны природы, человека и божества. Это называется "сон богов". Когда это обучение завершено, семя попадает в ту, кто собирается стать матерью, принимает человеческий облик и в положенное время проявляет свои силы. Его ждут *четыре* таких воплощения, каждое из которых будет все более сильным, а затем дух возвращается в свое первоначальное небытие. Такая же необходимость смерти и воскрешения была и у эскимосов. По словам епископа Эггеде, для того чтобы стать жрецом высшего порядка, необходимо было, чтобы один из низших был утоплен и съеден морскими чудовищами. Затем, когда его кости, одна за другой, были вымыты на берег, его дух, который тем временем постигал тайны невидимого мира, возвращался к ним, и, облеченный в плоть, он возвращался в свое племя. Иной раз молодого человека охватывает смутная и неопишуемая тоска, им овладевает нездоровый аппетит, он становится жертвой беспричинного и бесцельного беспокойства или беспричинной меланхолии. Эти признаки старые священники распознают как проявление личного духа высшего порядка. Они берут юношу под свою опеку и обучают его тайнам своего ремесла. На несколько месяцев или лет он обречен на полное уединение, не получая никаких посещений, кроме как от братьев своего ордена. В конце концов его посвящают в братство с помощью более или менее пышных церемоний, и с этого времени он приобретает ту серьезность поведения, сентиментальный стиль выражения и общую атмосферу таинственности и важности, которая везде считается столь необходимой для врача и священника. Особенностью моксосов было то, что они считали, что для этой должности не подходит никто, кроме тех, кто вырвался из когтей южноамериканского тигра, которому, как говорят, они поклонялись как богу.[281-1](#)

Иногда, в очень малокультурных племенах, какая-то семья или тотем претендовали на монополию жречества. Так, у нез-персе в Орегоне оно передавалось в одной семье от отца к

сыну и дочери, но всегда с условием, что дети в соответствующем возрасте сообщали о снах удовлетворительного характера.²⁸¹⁻² Пожалуй, только в алгонкинских племенах шауни ограничивались одним тотемом, но примечательно, что величайший из их пророков, Эльскатауэй, брат Текумсеа, не принадлежал к этому клану. С самых отдаленных времен у чероков была одна семья, выделенная для священнического служения. Когда белые впервые узнали об этом, это был род Никотани, но его члены, надувшись от гордости и наглости, так позорно злоупотребляли своим правом первородства и так грубо использовали его в своих интересах, что с дикой справедливостью были истреблены до последнего человека. На их место был назначен другой, который и по сей день исполняет все религиозные обряды. У них, однако, есть суеверие, возможно, заимствованное у европейцев, что *седьмой* сын - прирожденный пророк, обладающий даром исцеления прикосновением.²⁸¹⁻³ Адаир утверждает, что их бывшие соседи, чок тау, допускали, чтобы должность верховного жреца, или Великого Любимого Человека, оставалась в одной семье, переходя от отца к старшему сыну, а очень влиятельные *пластры* карибских племен обычно передавали свой ранг и положение своим детям.

В древнем Анахуаке прелатство было столь же систематическим, а его правила столь же четко определены, как и в Римской церкви. За исключением тех, кто служил Уицилопочтли и, возможно, нескольким другим богам, никто не получал жреческий сан по праву происхождения, а посвящался в него с раннего детства. Их образование завершалось в *Кальмекаке*, своего рода церковном колледже, где их обучали всем премудростям древних и эзотерическим премудростям их ремесла. Искусство смешивания красок и обведения рисунков, идеографическое письмо и фонетические иероглифы, песни и молитвы, используемые в общественном богослужении, национальные традиции и принципы астрологии, скрытое значение символов и использование музыкальных инструментов - все это составляло часть действительно обширного курса обучения, который они там проходили. Когда они демонстрировали удовлетворительное знакомство с этой программой обучения, начальство назначало их на те должности, на которые их природные таланты и их использование позволяли им претендовать: одних - для обучения детей, других - для служения в храмах, третьих - для управления тем, что мы можем назвать сельскими приходами. Негласное подчинение всех первосвященнику Уицилопочтли, наследственному *pontifex maximus*, целомудрие или, по крайней мере, умеренное потакание удовольствиям, серьезность поведения и строгое внимание к долгу были законами, налагаемыми на всех.

Государственная религия Перу находилась под надзором первосвященника из рода инков, а ее служители, как и в Мексике, могли быть любого пола и занимать должность либо по наследству, либо по образованию, либо по избранию. По политическим причинам самые важные посты обычно занимали родственники правителя, но это было обычаем, а не законом. Гарсилассо де ла Вега²⁸³⁻¹ утверждает, что они служили в храмах по очереди, каждый из них находился на службе четвертую часть лунного месяца. Если бы это было подтверждено, то это был бы единственный пример регулирования общественной жизни семидневной неделей, который можно найти в Новом Свете.

В каждой стране заметно стремление этого класса людей окружить себя тайной, сконцентрировать и увеличить свою власть, заключив между собой интимный союз. Они отличались необычностью в одежде и профессиональным костюмом. Бартрам описывает младших жрецов криков как одетых в белые одежды и носящих на голове или на руке "большую совиную шкуру, набитую очень изобретательно, как знак мудрости и гадания". Этих холостяков также можно отличить от других людей по их неразговорчивости, серьезному и торжественному лицу, степенному шагу и пению себе песен или гимнов низким

приятным голосом, когда они прогуливаются по городам".²⁸³⁻² Жрецы цивилизованных народов принимали различные манеры одеваться, чтобы соответствовать божеству, которому они служили, и их внешний вид часто был в высшей степени непритязательным.

Чтобы придать себе дополнительную значимость, они притворялись, что разговаривают на языке, отличном от того, который используется в обычной жизни, и песнопения, содержащие молитвы и легенды, часто были на этом эзотерическом диалекте. Фрагменты одного или двух из них дошли до нас от жрецов ацтеков. Путешественники Бальбоа и Кореаль упоминают, что храмовые службы в Перу велись на непонятном для масс языке²⁸⁴⁻¹, а заклинания жрецов Поухатана были не на обычном алгонкинском, а на каком-то непонятном жаргоне.²⁸⁴⁻² Та же особенность была замечена у дакотов и эскимосов, и у этих народов, к счастью, она попала в поле зрения компетентных ученых-лингвистов, которые подвергли ее тщательному изучению. Результаты их работы доказывают, что в этих двух случаях предполагаемые иностранные языки были не чем иным, как обычными диалектами страны, измененными с помощью искусственной акцентуации, введения нескольких каблистических терминов, использования описательных иносказаний и образных слов вместо обычных выражений, словом, сленгом, который плуты и педанты неизменно чеканят, когда объединяются.²⁸⁵⁻¹

Все эти уловки были направлены на то, чтобы окутать непроницаемой тайной секреты братства. Из тех же побуждений жрецы создавали общества разных степеней просветления, в которые могли вступать только те, кто готов был пройти испытания, чьи секреты нельзя было раскрывать под страхом жесточайших наказаний. У алгонкинов было три таких класса: *ваубено*, *меда* и *джосакид*, причем последний был самым высоким. В этот класс никогда не допускался белый человек. Похоже, что все племена контролировались этими тайными обществами. Александр фон Гумбольдт упоминает об одном из них, называемом "Ботуто" или "Священная труба", среди индейцев Ориноко, члены которого должны давать обет безбрачия и подвергаться суровым бичеваниям и постам. Перуанские коллахуаи представляли собой гильдию странствующих шарлатанов и магов, которые никогда не оставались на одном месте.

В то же время не было ни одного класса людей, который бы так широко и глубоко влиял на культуру и определял судьбу индейских племен, как их жрецы. При попытке получить истинное представление о возможностях и истории этой расы, нет ни одного элемента их социальной жизни, который бы требовал более пристального внимания, чем власть этих учителей. До сих пор о них говорили с презрением, которое, как я надеюсь, покажет эта глава, неоправданно. Как бы мы ни сожалели о том, как они использовали свое умение, мы должны справедливо оценить его и придать ему должный вес в оценке влияния религиозных чувств на историю человека".

²⁶⁵⁻¹ Haeser, *Geschichte der Medicin*, pp. 4, 7: Jena, 1845.

²⁶⁵⁻² Schoolcraft, *Ind. Tribes*, v. p. 440.

²⁶⁷⁻¹ Carver, *Travels in North America*, p. 73: Boston, 1802; *Narrative of John Tanner*, p. 135.

²⁶⁷⁻² Sahagun, *Hist. de la Nueva España*, lib. x. cap. 20; *Le Livre Sacré des Quichés*, p. 177; *Lett. sur les Superstit. du Pérou*, pp. 89, 91.

²⁶⁹⁻¹ Жизнь Черного Ястреба, с. 13.

270-1 Travs. in North America, p. 74.

270-2 Journal Historique, p. 362.

271-1 Иногда подобные факты можно объяснить быстротой восприятия, приобретенной благодаря постоянному воздействию опасности. Ум бессознательно воспринимает незначительные происшествия, совокупность которых приводит его к убеждению, которое человек воспринимает почти как вдохновение. Это и есть объяснение *предчувствий*. Но оно не применимо к случаям, подобным тому, который произошел со Сведенборгом, описавшим пожар в Стокгольме, когда он находился в Готтенберге, за триста миль от него. Психологи, презирующие любые методы изучения разума, кроме физиологических, в таких случаях оказываются в растерянности и отказывают им в доверии. Теологи называют их вдохновениями либо дьяволов, либо ангелов, в зависимости от того, согласны или не согласны они в религиозных взглядах с человеком, испытывающим их. Истинная наука сохраняет свое мнение до тех пор, пока дальнейшее наблюдение не просветит ее".

272-1 Schoolcraft, *Indian Tribes*, iii. p. 287; v. p. 652.

273-1 "Прогресс от глубочайшего невежества к высшему просвещению", - замечает Герберт Спенсер в своей *"Социальной статистике"*, - "это прогресс от полного бессознательного отношения к закону к убеждению, что закон универсален и неизбежен".

273-2 У криков, по словам Хокинса, было не менее семи священных растений; главными из них были кассин юпон, называемый ботаниками *Ilex vomitoria*, или *Ilex cassina*, из природного порядка Aquifoliaceae, и голубой флаг, *Iris versicolor*, из природного порядка Iridaceae. Первое растение является мощным мочегонным и легким слабительным средством и растет только у моря. Второй - активное вегето-катартическое средство, в изобилии произрастающее на болотистой местности по всему Южному штату. Из него был образован знаменитый "черный напиток", которым они открывали свои советы и который служил им вместо спиртных напитков.

274-1 Martius, *Von dem Rechtzustande unter den Ureinwohnern Brasiliens*, p. 32.

275-1 Мистер Андерсон в журнале *Am. Hist. Mag.*, vii. p. 79.

276-1 Такие очки не были редкостью. Они часто упоминаются в "Отчетах иезуитов" и были главными препятствиями для миссионерской работы. В разврате и излишествах, возбуждавших эти временные мании, в безрассудстве по отношению к жизни и имуществу, которому они способствовали, и в их катастрофических последствиях для ума и тела, более чем в какой-либо другой черте запечатлена глубокая испорченность расы и ее тенденция к гибели. По причудливому выражению одного из католических отцов, "если верна старая пословица, что в каждом человеке есть крупица безумия, то следует признать, что это народ, где в каждом есть по крайней мере пол-унции" (De Quen, *Rel. de la Nouv. France*, 1656, p. 27). Приведенный в тексте пример см. в *Rel. de la Nouv. France*, An 1639, pp. 88-94.

277-1 Schoolcraft, *Indian Tribes*, v. p. 423.

277-2 J. M. Stanley, in the *Smithsonian Miscellaneous Contributions*, ii. p. 38.

278-1 D'Orbigny, *L'Homme Américain*, ii. p. 81.

279-1 См. Balboa, *Hist. du Pérou*, pp. 28-30.

281-1 D'Orbigny, *L'Homme Américain*, ii. p. 235.

281-2 Schoolcraft, *Ind. Tribes*, v. p. 652.

281-3 Д-р Мак Гойэн в книге "*Amer. Hist. Mag.*", x. p. 139; Whipple, *Rep. on the Ind. Tribes*, p. 35.

283-1 *Hist. des Incas*, lib. iii. ch. 22.

283-2 *Путешествия по Каролинам*, p. 504.

284-1 *Hist. du Pérou*, p. 128; *Voyages aux Indes Occidentales*, ii. p. 97.

284-2 Beverly, *Hist. de la Virginie*, p. 266. Он указывает диалект "celle d'Occaniches", а на стр. 252 говорит: "On dit que la langue universelle des Indiens de ces Quartiers est celle des Occaniches, quoiqu'ils ne soient qu'une petite Nation, depuis que les Anglois connoissent ce Pais; mais je ne sais pas la difference qui l'y a entre cette langue et celle des Algonkins." (Французский перевод, Орлеан, 1707 г.) Это, несомненно, тот самый народ, который немецкий путешественник Иоганн Ледерер посетил в 1670 году и назвал *Акенатци*. Они жили на острове, в одном из рукавов реки Чоуэн, Сапона, или Глубокой реки (Lederer's *Discovery of North America*, in Harris, *Voyages*, p. 20). Тридцать лет спустя английский геодезист Лоусон обнаружил их в том же месте и говорит о них как об *аканечос* (см. *Am. Hist. Mag.*, i. p. 163). Их тотемом была змея, и их название не совсем похоже на то, как тускарора называют это животное *usquauihne*. Поскольку змея была столь широко распространенным священным животным, это придает замечаниям Беверли необычное значение. Из этого названия ни в коем случае не следует, что они имели ирокезское происхождение. Ледерер путешествовал с переводчиком из племени тускарора (ирокезов), который дал им название на своем языке. Напротив, чрезвычайно вероятно, что они были алгонкинским тотемом, имевшим исключительное право на жречество.

285-1 Riggs, *Gram. and Dict. of the Dakota*, p. ix; Kane, *Second Grinnell Expedition*, ii. p. 127. Пауль Эгед приводит ряд слов и выражений на диалекте колдунов, *Nachrichten von Grönland*, p. 122.

ГЛАВА XI.

ВЛИЯНИЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ РЕЛИГИЙ НА МОРАЛЬНУЮ И СОЦИАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ РАСЫ.

Естественные религии, которые до сих пор считались скорее злом, чем добром.- Различия, которые необходимо провести.- Нравственность не вытекает из религии.- Положительная сторона естественных религий в воплощениях божества.- Примеры.- Молитвы как показатели религиозного прогресса.- Религия и социальный прогресс.- Заключение.

Завершая свой очерк, я понимаю, что обширное поле американской мифологии по большей части остается нетронутым, что я лишь доказал, что оно не является абсолютной пустыней, безлюдной, как тропические джунгли, которые сегодня скрывают храмы расы; но что, куда бы мы ни пошли, видны определенные ориентиры и путеводные столбы, показывающие единство замысла и цели и опровергающие своим присутствием часто повторяемое обвинение в полной бессвязности и бесцельности. Остается рассмотреть субъективную силу туземных религий, их влияние на тех, кто их исповедовал, и то место, которое они заслуживают в истории расы. Каковы их достоинства, если они есть? Каковы их недостатки? Очищали ли они жизнь и просвещали разум, или наоборот? Что они несут в себе - зло или добро? Проблема сложная, а ее решение - самое трудное. Автор, который в последние годы

наиболее глубоко изучил дикие расы земного шара, высказывает обескураживающее убеждение: "Их религии не действовали как рычаги, чтобы поднять их к цивилизации; они скорее работали, и притом мощно, чтобы помешать каждому шагу вперед, в первую очередь приписывая все непонятное в природе духовному агентству, а затем ставя судьбу человека в зависимость от таинственных и капризных сил, а не от его собственного мастерства и предвидения".[288-1](#)

Если бы этот вердикт был окончательным, он бы плохо сочетался с теорией мифологии, которой я придерживался все это время. Но на самом деле эти ложные доктрины принесли с собой собственные противоядия, по крайней мере в некоторой степени, и, хотя мы в полной мере оцениваем их зло, давайте признаем и их добро. Заменяв прямое божественное вмешательство законом, веру - знанием, догму - фактом, мы лишились наивысшего стимула к умственным усилиям. Природа для язычника - не гармоничное целое, управляемое вечными принципами, а хаос беспричинных следствий, бессмысленная игра капризных призраков. Он не исследует ее, потому что не сомневается. Все события для него - чудеса. Поэтому его вера не знает границ, и те, кто учит, что сомнения греховны, должны созерцать его с восхищением. Девы из Никарагуа, которым суждено было быть брошенными в кипящие кратеры вулканов, отправились навстречу своей судьбе, говорит Паскуаль де Андагойя, "счастливые, как будто их собираются спасти"[288-2](#) и, несомненно, верящие в это. Подданные одного из центральноамериканских вождей, отмечает Овьедо, "считают венцом благосклонности разрешение умереть вместе со своим касиком и таким образом обрести бессмертие". [288-3](#) Страшная власть жрецов, как они сами часто замечали, во многом зависела от негласного и буквального принятия их диктов.

В некоторых отношениях контраст, предлагаемый здесь просвещенным народам, не всегда в пользу последних. Заимствуя остроумную антитезу поэта, разум часто испытывает искушение воскликнуть.

"Это все
Мы пожинаем плоды всей мудрости, посеянной
На протяжении веков: Ни в чем не сомневались те первые сыны
Времени, а мы, обученные веками,
Ни во что не верим".

Но эта жалоба необоснованна. Вера дорого покупается ценой знания; и в лучшем смысле слова она еще не исчезла из нашей среды. Гораздо более возвышенной, чем любая другая, известная варвару, является вера астронома, проводящего ночи напролет, отмечая кажущиеся странными движения звезд, или анатома, с неутомимым рвением изучающего мельчайшие волокна организма, каждый из которых опирается на непоколебимое убеждение, что во всей вселенной от мала до велика преобладают цель и порядок.

Естественные религии редко предлагают больше, чем это негативное противостояние разуму. Они в определенной степени терпимы. Дикарь, лишенный ясного представления о высшем божестве, не претендует на то, что его церковь - единственная истинная. Если его побеждают в битве, он считает, что это происходит из-за неполноценности его собственных богов по сравнению с богами победителя, и поэтому ему редко требуются какие-либо другие причины, чтобы стать новообращенным. Действуя по этому принципу, инки, завоевав чужую провинцию, отправляли ее самого почитаемого идола на время в храм Солнца в Куско, доказывая тем самым его неполноценность по сравнению с их собственным божеством, но не предпринимали более решительных шагов по распространению своего вероучения.[290-1](#)

Так и в городе Мехико был храм, отведенный для идолов покоренных народов, в котором они были заперты, чтобы доказать свою слабость и помешать им творить зло. Народ, как и отдельный человек, не был склонен покровительствовать божеству, которое проявило свою некомпетентность, позволив своему подопечному постепенно изнашиваться от постоянных бедствий. Насколько можно судить, в интеллектуальных вопросах религии древней Мексики и Перу были гораздо более либеральны, чем религии, привнесенные испанскими завоевателями, которые, претендуя на монополию истины, пытались подтвердить свои притязания инквизицией и цензурой.

В этом взгляде на относительную силу божеств заключалась мощная коррекция доктрины, согласно которой судьба человека зависела от капризов богов. Ведь ни одно верование не было более универсальным, чем то, которое приписывало каждому человеку духа-хранителя. Этот невидимый наблюдатель всегда помогал в беде. Он подсказывал решения, давал советы и предупреждал во сне, защищал в опасности и был готов пресечь козни врагов, божественных или человеческих. Безгранично веря в этого покровителя, приписывая ему способы, подсказанные собственным быстрым умом, и счастливые случайности жизни, дикарь избавлялся от гнетущей мысли, что он - раб демонических сил, и без тревоги преодолевал опасности леса и военного пути.

Самая мрачная сторона такой религии - та, которую она представляет для морали. Религиозное чувство отнюдь не является голосом совести. Индеец Такахли, когда болен, делает полное и свободное признание в грехах, но убийство, каким бы неестественным и неспровоцированным оно ни было, он не упоминает, не считая его преступлением.²⁹¹⁻¹ Сцены жестокой разнузданности одобрялись и поддерживались на всем континенте как акты культа; девичество во многих частях свободно предлагалось или требовалось жрецами как право; в Центральной Америке близнецов убивали по религиозным мотивам; человеческие жертвоприношения были распространены в тропиках и не были редкостью в более высоких широтах; каннибализм часто предписывался; в Перу, Флориде и Центральной Америке нередко родители убивали своих собственных детей по приказу жреца.²⁹¹⁻² Философский моралист, созерцая подобные зрелища, счел возможным найти в них одну утешительную черту. Вся история, говорят, показывает человека, живущего под гнетом Бога и стремящегося умиротворить его кровавой жертвой; суть всей религии, добавляют, заключается в том, символом чего является жертва, а именно в принесении себя в жертву, в подчинении нашей воли воле Бога.²⁹¹⁻³ Но жертвоприношение, если оно не является знаком благодарности, не может быть объяснено таким образом. Это не принесение себя в жертву, а замена нашей воли на волю Бога. Божество разгневано пренебрежением к своим обязанностям; оно отомстит, конечно, ужасно, мы не знаем, как и когда. Но поскольку наказание - это все, чего он желает, если мы сами себя накажем, он будет удовлетворен; и гораздо лучше такая самонаказанная пытка, чем страшное ожидание грядущего суда. В основе этого лежит безумный страх, не лишенный некоторого смутного чувства неумолимости законов природы. Рассматривая только эту сторону религии, древний философ утверждал, что боги существуют исключительно в представлениях их почитателей, а современные люди заявляют, что "страх - отец религии, любовь - ее поздно рожденная дочь";²⁹²⁻¹ , что "первая форма религиозной веры - это не что иное, как ужас перед неизвестным", и что "ни одна естественная религия, похоже, не смогла развить из зародыша внутри себя ничего, что могло бы принести реальную пользу цивилизации".²⁹²⁻²

Далеко не всегда я могу оправдывать те преступления, которые совершаются под прикрытием религии, или игнорировать их катастрофические последствия для человеческого прогресса. И все же это справедливый вопрос: если естественная

религиозная вера не содержит в себе зародышей чего-то лучшего, откуда берутся явные и неоспоримые улучшения, которые иногда наблюдаются - например, у тольтеков, перуанцев и майя? Ответ: под влиянием великих людей, которые культивировали в себе более чистую веру, жили ею, успешно проповедовали ее своим собратьям, а после смерти оставались в памяти своего народа незабвенными образцами благородных качеств.[293-1](#) Где в Америке есть хоть одна запись о таких людях? В ответ мы указываем на Кецалькоатля, Виракочу, Замну и их сородичей. Но эти величественные фигуры, как я показал, полностью мифические, творения религиозной фантазии, части и частички самой ранней религии. Таким образом, вся теория рушится, и мы обнаруживаем положительную сторону естественных религий - ту, которая скрывает в себе зародыш бесконечного прогресса, которая подтверждает их высокое происхождение и доказывает, что Он "недалек от каждого из нас".

Я уже анализировал эти фигуры в их физическом аспекте. Заметим, в каком противопоставлении они находятся с большинством других мифологических творений. Следует помнить, что они в первую очередь соответствуют стабильным, регулярным, космическим явлениям, что они всегда представляются в человеческом облике, а не в виде великанов, фей или странных зверей; что в свое время они были видимыми лидерами своих народов, что они не страдали от смерти и что, хотя их нет, они всегда присутствуют, благоволя к тем, кто помнит их наставления. Я лишь вскользь коснулся их моральных аспектов. Это также контрастировало с большинством низших божеств. Поклонение последним было данью, вымогаемой страхом. Индеец кладет табак на камни, чтобы дух быстрых вод не поглотил его каноэ; во время шторма он выбрасывает за борт собаку, чтобы успокоить сирену разъяренных волн. Он вырывал сердца у своих пленников, чтобы добиться благосклонности бога войны. Он снабжает себя талисманами, чтобы связать враждебные божества. Он плату за услуги колдуна, чтобы изгнать демона болезни. Он никого из них не любит, никого не уважает; он лишь боится их своенравного нрава. Они для него - таинственные, невидимые, капризные гоблины. Но в своей высшей божественности он признал Отца и Хранителя, благодатный Разум, который обеспечил ему все удобства жизни - человек, подобный ему самому, но бог - Бог всего. "Иди и твори добро", - таков был напутственный наказ отца Мичабо в алгонкинской легенде;[294-1](#) и в их древних и неискаженных историях такова всегда его цель. "Поклонение Таму", культурному герою гуарани, говорит путешественник д'Орбиньи, "вызывает благоговение, а не страх".[294-2](#) Они были идеалами, воплощавшими в себе лучшие черты, самые одобряемые добродетели целых народов, и их почитали в совершенно ином духе, чем других божеств.

Никто из них не обладает более гуманными и возвышенными чертами, чем Кецалькоатль. Его изображали величественного роста и с величественным поведением. В его сопровождении шли искусные ремесленники и ученые мужи. Он был целомудрен и умерен в жизни, мудр в советах, щедр на дары, завоевывал скорее мирными, чем военными искусствами, наслаждался музыкой, цветами и яркими красками и настолько не любил человеческие жертвоприношения, что затыкал уши обеими руками при их упоминании.[295-1](#) Таков был идеал человека и верховного бога народа, который даже испанский монах XVI века был вынужден признать "хорошим народом, приверженным добродетели, урбанистичным и простым в общении, избегающим лжи, искусным в искусствах, благочестивым по отношению к своим богам".[295-2](#) Возможно ли, что, имея перед глазами такую модель, они не получили от нее никакой пользы? Разве это не было рычагом, причем мощным, поднимающим расу к цивилизации и более чистой вере?

Перенесемся на Юкатан и обнаружим в Замне, в Новой Гранаде и в Немкетебе, в Перу и в Виракоче, или его отражении Манко Капаке, черты Кецалькоатля - измененные, правда, из-за различий в крови и темпераменте, но сочетающие в себе все качества, наиболее почитаемые их нациями. Если бы было доказано, что один из них или все они являются историческими личностями, все равно остается фактом, что первобытное религиозное чувство, наделяя их лучшими атрибутами человечества, опираясь на них как на свои образцы, поклоняясь им как богам, содержало ядро истины, способное поощрять моральное совершенство. Но если они были мифическими, то эта истина росла спонтанно, саморазвивалась под влиянием растущей отчетливости идеи Бога, живого свидетельства того, что религиозное чувство, как и все другие способности, обладает способностью к бесконечной эволюции.

Если мы поинтересуемся секретом более счастливого влияния этого элемента в естественном поклонении, то он заключен в одном слове - его *человечности*. "Идеал нравственности, - говорит созерцательный Новалис, - не имеет более опасного соперника, чем идеал величайшей силы, наиболее энергичной жизни, идеал грубой силы" (*das Thier-Ideal*).²⁹⁶⁻¹ Культура развивается в той мере, в какой человек осознает, какие способности присущи ему *как человеку*, и посвящает себя их воспитанию. Моральная ценность религий может быть очень точно оценена по человеческому или жестокому характеру их богов. Поклонение Кецалькоатлю в городе Мехико было подчинено более низким представлениям, и, следовательно, обряды там были более кровожадными и безнравственными. Алгонкины, которые не знали иного значения имени Миахо, кроме как Большой Заяц, потеряли из-за ложной этимологии лучшую часть своей религии.

Если поискать другие стандарты, которыми можно было бы измерить прогресс в познании божественного в Новом Свете, то *молитва* представляется одним из наименее обманчивых. "Молитва, - снова цитируя слова Новалиса,²⁹⁶⁻² - в религии то же, что мысль в философии. Религиозное чувство молится, как и разум мыслит". Гизо, продолжая анализ, считает, что она вызвана болезненным убеждением в неспособности нашей воли подчиниться велениям разума.²⁹⁶⁻³ Первоначально это было связано с верой в то, что вселенной управляет не божественный закон, а каприз, и что желать нужно материальных благ, а не духовных даров. Постепенное признание ее ограничений и надлежащих объектов знаменует собой религиозный прогресс. Молитва "Отче наш" содержит семь прошений, и только одно из них касается временных благ, и это самое малое, о чем можно просить. Какой неизмеримый промежуток между ней и молитвой индейца Нутка, готовящегося к войне!

"Великий Куахотзе, дай мне жить, не болеть, найти врага, не бояться его, найти его спящим и убить много его".²⁹⁷⁻¹

Или еще, между этим и обращением гуронов к местному богу, услышанным отцом Бребефом: - "Оки, ты, кто живет.

"Оки, ты, кто живет в этом месте, я предлагаю тебе табак. Помоги нам, спаси нас от кораблекрушения, защити нас от наших врагов, дай нам хорошую торговлю и верни нас целыми и невредимыми в наши деревни".²⁹⁷⁻²

Это достойный образец молитв самой низкой религии. Другой, столь же достоверный, приводится отцом Аллуэзом.²⁹⁷⁻³ В 1670 году он проник в отдаленную деревню алгонкинов, которую никогда прежде не посещал белый человек. Жители, пораженные его бледным лицом и длинным черным платьем, приняли его за божество. Они пригласили его в зал совета, вокруг него собрался круг стариков, и один из них, подойдя к нему с двойной горстью табака, обратился к нему, а остальные одобрительно хрюкнули: -...

"Воистину, это хорошо, Блэкроб, что ты посетил нас. Помилуй нас. Ты - Манито. Мы даем тебе покурить.

"Наудовеси и ирокезы пожирают нас. Смилуйся над нами.

"Мы часто болеем, наши дети умирают, мы голодаем. Смилуйся над нами. Услышь меня, о Манито, я даю тебе дым.

"Пусть земля дает нам кукурузу, реки дают нам рыбу, болезни не убивают нас, голод не мучает нас. Услышь нас, о Манито, мы даем тебе дым".

В этом грубом, но трогательном прошении, вырвавшемся из сердца несчастного народа, не видно ничего, кроме его убогости. Ни малейшего следа стремления к духовному просвещению не радует глаз филантропа, ни малейшего представления о том, что через страдания мы очищаемся.

Рядом с этими примерами можно поставить молитвы Перу и Мексики - формы, составленные священниками, выписанные, записанные на память и повторяемые в определенные времена года. Они не менее аутентичны, поскольку были собраны и переведены в первом поколении после завоевания. Одна из них, обращенная к Виракоче Пачакамаку, была следующей: "О, Пачакамак!

"О Пачакамак, ты, который существовал от начала и будет существовать до конца, могущественный и жалкий; который создал человека, сказав: да будет человек; который защищает нас от зла и сохраняет нашу жизнь и здоровье; ты на небе или на земле, в облаках или в глубинах? Услышь голос того, кто взывает к Тебе, и исполни его прошения. Даруй нам жизнь вечную, сохрани нас и прими эту нашу жертву".[299-1](#)

В объемных образцах молитв ацтеков, сохраненных Сахагуном, моральное совершенствование, "духовный дар", очень редко, если вообще, является желаемым объектом. Здоровье, урожай, благоприятные дожди, избавление от боли, защита от опасностей, болезней и поражений - вот почти неизменные темы. Но время от времени мы улавливаем проблеск чего-то лучшего, какое-то смутное ощущение божественной красоты страдания, какой-то слабый отблеск великой истины, так благородно выраженной поэтом: - aus des Busens Tiefe

aus des Busens Tiefe strömt Gedeihn
Der festen Duldung und entschlossner That.
Nicht Schmerz ist Unglück, Glück nicht immer Freude;
Wer sein Geschick erfüllt, dem lächeln beide.

"Возможно ли, - говорит один из них, - что этот бич, это несчастье посланы нам не для нашего исправления и улучшения, а для нашего разрушения и уничтожения? О милосердный Господь, пусть это наказание, которым Ты посетил нас, Твой народ, будет подобно тому, которое отец или мать накладывают на своих детей, не из гнева, а для того, чтобы они избавились от глупостей и пороков". Другая формула, использовавшаяся при избрании вождя на какую-либо важную должность, гласила: "Господи, открой его глаза и дай ему свет, обостри его уши и дай ему понимание, но не для того, чтобы он использовал их в своих интересах, а для блага народа, которым он правит. Веди его к познанию и исполнению воли Твоей, пусть он будет как труба, возвещающая слова Твои. Удержи его от совершения несправедливости и угнетения".[300-1](#)

Поначалу добро и зло отождествляются с удовольствием и болью, удачей и невезением. "Добрые - хорошие воины и охотники", - сказал вождь племени пауни,³⁰⁰⁻² что было бы и мнением волка, если бы он мог его выразить. Постепенно глаза разума открываются, и он понимает, что "кого Он любит, того и наказывает", а физические уступают место моральным представлениям о добре и зле. Наконец, по мере того как перед душой все отчетливее встает идея Бога, как "Того, кем, в ком и через кого все существует", зло воспринимается как отрицание, а не противоположность добра, и само по себе "крыльцо, часто открывающееся на солнце".

Влияние этих религий на искусство, науку и общественную жизнь также должно быть взвешено при оценке их ценности.

Почти все остатки американского пластического искусства, скульптуры и живописи, очевидно, были созданы в религиозных целях. Идолы из камня, дерева или обожженной глины были найдены в каждом индейском племени без исключения, насколько я могу судить; и лишь в нескольких направлениях эти искусства, похоже, применялись в светских целях. Самые амбициозные попытки архитектуры, как видно, были вдохновлены религиозным пылом. Великая пирамида Чолула, огромные курганы в долине Миссисипи, сложные сооружения на искусственных холмах в Юкатане были миниатюрными изображениями гор, освященных традицией, "Небесного холма", вершины, на которой их предки спаслись во время потопа, или земного рая, из которого льются дожди. Их строительство отвлекало людей от войны и погони, способствовало развитию земледелия, мира и оседлого образа жизни, воспитывало любовь к собственности, стране и богам. Жрецы также внимательно наблюдали за природой и первыми открыли ее простые законы. Мудрецы ацтеков были такими же преданными звездочетами, как и халдеи, а их календарь несет на себе безошибочные следы родословной и первоначального предназначения для фиксации ежегодных праздников. Письменность с помощью рисунков и символов культивировалась в основном в религиозных целях, а слово *иероглиф* свидетельствует о том, что фонетический алфавит был открыт под влиянием религиозных чувств. Большая часть литературы аборигенов была написана и преподавалась жрецами, и большая ее часть касается вопросов, связанных с их суевериями. По мере того как дары верующих и возведение храмов обогащали священнослужителей в индивидуальном и коллективном порядке, ужасы религии были переданы в руки светской власти для обеспечения прав собственности. Музыка, поэтические, живописные и исторические чтения составляли часть церемоний более цивилизованных народов, а национальное единство укреплялось общей святыней. Активный обмен амулетами, счастливыми камнями и талисманами существовал по всему континенту, причем в гораздо большей степени, чем мы можем предположить. Поскольку опыт показывает, что ничто так эффективно не способствует развитию цивилизации, как свободное и мирное общение человека с человеком, я делаю особый акцент на распространенном обычае паломничества.

Храм на острове Козумель в Юкатане ежегодно посещали такие толпы людей со всех концов полуострова, что от соседнего берега до главных городов внутренних районов были проложены дороги, вымощенные тесаным камнем.³⁰²⁻¹ Говорят, что от каждой деревни муисков к озеру Гуатавита вела проторенная дорога, настолько многочисленны были почитатели, приезжавшие к расположенному там святилищу.³⁰²⁻² В Перу к храмам Пачакамы, Римака и других знаменитых богов стекалось бесчисленное множество людей со всех концов королевства и из других провинций в радиусе трехсот лиг вокруг. Для их размещения на всех главных дорогах и возле храмов были созданы увеселительные

заведения, а когда они сообщали о цели своего путешествия, им разрешали безопасный проход даже через вражескую территорию.³⁰²⁻³

Чем тщательнее мы изучаем историю, тем большее значение в наших глазах приобретает религиозное чувство. Это почти единственная способность, присущая человеку. Оно касается его больше, чем что-либо другое. Оно является ключом к его происхождению и судьбе. Как таковое, оно заслуживает самого пристального внимания во всех его проявлениях, и это внимание мы найдем вполне оправданным в более ясных представлениях о силах, которые управляют действиями и судьбами людей и народов.

²⁸⁸⁻¹ Waitz, *Anthropologie der Naturvoelker*, i. p. 459.

²⁸⁸⁻² Navarrete, *Viages*, iii. p. 415.

²⁸⁸⁻³ *Relation de Cueba*, p. 140. Прим. ред. Ternaux-Compans.

²⁹⁰⁻¹ La Vega, *Hist. des Incas*, liv. v. cap. 12.

²⁹¹⁻¹ Morse, *Rep. on the Ind. Tribes*, App. p. 345.

²⁹¹⁻² Ximenes, *Origen de los Indios de Guatemala*, p. 192; Acosta, *Hist. of the New World*, lib. v. chap. 18.

²⁹¹⁻³ Joseph de Maistre, *Eclaircissement sur les Sacrifices*; Trench, *Hulsean Lectures*, p. 180. Знаменитый аббат Ламменэ и профессор Зепп из Мюнхена, а также эти два автора могут считаться главными выразителями школы мифологов, все из которых исходят из теорий, впервые изложенных графом де Местра в его *Soirées de Saint Petersburg*. Для них самым сильным доказательством христианства являются традиции и обычаи язычества. Ведь в них проявляются потребности религиозного чувства, а христианство, по их мнению, очищает и удовлетворяет их все. Обряды, символы и легенды каждой естественной религии, говорят они, истинны, а не ложны; все, что требуется, - это назначить им надлежащие места и их реальное значение. Поэтому странные сходства языческих мифов с тем, что открыто в Писании, а также этические предвосхищения, обнаруженные в древних философиях, - все это, отнюдь не доказывая, что христианство - естественный продукт человеческого разума, на самом деле является его подтверждением, неосознанными пророчествами и предчувствиями истины.

²⁹²⁻¹ Alfred Maury, *La Magie et l'Astrologie dans l'Antiquité et au Moyen Age*, p. 8: Paris, 1860.

²⁹²⁻² Waitz, *Anthropologie*, i. pp. 325, 465.

²⁹³⁻¹ Так говорит д-р Вайц, там же, p. 465.

²⁹⁴⁻¹ Schoolcraft, *Algic Researches*, i. p. 143.

²⁹⁴⁻² *L'Homme Américain*, ii. p. 319.

²⁹⁵⁻¹ Brasseur, *Hist. du Mexique*, liv. iii. chaps. 1 и 2.

²⁹⁵⁻² Sahagun, *Hist. de la Nueva España*, lib. x. cap. 29.

²⁹⁶⁻¹ Novalis, *Schriften*, i. p. 244: Берлин, 1837.

²⁹⁶⁻² Ibid., p. 267.

²⁹⁶⁻³ *Hist. de la Civilisation en France*, i. pp. 122, 130.

297-1 Рассказ Дж. Р. Джуэтта среди дикарей Нутка Саунд, с. 121.

297-2 *Rel. de la Nouv. France*, An 1636, p. 109.

297-3 Там же, An 1670, p. 99.

299-1 Джеронимо де Оре, *Symbolo Catholico Indiano*, глава ix, цитируемая Терно Компансом. Де Оре был уроженцем Перу и занимал должность профессора богословия в Куско во второй половине XVI века. Он был человеком очень эрудированным, и нет никаких сомнений в том, чтобы принять эту необычную молитву за подлинную. О его жизни и трудах см. Антонио, *Bib. Hisp. Nova*, tom. ii. p. 43.

300-1 Sahagun, *Hist. de la Nueva España*, lib. vi. caps. 1, 4.

300-2 Morse, *Rep. on the Ind. Tribes*, App. p. 250.

302-1 Cogolludo, *Hist. de Yucathan*, lib. iv. cap. 9. Сравните Стивенса, "Путешествия по Юкатану", ii. p. 122, который описывает остатки этих дорог в том виде, в каком они существуют сейчас.

302-2 Rivero and Tschudi, *Antiqs. of Peru*, p. 162.

302-3 La Vega, *Hist. des Incas*, lib. vi. chap. 30; Xeres, *Rel de la Conq. du Pérou*, p. 151; *Let. sur les Superstit. du Pérou*, p. 98, и другие.

ЭРРАТА.

Страница 31, Примечание: для "Ureinbewohner" читайте "Ureinwohner".

" 101, строка 10 снизу, для "облаков" читайте "комков".

" 145, примечание 1, для "Gomara" читайте "Gumilla".

Примечание транскриптора

Следующие ошибки и несоответствия были сохранены.

Ошибки в написании слов и опечатки:

Страница	Ошибка
57	Инд. стр. следует читать Инд., стр.
89	Орстнамен следует читать Орцнамен
115	о следует читать of
134	knavs следует читать gnaws
140	extingish следует читать extinguish
144 сноска 2	Reconnoissance было написано так в названии оригинальной публикации, цитируется правильно
158 fn. 3	Hist du Mexique следует читать Hist. du Mexique
162	wizzard следует читать wizard
218	foreboding shave следует читать forebodings have
223 сноска 2	yelk следует читать желток

226 кн. 2	<i>выше</i> следует читать <i>выше</i>
234	после.мира следует читать после мира
248	scimetar следует читать скимитар
251	Xibilha следует читать Xibalba
258	суеверия следует читать суеверия
278	пьянство следует читать пьянство
294	гонорары следует читать освобождает или кормит?
300	дать следует читать дает
303 (и в других местах)	58 н. относится к сноске 57-3, дальнейший текст этой сноски был напечатан на с. 58 в оригинале книги
304 (и в другом месте)	84 п. относится к сноске 83-3, продолженный текст этой сноски был напечатан на стр. 84 в оригинальной книге
304	Сурау следует читать Çурау
304	a a symbol следует читать a symbol
304	Эльдорадо следует читать Эль Дорадо
305	28 н. относится к сноске 27-2, дальнейший текст этой сноски был напечатан на с. 28 в оригинале книги
305	291, п. следует читать 291 п.
306	Nez Percés следует читать Nez Percés,
306	152 кв. следует читать 152 кв,
306	Театиуакан следует читать Теотиуакан
306	See Peru, Incas следует читать See <i>Peru, Incas</i>
307	Ureinbewohner не найдено в тексте.

Следующие слова имели несоответствующее написание:

Mannacicas / Mannicicas

роль / роль

Киче / Киче

Tamöi / Tamoï

Следующие слова имели несогласованное дефисное написание:

Aka-kanet / Akakanet

Ама-ливака / Амаливака

рождение ребенка / роды

Тео-тиуакан / Теотиуакан

подземный мир / подземный мир

Ur-religionen / Уррелигионен

Йоалли-эхекатль / Йоаллиэхекатль

Другие несоответствия:

Названия произведений, упоминаемых в сносках, иногда не выделены курсивом. Имена авторов произведений, упоминаемых в сносках, иногда выделены курсивом.